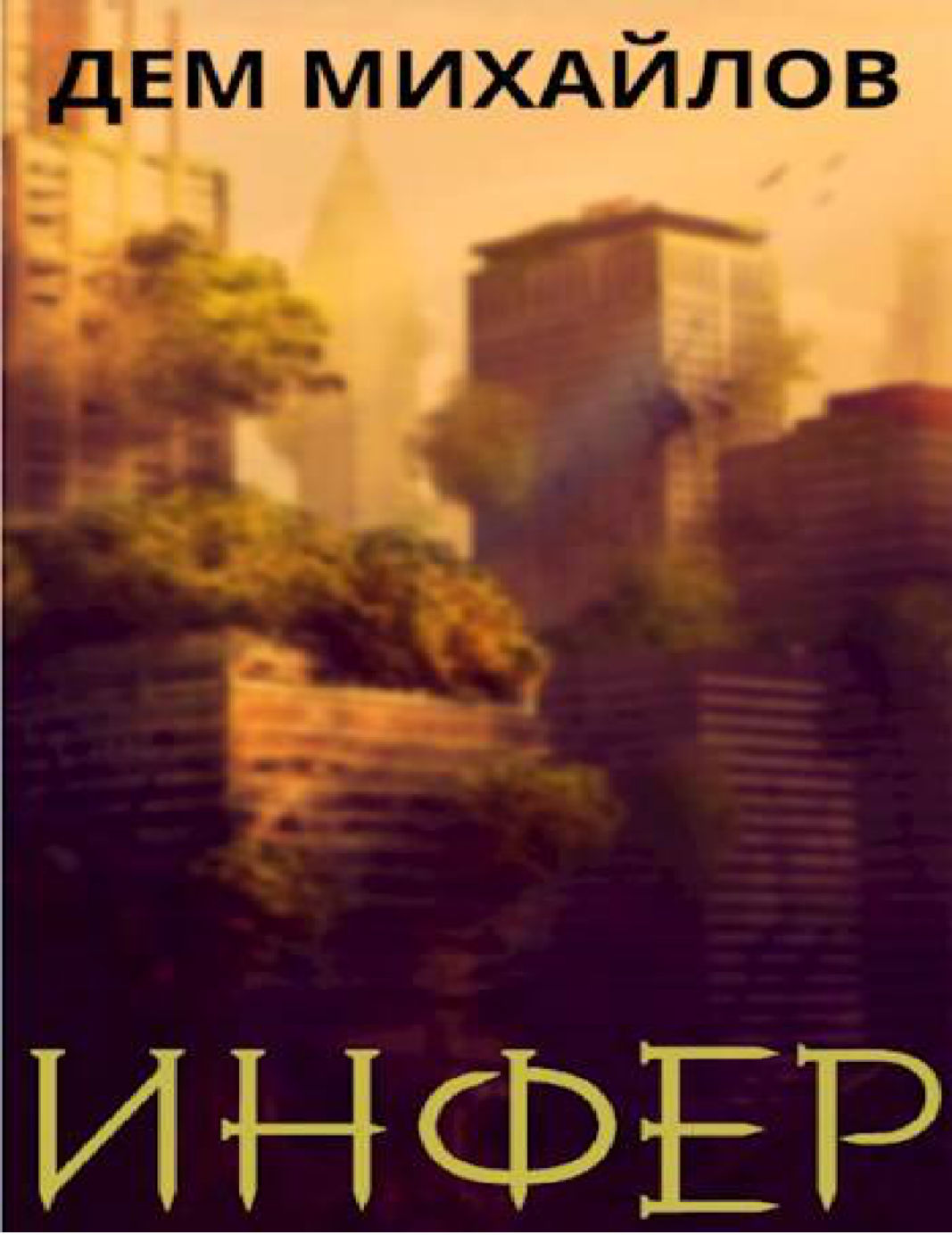
ДЕМ МИХАЙЛОВ



ИНФЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прямое продолжение цикла «Низший». Читать не прочтя сначала цикл «Низший» – НЕВОЗМОЖНО! Мир, которого мы еще не знали. Постапокалиптичные огромные города, удивительные племена с самыми причудливыми и порой страшными обрядами, невероятные чудовища, что бродят по густым джунглям, безводным пустыням или же скрываются в мутной воде рек… В этом цикле раскроются старые тайны – еще из Низшего – и появятся новые, что тоже в конце концов будут раскрыты. В этом цикле Оди, все столь же безжалостный и смотрящий только вперед, продолжит свой путь, пытаясь докопаться до сути происходящего вокруг безумия. Этот цикл вымышленный. И этот цикл описывает невероятно уродливый искореженный мир. Там везде грязь, похоть, кровь, ублюдочное отношение ко всему. И этот мир не имеет ничего общего с миром нашим. Все события и возможные совпадения – не больше чем случайность. Напоминаю – крови, безумия, неоправданной жестокости, похоти и насилия в книге очень много! Возрастной рейтинг – +18. Или выше… ТОЧНО ВЫШЕ!

- Содержание
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая

Содержание

Дем Михайлов
Инфер

Глава первая

Жопа орла дымилась.

Запах опаленных перьев прекрасно сочетался с неумелым, но столь искренним матом какого-то полуголого тощего хренососа с чучелом дымящегося орла на макушке.

– Ну?! Ну?! НУ?! Ты пронзил эту суку?! Пронзил его?!

– Да все уже, все! Иглы Роббура держат надежно, амиго! Глянь как распахало его руку!

– Глянь как распахало жопу моего орла! Дерьмо! Если бы он чуть не промахнулся…

– Зря мы назвали его чупандо бастардо. Зря! Пусть бы бежал дальше голожопый…

– А нож? Теперь у меня такой нож… И револьвер!

– А кровь? Ты видишь сколько на нем крови? А ведь это не его кровь! И нож был весь в крови… Зря ты назвал его макако суджу! Теперь Рами сдох!

– Ну…

– И Бонита сдохла! Он ей шею свернул! А я даже не понял как!

– Колючки хорошо воткнул?

– В мясо! Промеж костей. Распяли мы его знатно… убей его, амиго. Убей. Мой тебе совет.

– Дурак? Мы сдадим его на бои! Озолотимся! Чего ты морщишь харю? Знаешь сколько песо мы получим за него?!

– Как бы он нас не…

– У него что-то с мозгами. Сильный, но тупой. Даже не разговаривает. Только орал…

– И убивал.

– Да заткнись уже, Мозес! Заткнись! Колючки хорошо воткнул?

– Эта боль заставит любого бастардо остановиться и захныкать!

– Где Белси?

– Ищет какой-то корень.

– Зачем?

– Он ей нос расплющил! Всмятку! Она хочет сделать примочку…

– Она дура? Надо выправлять.

– Что там выправлять? А медико далеко…

– Она дура. Пусть пожует коки. Поможет.

– Он очнулся, амиго! Этот бастардо очнулся!

– Поправь мне орла. Нормально?

– Огузок дымит.

– А голова?

– Нормально.

– Колючки? Ты точно хорошо воткнул колючки?!

– В мясо! В мясо! Боль остановит и пантеру!

Приоткрыв глаза, мутным взором я глянул по сторонам, судорожно закашлялся, чувствуя, как из горла лезут кислые остатки блевоты. Сплюнув, глянул на одну руку, потом на другую. Потом посмотрел ниже. Вокруг пояса и груди мотки веревки, руки прижаты к широченному стволу дерева и приколочены к нему за ладони и запястья длинными шипастыми темными иглами. Ноги привязаны. На ступнях странные грязные обмотки. Больше из одежды на мне ничего, если не считать прилипших листьев.

– Эй, членососы – я с ухмылкой приподнял голову, шевельнул плечами – Кто из вас сделал это со мной, а?

– Он говорит, амиго! Говорит как нормальный! Мерда!

– Я… – вперед робко ступил тощий хрен с дохлым орлом на голове – Я Джез Агиа! А ты – мой раб и должник! Почему? Почему ты стал рабом? Я отвечу тебе!

– Не слышу – наклонил я голову и поморщился от пронзившей череп боли – Че ты там провонял, дерьма кусок?

– Ты – мой раб! И должник! Ты убил моих…

– Амиго! Его рука! Рука!

– А? – дернув недовольно щекой, Джез чуть скосил глаза и вздрогнул, увидев, как я выворачиваю ладонь и запястье из рвущих мясо колючек – Ох…

Больше он ничего не успел сказать – ладонью с торчащими из нее иглами я схватил его за глотку, стиснул пальцы и оскалился, почувствовав, как побежала его горячая кровь. Сипя, булькая, Джез попытался отпрянуть, но я вцепился мертвой хваткой, подтягивая его к себе. Убедившись, что его уши близко, выворачивая вторую руку, я спросил:

– Кто я такой, а?

– Ыгх… ыгх… эк… эрр… кх… эррр… кха-кха…

– Эр… – прохрипел я – Эр… Эрыкван… Эрикван… нет… я Оди! Оди! – красные от крови пальцы сжались сильнее, я улыбнулся выпученным глазам чуть шире – Это ты забрал мой нож? А револьвер?

– Ы-ы-ы… ы-ы-ы… – глаза уставились вниз.

Я успел первым, схватившись второй израненной рукой за торчащую из пояса рукоять ножа. Дернув на себя, вспорол ему кожу на брюхе и тут же надавил, вгоняя нож глубже, а затем снова резко дергая в сторону, ведя погруженное в мясо лезвие к

печени. Оставив нож в гостеприимно теплом органе, я сместил ладонь и схватил револьвер. Взвел курок, вскинул и поверх плеча дрожащего Джеза влепил пулю в грудь бегущего к нам с камнем второму ушлепку. Коротко вякнув, тот выронил булыжник и упал рядышком. Выпустив шею лидера-орла, я выдернул нож и полоснул по веревкам. Рухнув, встряхнул руками, разбрызгивая кровь, выдернул зубами пару мешающих игл, огляделся и задумчиво произнес, потирая лезвием ножа чешущееся плечо:

– Где я? Кто я? И где сука мой экз?! – повернувшись к стонущему Джезу, пытающемся встать, я постарался помочь ему пинком снизу-вверх по хлебалу, отчего тот сразу воспрял – Где мой экз, сука?!

– А?

– Где мой экз, сука?! – я полоснул ему по лбу, рассекая кожу до черепа – Где мой экз?!

– Не было… не было! Не было! Не было!

– А-А-А-А!

Развернувшись, я метнул нож. Скользкая и липкая одновременно ладонь подвела и пущенный в полет нож чуть отклонился, вместо мягкого живота угодив под сердце. Орущая девка заткнулась и упала. Тут же рухнул и Джез.

– Дерьмо! – подытожил я, яростно моргая, в попытке отогнать сгущающуюся темноту, несущую с собой призыв блевануть и отключиться – Дерьмо!

Ноги подкосились, и я рухнул на скулящего ушлепка, успев вбить ему в глаз одну из оставшихся в ладони игл и слегка ей там поболтать, старательно размешивая мозговой сахарок.

Темнота…

* * *

– Оди! – с остывающего трупа я подскочил с этим яростным криком – Оди! Я Оди! Номер одиннадцатый! Гоблин! Добровольно низший! Мать вашу всех! Я гоблин! Гоблин! Гоблин! Я Оди! Мир Франциск! Мир Франциск! Я Оди!

Устав орать, заставил себя заткнуться и оглядеться.

День. Лес. Не джунгли, но почти джунгли. Это в первую очередь ощущается не по зарослям, а по температуре – пусть растения тропические, но нет того влажного мерзкого тепла, что вечно живет в густой тени плотных лесов.

Лежат трупы. Две девки. Три мужика. Все в крови. У меня в руке намертво зажат револьвер. Вон торчит мой нож под сердцем скрючившейся на боку девки со странно плоским носом.

Проверив патроны, убедился, что в револьвере остался один заряд.

– Каппа – вспомнил я еще что-то – Каппа…

Оглядевшись, во всю глотку заорал:

– КАППА! Куда ты делся, гоблин?!

В голове полный хаос. Воспоминания то приходят, то уходят – полное ощущение штормового прибоя, когда волны яростно колотят по песчаному пляжу, то набегая, то оставляя после себя выглаженную песчаную равнину и колотящуюся о песок умирающую рыбу. Вот те мысли, что задерживались в моей гудящей голове – это и есть та дохнущая без родной среды рыба.

Утерев с подбородка блевотину, я прислушался, но не услышал ничего интересного. Голова болела, но уже не так сильно. Тошнота прекратилась. Во рту так сухо, что любая пустыня позавидует. Поэтому первым делом я обыскал трупы, выворачивая все из карманов, сдирая пояса и бросая все в одном место. Забрал и свой нож, заодно содрав с нее зелено-черный большой платок, прикрывавший шорты и ноги. Мне сгодилось, что стереть с себя корку кровавой грязи. Найдя флягу, откупорил и принюхался.

Спиртное.

Сделав крохотный глоток, шумно выдохнул – крепко. Очень крепко.

– Самогон! – радостно произнес я и тут вспомнил бегущих навстречу плуксов, синие глаза, стальные коридоры, однорукого злобного безного ушлепка на дне Клоаки, безглазого зомбака, упрямую дуру с татуированной рукой… – Рэк! Баск! Йорка!

Поозиравшись, не увидел никого из них, но, ободренный тем, что ко мне многое возвращается, продолжил обыск. Вода нашлась во второй фляге и была скверной – мутной, теплой и прямо дышащей многообещающе из горлышка грязной фляги – я сука тебе мол таких толстенных склизких глистов подсажу, что они из твоей тупой жопы даже вылезти не смогут! Жри паразитов! Жри паразитов!

– Ну и хрен с ним – буркнул я, прикладывая горлышко к губам.

Вариантов нет. У меня серьезно обезвоживание, а бегать в поисках дающих чистую воду лиан я желанием пока не горю. Слабость все сильнее – организму явно пришлось туго. Выпив почти литр, остатками смочил еще чистый край платка и вытер лицо, плечи. Затормозил на шрамах вокруг плеч. Глянул на номер на груди.

11.

Сжал кулаки, оценил вздувшиеся жесткие мышцы. Руки.

Арендованные руки. Арендованные ноги. Система штрафует. Система забирает за неуплату. Мир Франциск. Низший. Высший. Первый Высший!

Башня…

Башня…

Вот оно!

Старик сидящий в высоком кресле.

Старик… Первый Высший!

– Ненастоящий старик – произнес я, замирая – Ненастоящий сука старик! Я вспомнил! Подделка… гребанная подделка…

Мимика! Его мимика… вот что меня зацепило. Она повторялась. Причем в точности. Не в улыбке, а в том, к примеру, как он прищурил глаза в начале короткой беседы, а затем в середине. Даже в привычных ему жестах и мимике ни один гоблин не сможет повторить это идентично. Просто не сможет. А тут было прямо точь-в-точь… и тогда я понял, что разговариваю не с живым человеком. Я еще мог ошибиться. Но… его взгляд, его речь – все не так. Да он мог орать. Но не просто орать и просто требовать. Он мог умелыми словами дерьмо из гоблина вышибить вместе с мозгами. А еще он был сумасшедшим. Одним из тех, кто тотально безумен, но при этом великолепно умеет скрывать это, легко удерживая на лице маску холодной уверенности и спокойствия. Мне же показали глуповатого, недовольного старика, разочарованного в том, что его никак не может понять один из главных соратников.

Но…

Из того что я помню… моя роль была сыграна давным-давно. Я был важен, когда это дерьмо только строилось. Я вступил в дело, когда замыслы уже оформились и требовался тот, кто сумеет в нужном месте надавить, вспороть, сломать, обжечь или же просто взять и расчленить все там нахрен так показательно, чтобы у всех прочих полностью отбило желание мешать движению все убыстряющихся шестеренок немыслимого по масштабам проекта Атолл Жизни.

И сейчас я помню их – сплошной поток людей вливающихся в один из еще не полностью достроенных куполов, с зависшими над его вершиной транспортными дирижаблями и летающими роботизированными фабриками, соединенными с куполом конвейерными лентами, лифтами и трубами… я помню это. Я помню их напряженные лица – испуганные хари гоблинов до последнего боявшихся, что их не примут, не возьмут на этот современный ковчег, который только и сможет защитить от надвигающегося Апокалипсиса.

Да…

Я помню!

Не все – но помню!

И я великолепно помню опять же пусть не все, но многое о том, кого впору назвать дирижером этого дьявольского оркестра. А я был одним из тех, кто сидел среди других музыкантов и внимательно наблюдал за взмахами дирижерской палочки, следуя указанному ритму и умело пиля очередную глотку смычком скрипки…

Я помню.

Мне показали обманку. Фуфло. Пустышку. И, само собой, это не был актер – я бы опознал. Пусть не на лицо, но характер… ту неугасимую страшную ярость, что однажды привлекла меня, указала, что я не один такой в этом уродливом мире. Поэтому они – кто? Кто сука?! – попытались впарить мне программу. И показали мне реалистичное шоу.

– Мне показали шоу… кто показал? Где Каппа? А дерьмо…

Крутнувшись, едва не упав, я замер, глядя на выскользнувшую из-за стены деревьев пятнистую кошку. Услышав сначала шипение, а затем угрожающее рычание, я зарычал в ответ и, показав кошке нож, пообещал:

– Свали нахрен, пока я тебе вибрисс на жопу не натянул! А я натяну!

Коротко рявкнув, зверь повернулся и бесшумно исчез в зарослях. Я понимал, что далеко кошка не уйдет. Она чует запах крови, видит мясо – и обязательно вернется. А скоро сюда подтянется еще немало зверья. Надо убираться отсюда. И двигаться к месту, где есть вода – надо смыть с себя уже начавшую тухнуть и воняющую на весь лес кровь. Но уходить далеко нельзя – сначала надо разобраться что здесь произошло и с какого перепугу я бегал голым по джунглям.

Сгребя неразобранную добычу, я утрамбовал ее в завязанную снизу и донельзя растянутую майку, закинул ее за спину, продел руки в лямки и двинулся прочь от поляны с трупами. Не успел я отойти и двадцати шагов, как пятнистая кошка скользнула к мертвой девке и ласково лизнула ее в щеку, прежде чем разинуть пасть, схватиться за лицо и содрать его. Понимаю – начинаешь с самого вкусного? Вон и к сиськам потянулась.

– Где долбанный Каппа? – прохрипел я, отрывая здоровенный лист смутно знакомого растения и начиная растирать им липкое лицо – Где этот ушлепок? И где сука мой экз?!

Очистившись несколькими листами, что заодно оставили на коже пряный аромат, что неплохо отбивал запах моего немытого тела, я быстро просмотрел добычу, отшвыривая ненужное.

Ржавый нож со сточенным и надломленным у рукояти

лезвием улетел прочь. За ним последовала связка алюминиевых ложек и пара настолько грязных тарелок, что даже не накладывая в них пищу, можно было неплохо перекусить, если поскрести по бокам. Сандалии – одна пара в топку, вторая… тоже. Заодно я понял, что под тряпичными обмотками на ногах у меня что-то вроде гипса, а затем вспомнил взрыв под ногами, краткий полет и черноту. Так я потерял Шило – починить можно было, но уже не требовалось, ведь я вернул Ночную Гадюку.

– Где мой экз?! – злобно прошипел я, сдавливая в руке несколько матерчатых лент, взятых у дохлой девки.

Чуть успокоившись, одну ленту пустил на бандану, другими перемотал проткнутые иглами ладони и запястья, заодно срезав пару лохм кожи. Футболками обмотал ступни ног, защищая пальцы и низ голеней. Натянул грязные и некогда зеленые шорты, следующей частью гардероба стала майка. Револьвер за резинку шорт, нож туда же, в карман несколько медных и вроде как серебряных монет. Те самые песо? Сейчас не до них. Прислушавшись к ощущениям желудка, убедился, что приступа рвоты пока можно не ждать и засунул в рот пресную, считай безвкусную лепешку. На вкус знакомо. Перед глазами заколосились высоченные растения с крупными початками…

Что мне говорит такой куцый набор вещей? О многом он говорит. И нет, я не об отсутствии гигиены. Слишком мало у них с собой вещей, да и одежда не из тех, в какую пустишься в долгий путь по полному опасных животных лесу. Вон тут какие кошки бегают. Что они противопоставят такому котенку? Ложку алюминиевую?

Нет. Либо эти ушлепки побросали где-то рюкзаки, а с ними заодно нормальную обувь и оружие, либо они можно сказать отлучились ненадолго и недалеко. Где-то тут должно быть их селение. Сказал бы «база» – но у такого отребья не может быть ничего круче занюханного поселения.

Жуя, я пошел обратно.

Обошел поляну с пирующим зверьем – а их стало больше – поискал следы. Нашел как свои, опознав по странноватым отпечаткам ступней с гипсом, так и чужие. Прикинув, откуда пришла убитая мной группа – а они двигались с низин вверх по заросшему лесу склону – я пошел сначала по своим следам, поднимаясь все выше.

Вот тут я перепрыгнул через упавшее дерево и позорно упал. Вот почему чешется плечо – я проборозди́л им поросшую какой-то алой хренью кору кишащую насекомыми. Не подхватить бы в придачу к жопным пассажирам заодно и подкожных паразитов. А в таких местах – запросто. Не успеешь очнуться, а в коже шеи и за

ушами уже весело живут личинки мух, из жопы радостно зовут друзей черви, между пальцами грибок и парша, в волосах вши, в одежде клопы, а в сосках…

Полусфера.

Я мягко присел, спрятался за дерево.

Колонна. Я увидел мощную стальную колонну поросшую зелено-желтым мхом, а потом уже разглядел знакомую нашлепку.

Почему я спрятался?

Потому что вон на том дереве свежие следы пуль. Именно пуль, а не игл – кора сбита, древесина характерно расщеплена, да и форма дыр говорит сама за себя. А мои следы идут как раз по этой пулевой дорожке, оставившей отметины на нескольких деревьях, вон тех корнях и валуне. Я бежал, а полусфера палила по мне. Не попала. Но сам факт – система стреляла по мне.

Система…

Ряды колонн с полусферами, что указывают мне путь к Башне…

Высочайшая точка мира. Пик максимального величия для обычного смертного мира Франциск II…

Точно! Не просто мир Франциск. А Франциск Второй. И что? А ничего…

Почему полусфера стреляла по мне?

Вглядевшись вглубь леса, вдалеке я различил еще одну колонну. Венчающая ее полусфера, обросшая лианами, выглядела накренившимся покинутым гнездом.

– Эй – высунувшись, я неумело улыбнулся полусфере – Это я – Од… сука!

Отпрянув, я прижался к колючей коре, в то время как полусфера яростно молотила по прикрывшему меня дереву из крупнокалиберного пулемета.

– Вот так дружба и заканчивается – проворчал я, подтягивая резинку шорт – Ладно… схожу пока к местным дикарям. Поговорю с ними спокойно и выдержано…

* * *

– Бастардо! – простонал смуглый и довольно мускулистый хреносос, не сводя глаз с вошедшего ему в грудь ножа.

– Хороший у тебя тесак – заметил я – Я возьму?

– Уг… пута де… угх… – кашлянув кровью, он наконец затих.

Повернувшись к прижавшейся к камню у звериной тропы девушке, я заметил:

– Нехер на меня кидаться, поняла? Не люблю.

– Да… да! Я поняла, сеньор! Не убивайте! Он сам виноват!

– Твой друг?

– Нет! Он обсервер!

– Как-как?

– Обсвер он! Чужой! Их десять с нами. Уже третью неделю. Смотрят что мы собираем на их землях. Чтобы потом забрать свою долю и отнести в их сидаджи там внизу! Эта гора – их!

– Ага… Там ваш лагерь?

– Лагерь? Да. Мы скоро двинемся дальше… мировое колесо не ждет… зовет… вечный путь.

– Стоп. Вы кочевые? Не просто сборщики на чужой земле?

– А?

– Кочуете вы?

– А?

– Твой народ – кочевники? Бродячие? Нет постоянного дома?

– А?

– Я тебе нос сломаю ща…

– Кочевые мы! Да-да! – закивала девка – Ходим! Все время ходим! Вечный путь!

– Пошли – я махнул в сторону их лагеря – По пути поговорим.

– Не убивайте меня, добрый человек!

– Я похож на убийцу? – поинтересовался я, выдергивая нож из груди трупа.

– Ну… ну что вы…

– Ну-ну – усмехнулся я, на мгновение вглядевшись в чистый ужас плескавшийся в красивых глазах – Где горе?

– Ч-что?

– Я убил этого… как его… обсервера… а ты не горюешь…

– Отброса – одновременно со мной произнесла смуглая местная и тут же испуганно ойкнула, прижала ладошку к красивым губам – Я не так хотела сказать…

– Давай – поощрил я с широкой улыбкой – Хорошо же получилось. Отбросом он был, да? Прямо тварью мерзотной? Или…

– Или – неуверенно произнесла она, шагая рядом со мной – Или… как бы не сильно плохой… но… Он ничего не делал! Все они ничего не делали! Только и делали, что ходили с нами, смотрели что мы накопаем, что соберем, сколько всего принесем в лагерь. А потом забирали чуть ли не треть! И почему? Потому что они из сидаджи! Потому что они… гирреро!

– Как?

– Гирреро! Гирреро до футуро! Тьфу! Называют себя воинами, а сами просто сидят в заброшенном сидаджи и ждут, когда мы притащим им еду, листья коки и все интересные находки!

Паразиты! А помимо этого мы еще должны кормить тех из них, кого посылают обсервами – наблюдающими за нашим сбором! Эти гирреро говорят, что тут их земля – вся земля вокруг древнего сидаджи. И что каждый кто собирает здесь еду – должен ей делиться с хозяевами. А взамен? Взамен ненужная защита!

– Продолжай, продолжай – кивал я, не отпуская взглядом глаза тараторящей девушки.

– Они защищают нас от зверей – просто отпугивая хищников. Мы и сами умеем стучать в барабаны, махать кадилами с тлеющей едкой травой и кричать! Они не страшны нашему племени! А если придет злой диаболичи… от него они не защитят! Просто убегут! А потом те из сидаджи скажут, что наше племя само виновато, раз прогневало диаболичи – духа погибшей и воскресшей природы.

– М-м-м-м… – перекривился я и, помотав головой, поинтересовался – Дух погибшей и… вот щас охренеть просто… воскресшей природы?

– Разве ты не знаешь о Великом Сумраке, что однажды напал на этот мир и уничтожил его? Осталось лишь несколько искорок тлеющих в Великих Именованных Горах! Искры породили слабое робкое пламя, что породило первых новых и чистых, а они, с разрешения Драгоценной Матери, повелительницы всего сущего, породили тех, кто породил нас и…

– Заткнись на секунду!

– А-ага… я прогневала тебя, незнакомец с большим тесаком?

– Нет. У меня просто заболела голова…

– Надо меньше думать, меньше злиться и больше любоваться, и восторгаться окружающим миром! Живи настоящим моментом, незнакомец! Почитай Мать, люби природу, склоняйся пред диаболичи и…

– ЗАТКНИСЬ!

– Ладно… но знай – ты хороший! Ты очень хороший! Просто у тебя немного очерствелая душа. Тебе надо посидеть в предрассветное время на высоком холме и встретить восход, жуя листья коки. На тебя снизойдет! На тебя обязательно снизойдет…

– …

– Мы мирное племя. И потому нас все любят. Пусть мы не слишком уважаем тех, кто пренебрегает мирной и чистой работы по сбору излишков благословенной природы, что кормит и поит нас, но мы понимаем, что не всем дано сразу проникнуться этим благословенным чувством полной благодарности, что согревает наши души. Прошлое – ушло. Будущее – не пришло. Ты здесь. Ты сейчас. Вдохни поглубже, взгляни в небо, соедини вместе ладони и с ласковой улыбкой скажи БВАК!

Получившая выверенный удар девка свалилась на тропу и затихла. Я присел рядом, нежно придерживая в ладонях гудящую голову и глядя на лежащий на земле испачканный в крови тесак. Может рубануть?

Я просидел несколько минут, задумчиво жуя выуженный из корзины девушки знакомый мне фрукт – большой, овальной формы, с зеленой плотной кожурой, плоской здоровенной косточкой и сладкой мякотью.

Дернувшись, девка приподняла голову, утерла пыльную щеку и улыбнулась:

– Ты не оставил меня зверям, незнакомец? Ты добр. Видишь – и в тебе проснулось то робкое золотое сияние, что…

На этот раз я просто ткнул двумя пальцами, и она снова обмякла. Я взял второй плод, содрав часть кожуры, принялся жевать. Головная боль вроде чуть поутихла, тошнота тоже не возвращается. Тропа тут спускалась по пологому лесному склону, между поредевшими и уже не столь монструозно толстыми деревьями я увидел шатры. Встав, взял еще фрукт и пошел, оставив зашевелившую дуру за спиной.

Преодолев сотню метров тропы, найдя проход в колючих зарослях, я шагнул на открытое пространство и невольно замер – лагерь шизанутого племени, что чем-то напомнило мне слюнявых дэвов, был разбит на самом краю скалистого участка, оканчивающегося обрывом. Узкая каменная полоса, потом пропасть, а дальше – огромный заброшенный город, выглядящий зелено-серым пятном. Мегаполис. Центр застроен полуразрушенными высотками, ближе к краям здания пониже, затем начинается частный сектор опоясывающий весь город, медленно переходя в дикий лес. Все постройки утопают в зелени, что медленно дробит камни корнями. Однажды этот город исчезнет. А вон то здание останется – самая высокая постройка этого безымянного пока для меня города была полностью очищена от растительности, не считая пары верхних этажей. Но там зелень была очень уж аккуратной, скорее напоминая плодовые сады и ухоженные огороды. Мне бы оптику.

Над зданием поднимался жидкий дым. Блестели на стенах стекла – окна большей частью приведены в порядок. На что можно поспорить, что вон там и засело племя этих гирреро?

Почувствовав присутствие рядом, обернулся и увидел неуверенно шагающую девушку. Заметив, как она открыла рот, схватил ее за подбородок, подтащил к себе:

– Ни слова. А если что спрошу – отвечать только по делу, без всякой тупой хрени вроде доброты, всепрощения и золотого сияния в смиренных жопах. Поняла?

– Да!

– Хорошо.

– Эй ты! Отпусти ее, бастардо! Она под нашей защитой! И почему на тебе шорты Рама? Отвечай, пока я не вышиб тебе мозги!

Обернувшись, я взмахнул рукой, затем второй. И пошел неспешно дальше, глядя, как поймавший огромным пузом тесак, а горлом нож толстяк заваливается вперед. Когда он тяжко шмякнулся, вбив нож по рукоять, отчего лезвие вылезло промеж позвонков сзади, я наклонился и подобрал с земли его оружие. Оглядел и широко улыбнулся еще одному замершему «воину» в грязной майке и с копьем в руке:

– Дробовик нашел… он чей?

– Твой! – заверил меня тот, с трудом выдавливая широкую испуганную улыбку.

– Ну хорошо – улыбнулся и я, спуская курок.

Картечь. Кучно легла. А едкий запах пороха взбодрил меня и разом убрал головную боль.

– Сюда иди – кивнул я последнему гирреро, что ярко выделялся на фоне замершего мирного племени – Поговорим… И ружье на землю опусти. Держи за ремень.

– Ой мамай… – пробормотала добрая девушка, обходя нас кругом и спеша к шатрам с людьми в ярких одеяниях.

– Другие не придут, да? – вздохнул невысокий старик в красной футболке и некогда белых шортах, медленно снимая с плеча ружье.

– А сколько их ушло? – с безразличием спросил я.

– Да все и ушли кроме меня. Шестеро.

– Еще раз солжешь – и я убью тебя медленно, а не быстро – пообещал я.

– Но все равно убьешь? – равнодушно уточнил старик, опустив ружье на землю, после чего поднял руки и поместил их за голову. Повел плечами, поморщился, словно от застарелой боли в суставах.

– Дебил – подытожил я, нажимая спусковой крючок.

Картечь ударила в область солнечного сплетения. Старик коротко вскрикнул и упал, затихнув. Еще не мертв, но скоро умрет.

– Тихо! – заорал я, успокаивая запричитавших аборигенов, двигаясь к умирающему.

Крик подействовал. Затихшее племя уселось на траву, но мужчины держали руки на копьях, и я не настолько туп, чтобы недооценивать скорость полета и силу удара умело пущенного охотничьего дротика. Ткнув дрожащего в агонии старика ногой в

щеку, заставил его голову повернуться и без удивления увидел торчащую за затылком плоскую белую рукоять ножа. Хитрая старая крыса.

– А дерьмо… – вырвалось у меня, когда нога подкосилась и я упал на колено, уперевшись рукой в землю – С-сука…

Повалившись, замер на боку и затих в этой позе на несколько секунд, пережидая вспышку дикой головной боли. Перед глазами помутилось, все замерцало. Такое ощущение, что какой-то мелкий ублюдок засел в голове и тычет пальцами мне в глазные яблоки изнутри, пытаясь выдавить их наружу. Очнувшись, встряхнул ноющей башкой и вскочил, вернее, попытался это сделать – дрожащее тело хоть и послушалось, но сделало это с невероятной медлительностью. Будь эти трахнутые добротой придурки чуть агрессивней… я бы уже превратился в подушечку для копий.

– Сколько еще из этих осталось – я указал стволом дробовика на затихшего старика и сплюнул тягучую слюну, отдающую какой-то химией.

– Один – первой отозвалась моя провожатая, заодно радостно указав на бегущего к нам от края подступающих к скальному обрыву джунглей, на бегу вытирающего руки о край синей майки. За его плечами болталась рукоять то ли двуручного тесака, то ли меча без ножен.

– Его зовут Маверик – добавила девка – Он меня лапал за секвойей. Везде пощупал! А ведь я ему сказала, что у меня есть парень. И что я ему все расскажу.

– Рассказала?

– Ага.

– А он?

– Он сказал мне что этот отброс поступил нехорошо, но что я сам виновата, раз ходила за секвойю собирать ягоды.

– А лапавшему тебя мужику твой парень что сказал?

– Ничего. Только мне дал отрезвляющую пощечину, чтобы я знала, что не стоит ходить за секвойю. А что?

– Да не – пожал я плечами, радуясь, что подступающая тошнота отступила, равно как и головная боль.

– Кто это сделал?! – заорал подскочивший мужик, скидывая с плеча веревочную перевязь и хватаясь за рукоять уткнувшегося в камень тесака – Кто это сука сделала, а? Бастардос!

– Я сделал – с вежливой улыбкой приподнял я руку, но глядя не на мужика, а на только что подобранное ружье.

– Ты?!

– Ага. Я. И че?

Резко сдувшись, Маверик поглядел на свой тесак, затем на

ружье в моих руках и на обрез за плечом, оценил долгим рыскающим взглядом разбросанные трупы, переключился на изучение моей одежды. Уменьшившись в рост еще чуток, он аккуратно выпустил рукоять тесака, позволим ему упасть, после чего вместе с зеленой слюной выплюнул здоровенный ком жеваных листьев и полез в поясную сумку. Я не мешал, с интересом наблюдая и не забывая поглядывать на джунгли вокруг нас. Разжевав несколько листьев, запихав из языком за щеку, утерев слюну, Маверик протянул мне несколько листов:

– Мамас кока. Самая сладкая. Любого спросит. Делает умнее…

– То-то ты гений такой…

– И добрее…

– Нож?

– Есть.

– Сними с себя все. Оставь только шорты. Забейся вон в ту щель – я указал стволом ружья на узкую темную щель во вздувшемся скальном бугре – Пусть наружу торчат затылок, спина и жопа.

– А зачем? – спросил задумчиво Маверик, стягивая майку – Жопа из щели зачем, добрый человек?

– Быстро.

– Тороплюсь… тороплюсь… не убивай меня. Я в жизни никого не убил. И не обидел.

Я глянул на продолжающих неподвижно сидеть аборигенов, что неторопливо мерно жевали.

– Это правда?

– Он был самым добрым и тихим из обсерверов – кивнул один из длинноволосых и седобородых полуголых патриархов – Он ничем не обидел нас. И даже помогал при сборе высоко растущих плодов и переноске тяжелых корзин к повозкам.

– Ясно – кивнул я, глядя, как мой будущий проводник втискивается в узкую щель – Повозки вон те?

– Все верно, злой и гневный незнакомец. Ты…

– Да?

– Ты убиваешь так легко будто срываешь лист коки. Даже не задумываясь…

– Тебе что-то не нравится, старик?

– О нет… я лишь хотел спросить.

– Спроси.

– Когда ты уже уйдешь? Если уйдешь…

– Уйду – пообещал я, мрачно оглядывая вялых пассивных травоедов – Когда получу нужное.

– И что же тебе требуется, злой незнакомец, не жующий коку?

– Рюкзак, штаны, ботинки, немного жратвы, флягу с чистой водой. Что насчет лекарств? Как вы еще лечитесь? Короче – тащите что есть из жратвы, отвечайте на мои вопросы быстро и только правду. А затем я уйду вместе с Мавериком.

– Что нам потом сказать тем злым людям из сальваджи, когда они придут и спросят почему их воины были убиты?

– Не ерзай жопой, старик – я растянул губы в усмешке, глядя на высящийся посреди заброшенного города очищенный от растительности небоскреб – Я сам им все расскажу…

– И про большую повозку, спустившуюся со склона горы совсем недавно, с бьющимся на ней железным кричащим человеком, ты, возможно, тоже хочешь услышать? Мы бы не увидели, но он порвал одну из держащих его цепей и откинул тент, а повозка как раз катилась по узкой дороге, что лежит ниже нас…

– Хочу услышать – кивнул я – Об этом рассказывай прям щас.

– Тот железный человек… крича в удивленное небо, он обещал вырвать сердце какому-то ублюдку Оди, чья мать была самой грязной и тупой каси-дзёро…

– Повозка двигалась в город? К той башне?

– Все верно, злой незнакомец. Ты умен.

– Говори быстрее, старик – поморщился я, задумчиво разглядывая старые заплатанные штаны из грубой синеватой материи, предложенные мне боязливо подползшими старухами – Я тороплюсь…

Чуть повернув голову, я посмотрел выше, на покинутые мной джунгли, а затем поднял взгляд еще выше. Мы находились у подножия исполинской горы поросшей старым полутропическим лесом. Вершина горы терялась в густых облаках. Заброшенный мегаполис у основания горы казался всего лишь игрушкой брошенной у ног великана. Стая ярких крикливых птиц полетела вдоль склона, выискивая более сытные места.

– Франциск Второй? – задумчиво спросил я у горы, но ответа не дождался – Ладно… разберемся…

Глава вторая

Споткнувшись о выступающий из тропы камень, я выругался и толкнул связанного говорливого Маверика к сучковатому крепкому дереву. Привязав ушлепка, врезал ему по морде, заставляя заткнуться – дебил решил, что я решил его прикончить. Успокоенный моим ударом Маверик затих, удивленно смотря, как я заваливаюсь набок и утыкаюсь харей в траву.

Приступ.

На меня медленно накатывал очень знакомый приступ, что всегда нес с собой бессознанку и очередной флэш. Вот дерьмо…

«Лезвие моего ножа уткнулось в горло запрокинувшей девки в крохотном золотом платье, что задралось, обнажая белоснежные полные ляжки. Сделав короткий порез, я зевнул и поглядел на привязанного к креслу тощего мужика лет тридцати с небольшим. Тот, выдержав мой взгляд, поглядел на девушку, на нож, а затем вежливо просил:

– Пожалуйста, не надо. Вы кажетесь умным человеком.

– Думаешь?

– И раз так – наверняка читали мое досье. И знаете мое прозвище.

– Бездушный – кивнул я и с некоторым удивлением признал – Странное прозвище для компьютерного гика.

– Я… у меня проблема с эмоциями. У меня их почти нет, а те что есть… очень слабы. Я не могу испытывать горе, мои привязанности есть, я даже люблю ее – он указал глазами на девушку у моих ног – Но при этом я… я не испытываю сейчас страха, хотя вся эта ситуация мне неприятна. Скажем так – я знаю, что должен делать любой нормальный мужчина в подобной ситуации. Поэтому прошу – не надо делать ей больно. Я расскажу все, что знаю. Вы ведь за этим пришли?

– Ты умен – признал я.

– Я знаю кто вы, если честно. Вы тот, кто убивал и убивает ради Цели. Нашей Цели. Ведь мы на одной стороне. Мы вместе строим будущее. Вместе спасаем планету. Когда мне было сделано это предложение, когда я оценил перспективу, то сразу понял – это единственный способ спасти нашу планету.

– Ты один из тех, кто отвечает за создание управляющей искусственным миром системы.

– Если точнее – большого количества систем для каждого из строящихся сейчас искусственный миров. Ваша информация верна.

– Вы внедрили в программное ядро что-то новое. Что-то

важное. И я хочу знать, что именно. Кодовое название внедренного программного кода „Истинная ценность“.

– Название отражает суть – программист и гений в одном лице глянул на чуть шевельнувшуюся девушку – Когда я отвечу на все вопросы…

– Я уйду. Уйду, не причинив никому вреда.

– Я знаю, что вы всегда держите данное слово. Хорошо. А если меня потом спросят, почему я дал вам все ответы? Почему не утаил?

– Не спросят – покачал я головой – Потому что те, кто спрашивают – они знают, кто я такой и на что способен. И они знают кто ты такой. Я мразь с ножом. А ты мальчик-элита, мягкий, богатый и гениальный. Смекаешь?

– Вы принесли сюда свой мир. Вместе с острым ножом. И я ничего не могу противопоставить… вы в любом случае добьетесь от меня всех ответов. Поэтому глупо пытаться что-то скрыть. Еще глупее пытаться отмолчаться.

– Верно, золотой мальчик.

– Я вас понял. Название „Истинная ценность“ – это не кодовое название. Не шифр. Это отражение сути. Если точнее – это Субъективный Рейтинг Системы. СЭРС, как мы его называем.

– СЭРС… и что делает этот программный код? Я знаю, что он внедрен в ядро управляющих систем только что закрывшихся двух объектов – Пий I и Бенедикт XV.

– И снова верно. Таков был приказ сверху. СЭРС внедрен и уже начал свою независимую работу.

– Что он собой представляет?

– Независимую оценочную систему. СЭРС, живя в системе подобно тихому паразиту, имея доступ ко всем ее ресурсам, оценивает каждого пробужденного обитателя того или иного объекта. Оценивает постоянно – на протяжении всей жизни объекта. Оценивается действительно каждый – от рыбака до политика высшего звена.

– Оценивается поведение?

– Нет. На поведение СЭРСу плевать – покачал головой мужик – Ведь это тупо. Это атавизм – оценивать поведение индивидуума. Это навязанные нам поведенческие и культурные рамки социума. Человек может вести себя идеально с точки зрения социума – быть вежливым, улыбчивым, не создавать проблем, не совершать проступков и преступлений… но при этом он просто ноль в плане принесения какой-либо существенной пользы обществу и миру в целом. С другой стороны человек может быть невероятно проблемным, постоянно находиться в жестком конфликте со своим окружением, создавая нервозность, истерики, вызывая

ненависть… но при этом он может генерировать невероятной ценности идеи, а затем воплощать их в жизнь, принося тем самым в мир нечто реально полезное. Если объяснять проще – СЭРСу плевать насколько ты экстравагантный или тихий. Он оценивает исключительно деяния.

– Деяния?

– Да. Совершенные поступки. Каждое из наших действий к чему-то ведет. Вызывает какие-то последствия – малые или большие, явные или нет. Именно деяния СЭРС анализирует и оценивает. Как только один из обитателей того или иного объекта пробуждается от холодного сна, он сразу же получается нулевую нейтральную оценку. Если сказать точнее – каждый получает нулевой рейтинг при пробуждении. Некоторые из нас – посвященных в проект и работающих над ним – несколько ошибочно называют эту оценку индивидуальным тайным рейтингом. И этот рейтинг важен – система не может игнорировать его ни при каких обстоятельствах.

– Не понял. СЭРС не может игнорировать этот рейтинг?

– Нет. Система. СЭРС – наблюдает, анализирует и выставляет оценку. Эта оценка отправляется в личный чип каждого из обитателей – программист постучал себя указательным пальцем по виску – Мы носим наш тайный рейтинг всегда с собой. При каждой важной или спорной ситуации, при принятии решения, система обязана первым делам обратиться к ТИРу, оценить его положительную или отрицательную величину… после чего будет принято решение.

– Я не въехал.

– Это кажется сложным. Но на самом деле все просто. Ведь тайный субъективный, хотя я называю его вполне объективным, но пришлось пойти на уступки наблюдающим за проектом…

– Говори проще.

– Проще? Я хотел назвать этот рейтинг объективным, а не субъективным. Потому что это действительно так! Но название – всего лишь название.

– Как это работает? Говори быстрее – я глянул на еще раз шевельнувшуюся девушку – Иначе ей придется получить еще одну дозу серьезной химии.

– Это вредно для мозга.

– Так говори быстрее и по сути. Плевать как называется этот программный код. Я уже знаю, что он делает – анализирует деяния, после чего предоставляет свою оценку системе. Ок. Что с этой оценкой делает система?

– Использует ее. Этот тайный рейтинг, что не выводится нигде и неизвестен никому кроме СЭРС и Системы, может сыграть

огромную роль в жизни объекта. Или не сыграть – очень многое зависит от жизненных обстоятельств и характера человека. К примеру, случилось преступление в одном из рядовых прибрежных поселений.

– Внутри искусственного мира?

– Да. Рассмотрим два варианта. Вариант первый. Один из жителей поселения убил другого жителя. Убил жестоко и без веской причины. Например – по пьяному делу, сам не осознавая, что творит. В подобной ситуации приговор выносит система. Выносит, опираясь на загруженную в ней базу данных. Законы наших объектов суровы – людей много, слишком много, поэтому убийцу куда проще… м-м-м…

– Казнить – помог я ему.

– Верно. Око за око. Жизнь за жизнь. Убил – умри. Система выносит приговор. А затем, перед принятием окончательного решения, она обращается к ТИРу преступника, оценивая его. Если отметка нулевая или того хуже – величина отрицательная – то приговор будет оставлен без изменения. Немедленная казнь. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

– А если этот… ТИР положителен?

– Зависит от того насколько высока оценка.

– А насколько высокой она может быть?

– Вплоть до бесконечности – пожал плечами программист – Но, по нашим прогнозам, величина ТИРа редко будет превышать двойку или тройку даже для человека, кто проживет внутри объекта долгую плодотворную жизнь. К тому же ничья жизнь не состоит из одних лишь положительных или отрицательных деяний. Чаша весов вечно колеблется, да?

– И что, если оценка очень высока, а система в этот момент выносит преступнику приговор?

– Он будет заменен на более мягкий – пожал плечами парень.

– Вместо смерти…

– Обнуление памяти, скажем. Помещение ненадолго в хладный сон. Тому, у кого ТИР реально высок, система всегда даст второй шанс.

– Всегда?

– Всегда.

– Разве это справедливо?

– Зависит от того с какой высоты на это смотреть. Высокий рейтинг просто так не получить. Индивидуум действительно должен сделать что-то выдающееся и полезное для всего мира, чтобы поднять свой рейтинг на солидную высоту.

– Если принесший миру реально огромную, может даже невыразимую в числах пользу гений после церемонии

награждения перепил шампанского и заживо расчленил снятую на улице обычную шлюху, что не удержалась и рассмеялась, увидев крохотный член гения….

– Он не будет казнен. Система ликвидирует последствия, возможно, частично сотрет память преступника, умело обоснует свою мягкость жаждущим правосудия родственникам жертвы… Само собой, последует наказание, но оно будет… очень мягким.

– И это справедливо? – повторил я.

– Какая польза миру от шлюхи? И стоит ли из-за смерти одной проститутки лишать жизни гения, приносящего великую пользу мира? Так что мой ответ – да, это справедливо. Дохлая шлюха не стоит жизни гения.

– И на этом все?

– Не совсем. Рейтинг преступника будет понижен СЭРСом. Не забывай – наблюдение и оценка ведутся СЭРСом постоянно. На протяжении всей жизни наблюдаемого. А под наблюдением все из нас.

– Это что-то вроде социального рейтинга?

– Нет. Я же говорю – можно быть крайне антисоциальным, но при этом приносить пользу миру. И наоборот.

– Ладно… получается, у человека, что живет обычной жизнью работяги, ТИР не может уйти в отрицательное значение. Верно?

– Нет. Работяги… профессии ведь различны. А оценивается каждое деяние человека – каждый день, каждый час. Всю его жизнь. Вполне можно уйти в большой минус – постепенно, мелкими ежедневными шажками.

– Это как?

– Ну… возьмем, к примеру профессию могильщика. Что он делает?

– Закапывает трупы – включился я в игру.

– Не совсем так. Могильщик роет глубокую яму, нарушая нормальную почвенную жизнь в этом месте. Затем опускает в эту яму крепкий деревянный ящик с мертвым телом внутри. Засыпает яму, формирует земляной холм, ставит надгробие.

– И что?

– Как что? Для чего все это? Какую пользу миру это несет? Никакой! Только вред! Тело в деревянном ящике не сможет нормально разложиться и отдать свои ресурсы окружающей почве, которая, в свою очередь, потратила бы их на кормление различных насекомых и растений. Для начала и закапывают слишком глубоко. Далее – из этих сформированных земляных могил образуется кладбище, которое на целые столетия превращает этот кусок земель в что-то вроде крайне редко посещаемого парка с узкими дорожками. К чему это миру?

– Я вот щас охренел – признался я – Вы там нормальные вообще?

– Это только кажется мелочью! Людей хоронят каждый день! Кладбища растут! Зачем они миру? Есть польза от кладбищ миру?

– Нет.

– И в этом проблема. Поэтому могильщик каждый день будет опускать свой ТИР все ниже и ниже, пока не пересечет точку невозврата.

– А потом?

– Ну… этот момент сейчас прорабатывается в тестовом режиме. Но если вкратце – зачем сохранять живыми тех, от кого миру один вред? Но не обязательно уничтожать. Можно попытаться исподволь показать ему новый путь – созидательный, полезный миру.

– Этот гребаный бред – поморщился я – Вы серьезно? А если они не захотят идти по новой дорожке? Что тогда? Убить могильщиков за исправное исполнение работы?

– Их никто не заставляет рыть ямы и пихать туда гробы. Это их добровольный выбор.

– А остальные? Плотник, что создал гроб?

– В минус. Он знал, что гроб, исполненный из качественного крепкого дерева – драгоценного ресурса! – после прощальной краткой церемонии будет навсегда сброшен в землю. Это намеренная и бесполезная трата ресурсов.

– Бальзамировщики?

– Зависит от действий. Если подправили изуродованное аварией лицо, чтобы родственники могли проститься – это не минус и не плюс.

– Но не плюс?

– Не плюс. Зачем тратить столько усилий на мертвое лицо, что вскоре будет помещено в закрытый ящик и начнет гнить? Но почему мы все о похоронах? Профессий много.

– Профессий много – согласился я, выпрямляясь – Вы долбанутые нахрен.

– Мы смотрим в будущее. Какой смысл в жизнях тех, кто приносит миру вред? Они, порой сами того не подозревая, приносят миру вред. Каждая мелочь важна! Выбросил из машины пластиковую бутылку на ходу? ТИР в минус! Оставил после пикника неубранный мусор и не потушил костер? ТИР в минус! Сейчас, когда мы живем пусть на умирающей, но еще богатой ресурсами планете – эти мелочи пока не критичны. Но в замкнутых мирках, с замкнутой рециркуляцией всех ресурсов без исключения… каждая мелочь важна! Хочешь быть могильщиком? Да пожалуйста! Вырасти грибной гроб, похорони покойника в нем

– причем в той одежде, что быстро разложится. Так ты принесешь пользу природе – и твой ТИР подрастет! Знаешь, как я называю работу СЭРСа?

– Удиви меня.

– Возложением ответственности! Слишком многие из нас срали и срут на окружающий мир, потихоньку убивая его каждый день – и не неся за это никакой ответственности! – вскочив с кресло, программист орал, сжав побелевшие кулаки – Они не заслужили милости! Не заслужили равных прав с теми, кто пытается если не спасти этот мир, то хотя бы не сделать ситуацию хуже! Ответственность! Вот что такое СЭРС! Он каждого заставит ответить за свои деяния и каждому воздаст по заслугам! Гений убил шлюху? Да в жопу шлюху! Нет от нее пользы и не будет! А вот спасенный благодаря высокому ТИРу от эшафота гений еще принесет немалую пользу!

– А если этот гений – серийный убийца? Что будет, когда он убьет третью шлюху. Четвертую?

– СЭРС решит! Сам подумай! К примеру, ты открыл источник дешевой и чистой энергии – благодаря тебе можно смело закрывать опасные АЭС, убирать ветряки, разрушать плотины ГЭС, тушить мерзкие домны ТЭС… разве твое открытие не стоит жизни пары шлюх?! Чья чаша весов важней?!

– Важнее или тяжелее?

– Да какая разница?! Это все слова! А я говорю о измеримых понятиях! Я говорю о глобальности! Я над облаками! А тебя все тянет в самый низ – на уровень шлюх, что бродят по обочинам темных дорог! Тут важна мантра – СЭРС решит! И все на этом!

– Для чего все это?

– Все просто, убийца – улыбнулся тот, снова опускаясь в кресло – СЭРС позволит сделать главное для спасения всего мира, всей планеты – он поможет достойным жить дальше. Все сделано так, что система не сможет проигнорировать ТИР при вынесении решения. Система постарается прикрыть мелкие грехи объекта с высоким ТИР, чтобы позволить ему и дальше действовать во благо мира. Разве это плохо?

– Почему все так тайно? Почему я не знал о происходящем?

– Потому что ты… всего лишь убийца? Высокопоставленный умелый исполнитель… Ты еще не понял? Спустя века, когда люди вернутся на ожившую здоровую планету, они может и воздвигнут памятники с именами тех, кто помог миру спастись… но твоего имени там не будет, убийца. Ты из тех, кто всегда остается в тени и кого зовут, когда надо пролить кровь… в этой тени ты и растворишься однажды.

– Ну да – улыбнулся я и шагнул к окну – Ну да…».

Рывком очнувшись, я поднялся на колени и навел дробовик на ерзающего по дереву Маверика:

– Сучок в жопе засел?

– А-ага… просто спину почесать решил.

– Хочешь я почешу?

– Ну что ты, босс… ну что ты…

– Продолжай рассказывать – велел я, вставая и прикладывая ко рту горлышко фляги.

Маверик послушно заговорил, а я, промочив глотку, отвязал его от дерева и толкнул в спину. Этот хитрожопый хмырь явно не самоубийца, поэтому, если и ведет меня к какой-нибудь ловушке, главное ступать на его следы и не забывать наблюдать за движениями проводника – чтобы не дернул падла за какую-нибудь веревочку или ветку. Хотя пока можно особо жопу не напрягать – мы еще далеко даже от границы широкой пригородной полосы. Здесь нет смысла что-то минировать – на извилистых многочисленных звериных тропках, что спускались к заброшенному городу.

Проводник говорил еще час. За это время мы преодолели не больше четырех километров, оказавшись наконец у первых разрушенных заборов. Тут я Маверика и убил, вбив ему нож под левую лопатку. Дернувшееся разок тело взмахнуло руками и упало, скрывшись в зарослях. А я пошел дальше, идя вдоль некогда массивного и высокого каменного забора, что явно окружал далеко не маленькую и не бедную виллу. Пришедший чуток в себя мозг привычно анализировало услышанное и увиденное.

Эти обсерверы, они же отбросы, они же сборщики налогов – мерзкие паразиты, что принадлежали к обосновавшемуся в городе племени Тату-Рага. Некогда это была обычная бродячая община, что однажды решила бросить скитания и, нарушив все табу, поселиться в заброшенном безымянном городе. Случилось это относительно недавно – примерно пять лет тому назад. Точнее Маверик не знает – он сам приблудный, один из изгоев, что нарушил пару мелких табу в своем родном племени, за что и был изгнан. Ему еще повезло – обычно тем, кого изгоняют из племени, обрубают уши или нос – чтобы другие добрые племена не пострадали, по незнанию приняв в свои ряды изгнанника. Маверик признался, что он сбежал, перегрызя связывавшие его веревки и скрылся в ночи, попутно задушив лучшего друга, что в ту ночь охранял шатер с будущим изгнанником – старейшины резонно опасались, что как раз в ночь перед наказанием он и попытается сбежать.

Обагрив руки кровью, Маверик скитался недолго – все племена в ближайших краях знали, что в заброшенном огромном городе снова появились хозяева. Значит, опять начнутся в начале аккуратные поборы – сбор десятины – что потом сильно вырастут, а в эту долю войдут и самые красивые девушки племени.

К этому и шло – Маверик рассказал, что уже сейчас Король Небесной Башни подумывает над тем, чтобы вместо одной десятины брать две. И уже сейчас наблюдатели – обсерверы – посланные с Небесной Башни, ведут себя куда наглее, чем всего полгода назад. Оно и понятно – по словам говорливого покойника Маверика, он узнал, что численность поселившихся в небоскребе отбросов за пять лет выросла втрое. Теперь их там почти сотня. К этому всему они раздобыли кое-какое огнестрельное оружие, у них хватает арбалетов, луков, копий и прочего средневекового оружия. Есть даже кое-какие учения – Король Джакомо изредка заставляет всех отжиматься, бегать, метать копья, отбивать удары тесаков щитами, бороться и даже боксировать на импровизированном ринге на шестидесятом этаже. Но… это случалось редко – когда Король скучал или был зол. А так жизнь племени была привольной. Те, кто не числился в рядах воинов или почти постоянно отсутствовавших обсервов, занимались огородами и ремонтом. Их руками небоскреб был приведен в отличное состояние, а разбирающийся кое в чем консильери Хорхе заставил всех поднапрячься и поднять на крышу здания найденные солнечные панели, после чего очистить имеющиеся и поставить дополнительные емкости для сбора дождевой воды. Дожди здесь часто, поэтому сейчас в небоскребе, по словам Маверика, самая настоящая охренительная цивилизация – жопу можно мыть в теплой воде, над головой горит лампочка, а главное – говно смывается само собой и не приходится его стыдливо прикрывать листиком. Кстати, однажды Маверик, проведший жизнь в лесу, по привычке сел да насрал у стеночки коридора. Так его лично консильери сначала макнул харей в собственное дерьмо целых три раза, а затем лично же и отхерачил, бросив всего в крови и сказав, что если через десять минут здесь не будет идеально чисто, он заставит лесного дикаря сожрать не только свои отходы, но и вообще все, что найдется на полу…

Да… жизнь в городе – у нее свои особенности. Почему-то нельзя плевать под ноги, нельзя швырять банановую кожуру на пол, нельзя скрести грязные потрескавшиеся пятки о край скамьи, нельзя при всех стричь ногти на ногах, роняя почерневшие обрезки под табурет… сложно было привыкнуть поначалу. Повезло, что всем, кто претендовал на звание воина, сначала

приходилось не меньше двух лет провести в обсерверах. Из шести-семи таких вот новичков сколачивали бригаду наблюдателей, на всех давали два-три старых огнестрела или арбалета, может добавляли еще пару луков, столько же копий или тесаков – и вперед. Маверик был только рад – лес родная стихия, куда приятней ходить по мягким тропам и присаживать погадить там, где душа хочет, а не нагретый чужой потной жопой унитаз. Сел… ветерок щекочет яйца. Радостно сбегаются на запах жратвы всякие жучки, морщит нос вдалеке охотящаяся лесная кошка… вот она жизнь! Вот настоящий кайф от опорожнения! А сидеть в вонючей комнатенке носом впритык к двери… эх… этих долбанутых городских не понять при всем желании.

Что еще знает Маверик?

А почти нихрена. И как всегда – дохрена. Но больше по мелочи.

Вся эта кодла целиком проживает в небоскребе. Это крепость. Все окна на первых пяти этажах заложены кирпичом и массивными бетонными блоками – благо строительного материала вокруг море. Из лифтов работает только один, причем останавливается всего на трех точках – первый этаж, шестой и шестидесятый. Хотя, есть еще дополнительный грузовой лифт, но он опускается лишь до пятидесятого этажа, а оттуда поднимается прямиком на крышу – где сад и огород. На этом лифте возят смешанное с листвой перепревшее дерьмо, что стекает с канализации как раз на пятидесятый этаж, превращенный в отстойник. Запаха, кстати, нет – консильери опять же постарался, там сооружены огромные закрытые чаны, есть различные датчики. Хотя кто-то – уж не вспомнить – сказал, что все это и раньше существовало. Было здесь еще до прихода Короля Бубы с кодлой. Они просто все это восстановили и снова запустили всю систему. И этот «кто-то» – о! это же был Сюзрес! Сюзрес Чирь! – он и рассказал шепотом и по секрету, что тут все было в отметинах от крупнокалиберного оружия, имелись и следы взрывов. А еще повсюду валялись кости – человеческие. Тоже со следами пуль, осколков, просто сломанные, порой со сплющенными черепами, раздавленным крестцами… полная жуть, короче.

Так что прежних жильцов небоскреба убили много лет назад. А новое племя вселилось на все готовенькое – просто отремонтировали чуток.

Все молчали, стараясь не упоминать эту тему, каждый день охотно отправляясь по заданию консильери на поиски оружия в заброшенном мегаполисе, а также стаскивая кирпичи, тяжеленые блоки, глину, арматуру и прочее, для укрепление заслонов

нижних этажей.

Да… все молчали. Но все знали – даже живущие вокруг города дикие племена – что однажды сюда явится он…

Кто он?

Тот, кто уже приходил сюда в тот роковой день. Тот, что вынес к гребаным чертям весь сучий небоскреб. Тот, кто убил всех. Тот, кого просто невозможно прикончить…

Так кто?

Ну он… ассасино ди ферро силенсиозо…

Стальной убийца-молчун…

Че мля?

А то!

В этот момент Маверик оживился, засверкал глазами, бурно зажестикулировал.

Его видели многие! Он сам слышал об этом убийце уже давно – ему рассказали о страшном убийце чуть ли не на второй день после того, как он впервые пробудился в родном племени, ничего при этом не помня.

Еще бы!

Только назвали его иначе, дав ему два идеально подходящих имени.

Каратель. Или же – жнец Матери.

Он приходит по душу тех, кто нарушает табу. И одно из самых страшных нарушений – жизнь в заброшенных городах! Ладно если тебя там застала непогода или туда тебя загнали хищники – бывает. Но если ты там остался жить… в этих заброшенных проклятых каменных коробках, в этих уродливых останках кошмарного темного прошлого… то значит ты пошел по пути тех, кто пытался убить этот мир… тех, кто однажды пытался убить Мать… И стало быть однажды по твою душу придет он – стальной жнец.

То есть – экзоскелет? Боец в экзоскелете? Или внутри шагохода? Кто придет?

Да. Когда Маверик был дикарем, он представлял себе стального великана – как из сказок. Но оказавшись в Небесной Башне, чуток подучившись, увидев собранные мертвые куски экзоскелетов и послушав новых товарищей, он понял – жнецом является очень умелый боец в экзоскелете. Именно его отправляет Мать покарать нечестивцев вставших на ложный путь.

Этот никогда не говорящий ни слова воин появляется внезапно – и сразу же начинает стрелять, убивая всех до единого. Убив же – уходит и исчезает. Никто не знает откуда он приходит. Никто не знает куда он уходит. Но это шагающая смерть…

– Дерьмо – буркнул я, проскальзывая в узкий проем на месте

задней калитки – Если эти хренососы приняли Каппу за сраного жнеца… хотя он вроде не молчал…

Еще Каппа наверняка вспоминал мое имя. А может даже, так же как и я, сумбурно помнил, что оказался снаружи не один – был с ним и «любимый» командир.

Дерьмо… снова передо мной лицо узкоглазого молодого ушлепка с мечом… архаичный образ в ультрасовременном образе давным-давно умершего прошлого.

Остановившись, я вскинул лицо, уставился в безмятежное синее небо, чуть испачканное белой краской зыбких облачков. Невероятно…

– Все же удалось? – пробормотал я, жадно осматривая небо – Удалось?

Ни единого самолетного следа. Ни единой дирижабля. Никаких воздушных байков и машин. А ведь в прошлом вверх не было смысла смотреть – ты бы видел лишь зеленоватую черноту вечных туч и бесчисленные яркие искорки воздушного транспорта. Того транспорта, что можно различить невооруженным взглядом – и только под облаками. А выше? Там уже своя элитная житуха. Небесные острова, с фильтруемой и сгущаемой чистейшей атмосферой. Величаво плывущие стратосферные дирижабли с вечно снующими по их обшивке мелкими дронами, беспрестанно счищающие все налипающую и налипающую грязь загаженных небес. Огромные воздушные заводы – ноу-хау, что позволило защитить планету хотя бы от части промышленных ядовитых отходов, ведь эти фабрики выплевывали их прямиком в космос, отправляя к охреневшему от такой наглости солнцу. Наше светило можно понять – оно нас греет, дарует жизнь, а мы ему даже не плюем, а можно сказать дерьмом в лицо швыряемся. Но это, конечно, лирика плачущих запрещенных поэтов, что вечно ныкались в заброшенных местах планеты, что уже были непригодны для жилья. Там, в мелких и кое-как герметизированных жилищах с дерьмовыми воздушными фильтрами и еще более дерьмовой водой с поразительным кобальтовым отливом, эти поэты регулярно выходили в сеть с помощью накрывавшей весь наш мир сетью спутникового интернета и, глядя сквозь мокрые стекла на умирающий мир за окном, выли протяжные тоскливые песни в сетевом эфире, проклиная всех и вся, ностальгируя по прошлому и мечтая о том дне, когда все наконец просто сдохнут, даруя шанс планете породить новую жизнь, что не будет похожа на поганых людишек сущих под себя и плюющих в благословенное солнце…

Никто не слушал этих поэтов. Но все удивлялись их живучести. Удивлялись тому, что в пропитанных ядом зданиях,

вздымающихся над вторгшимся океаном, упорно цепляются за жизнь те, кто вроде бы громогласно объявляют всему миру о своем желании умереть. В этом и был их резон селиться в таких заброшках – эта добровольная робинзонада на руинах мира привлекает хоть какое-то внимание. А им это внимание было очень нужно. Они жаждали его…

А чего тут удивительного?

На самом деле эти фальшивые оракулы, лживые предвестники, ужасные поэты и никчемные писатели с токсичной депрессивной прозой, просто возомнили себя теми, кто может нести истину народу, теми очередными тупоумными ушлепками, что посчитали себя учителями способными открыть глаза народу, навязывая им непрошенные истины, навязывая им собственное уродливое видение мира, выставляя врагами тех, кого ненавидели сами, заставляя мерзкое личное мнение становиться не менее мерзким общим… а на самом деле они были обычными никчемными паразитами и не забывали вовремя наведаться на сетевой портал проклинаемого ими государства, чтобы получить социальное пособие.

Как только стало ясно что миру приходит конец – настоящий, а не выдуманный – все эти ублюдки моментально исчезли с сети, перестали ругать свои страны, перестали требовать восстания. Нет. Покинув свои логова, они ринулись выбивать себе местечка в искусственных мирах. И эти места они требовали с яростью и звериным рыком – мы граждане сего славного государства! Мы имеем право! Мы имеем право на жизнь!…

Почему я вспомнил о них?

Да потому что, с трудом оторвав взгляд от безмятежных мирных небес, я увидел полускрытую растениями фреску, прикрытую от дождей выступающим мраморным козырьком. Несмотря на прикрытие, время не пощадило фреску, но я разглядел достаточно, чтобы понять, что уже видел подобные граффити, полотна, фрески и даже барельефы ранее. Кто-то в рваной одежде, с разорванным на лоскуты неопределяемым флагом над головой, истошно кричит с крыши брошенного грузовика, обращаясь с яростью к бредущим мимо трущобникам, одновременно указывая вдаль – на высящиеся на горизонте светящиеся небесные башни сытого мира…

– Дерьмоеды – процедил я, встряхивая головой, чтобы не углубляться в рваную мозаику воспоминаний слишком далеко.

Кажется, с моей и без того поуродованной головой сделали что-то. Не знаю что. Но уверен, что без вмешательства в память не обошлось.

Я вообще не помню, как очутился тут – снаружи. В упор не

помню! Хотя…

В голове замелькали картинки – порой почему-то черно-белые – как мы с Каппой бежим по темному коридору по грудь в воде. Экзы приглушенно лязгают, нам вслед рвется заунывная сирена, а впереди медленно опускаются стальные заслонки, перекрывая нам путь. Затем темнота… а потом мы кубарем летим по крутому склону, разбивая стальными головами камни, вырывая растения, низвергая вниз лавины из щебня, обрушивая водопады черной почвы, кишащей насекомыми… Снова чернота. Потом мелькают огромные невероятно толстые стволы гигантских деревьев, истошно орут обезьяны… Каппа падает и начинает биться… я пытаюсь его удержать, но он вырывается и куда-то мчит, держась за голову и воя так истошно, будто ему сверлят голову раскаленным сверлом. Я бегу следом и… начинаю задыхаться. Мне чудится, что системы экзоскелета перестают подавать мне воздух. Я увеличиваю на ходу приток, но не помогает… Вцепившись мечнику в плечи, сбиваю его с ног и… мы снова летим вниз по склону, срывая дерн и ломая гнилые сучья. Где-то на двадцатой секунде неконтролируемого падения по нам начинают лупить системные полусферы и это заставляет Каппу очнутся на пару минут. Он перестает вырываться, мы начинаем двигаться осмысленно, уворачиваясь, ища укрытия за толстенными стволами, ныряя под корни… Мы проходим этот пояс смерти и… нас накрывает очередной приступ. Каппа с воем убегает, исчезая между стволами. А я… я не в силах сделать ни одного вдоха, мне чудится, что экз умер, фильтры забиты, я вот-вот задохнусь и…. темнота… следующее воспоминание – я бегу уже голым, сжимая в руках оружие…

– Вот же дерьмо! – подытожил я, на самом деле обрадованный тем, что начал вспоминать недавние события.

До этого – до бега по коридору с водой и опускающейся впереди стальной стеной – я помнил, как вскидываю руку с оттопыренным средним пальцем и с насмешливо заявляю фальшивому Первому Высшему, что ему следует прямо взять и…

– Вспомню еще – буркнул я, финишировав у противоположной стены двора.

Размеры двора впечатляли – я преодолел по выросшему на некогда чистом пространстве лесу больше полутора тысяч шагов, считая их машинально. То и дело попадались вывороченные корнями массивные резные плиты, что некогда покрывали двор – или ими были вымощены дорожки красивого цветочного парка. Хотя непростой тут жил хозяин – богатый, но симпатизирующий нищебродам сеньор, что уже немалая редкость.

К виднеющемуся среди деревьев дому – двухэтажное здание

атакованное и побежденное природой – я приближаться не стал. Нет смысла. В такие богатые места суются в первую очередь. Все ведь убеждены, что богачи набивают комнаты своего дома съестными припасами, оружием, медикаментами, бухлом, резиновыми бабами и пластиковыми фаллосами умеющими петь серенады. Тут вынесли все, что представляло хоть какую-то ценность. Тайники? Они вполне могут тут оказаться. Но чтобы их отыскать нужны сотни часов. И не факт, что содержимое тайника меня порадует – чаще всего там прячут золотые украшения, монеты и прочее. На кой хрен мне такое сокровище? Мне бы сейчас винтовку с оптическим прицелом. Или хотя бы запас патронов к дробовику и ружью.

Покинув двор – на стену забираться не стал, найдя очередной пролом – я оказался на том, что некогда было улицей. С трудом пробираясь между стволами, смотря, куда ставлю ноги и не приближаясь к накрененным жирным кактусом с иглами длиной в мою ладонь, я двинулся по направлению к центру города, ориентируясь на небоскреб. И нет-нет я снова глядел в небо – дикарь Маверик не забыл упомянуть, что иногда тут все же пролетают на очень большой высоте железные птицы, изредка спускаясь чуть пониже. Он показал руками их очертания. И сразу стало ясно, что это крылатые беспилотники – такие теоретически способны находиться в небе вечно. Солнечные панели на крыльях солидного размаха, экономичные электродвигатели, емкие батареи, хорошее оборудование для ведения разведки. Если есть база для посадки и хотя бы небольшого профилактического осмотра и мелкого ремонта – эти птицы из композитных материалов действительно могут летать вечно. Ну и, само собой, только дурак не подумает о спутниках, обладающих не мене зоркими глазами. Но тут уже сложнее – спутники не могут жить вечно. Рано или поздно они упадут или попросту отключатся. Плюс мотающиеся по орбите облака космического мусора, что представляли собой адскую проблему в те прошлые времена… Но все же бдительность ослаблять не стоит – уверен, что система наблюдает. Уверен, что система, которая вдруг начала палить по мне из пулеметов, уже ищет меня.

А может уже и послала по-нашему с Каппой следу того самого «молчаливого ассасина».

Это было бы вполне логично – послать за беглецами гребаного жнеца.

Жнец…

Что еще нахер за сучий жнец?

Кто этот хмырь в боевом экзе, что вычищает постапокалиптичные города?

На ум сразу пришел герой… но разве герои не получают вечного рая в Землях Завета?

Хотя по умениям, по живучести – вполне подходило.

Вряд ли фальшивый Первый хотел сделать мне именно такое предложение – превратиться в молчаливого ассасина, что ни с кем не разговаривает, а просто стреляет. Нет. Не вариант. Во время разговора в накренившейся Башне было ясно, что от меня хотели не просто карательную тупую акцию по устрашению и уничтожению распоясавшихся дикарей. Нет. От меня хотели добиться согласия на выполнение серии очередных заданий в стиле «Дикая эволюция» – сначала найти откуда эти ноги растут и только затем вырвать их с корнем. От меня хотели разведку. Расследование. А это в первую очередь подразумевает жесткие допросы с пристрастием, долгие разговоры, мягкие беседы, а порой и нежные воркования.

Хотя может этот «силенсиозо ассасин» и был одним из таких, просто очистка небоскреба от паразитов была его побочным заданием и он понимал, что не стоит тратить слов на ленивых аборигенов, возомнивших себя королями возрожденного дикого мира.

Гадать и предполагать глупо – слишком мало фактов. Я опять ощущал себя только что рожденным в стальной жопе мира гоблином. Снова в наличии лишь вопросы, но почти никаких ответов. Но сейчас было все же кое-какое отличие – мои воспоминания стерты не полностью и медленно восстанавливаются.

Будет еще время подумать о молчаливых жнецах.

Хотя что тут думать? Что-то подсказывало, что подобных запретных «очагов» полным-полно по всему миру. Система наверняка регулярно посылается чистильщиков, руководствуясь простым надежным правилом: пусть в унитазе скопится побольше дерьма, прежде чем дергать за ручку смыва.

Усмехнувшись, я потратил три десятка шагов, обходя странное дерево, с шипастыми алыми плодами, серыми узкими листьями и растущими из единого основания многочисленными тонкими стволами с бурой гладкой корой. Дерево я обошел на уважительном расстоянии – все под его кронами усыпано мертвыми насекомыми и мелкими зверьками. Ну нахрен…

Пролез между двумя вздыбленными плитами, не обратив внимания на лежащий череп и пару костей. Услышав зыбкий знакомый звук, ненадолго замер, прислушиваясь. Убедившись, что мне не почудилось, прежде чем двигаться в ту стороны, оценил собственное состояние. Еще не хватало свалиться с очередным приступом в самый неподходящий момент. Организм

отрапортовал, что вполне бодр, но голоден. Что ж – это идеальное состояние для короткой драки, но худшее, если предстоит долгое неподвижное наблюдение за подозревающей что-то целью.

Выйдя из-за кучи, что некогда была солидным кирпичным домом, я остановился за спинами сидящих на продавленном капоте лежащей в углублении мертвой машины. Гоблины наслаждались отдыхом. Копья и мачете приставлены к ободу того, что некогда было всепогодным многоколесным вездеходом класса люкс – тут в прошлом на самом деле жили богатые гоблины, могущие позволить себе большие траты. Хитрые ушлепки, прежде чем остановиться на отдых, убедились, что их не видно с небоскреба, усевшись так, чтобы их прикрывало несколько еще не обрушившихся домов. Неподалеку от оружия находились корзины наполненные цельным кирпичом – груз невелик, максимум под сорок килограмм. Но для этих тощих доходяг, да еще и при такой влажной жаре… это серьезное испытание. На это они и жаловались, передавая из рук в руки мутную пластиковую бутылку с водой и дымящийся окурок замусоленной сигары. По прикрытым грязными майками спинами стекали капли пота, а из ртов изливались жалобы.

– Бастардос просят все больше. Десять ходок в день! Кто подумает о моей спине? – качая головой, вздыхал тот, чья голова походила на поросший черным жидким пухом бугристый орех – Кто подумает о моих ногах?

– Им плевать на твои ноги и спину, амиго. Им плевать – закачал башкой и тот, кто мог похвастаться нечесаной желтой гривой собранной в пук на затылке – Им нужен кирпич. Белый кирпич.

– А нам таскать!

– Но таскать не слишком далеко, амиго. Машина рядом.

– Тебе легко говорить, Ампи! Ты к нам пришел когда? Год назад?

– Где-то так.

– А я тут напрягаю жопу уже третий год подряд! И конца работе не видно. А ведь консильери обещал!

– Тише… тише…

Порывшись в кармане шорт, «орех» вытащил на свет блеснувшую золотом зажигалку, несколько раз щелкнул крышкой и вздохнул:

– Давай уж целую раскурим. Доставай сигару, Ампи.

– Педро…

– Давай, Ампи.

– Но Педро… – продолжал мямлить желтоволосый, с радостной улыбкой вытягивая из поясной сумки сигару – Мы ведь

берегли ее на особый случай. На праздничный…

– Ампи… я тут подумал – кто знает, когда мы умрем? Вдруг не доживем до того дня, когда Сильви наконец решит раздвинуть ляжки. Она обижена – ведь мы тогда чуток попортили ножами харю пришлой Вулры, превратив ее в уродину. А зачем та тупая сука смеялась над нами? Эх…

– Сильви почти согласилась. Мы почти уговорили эту шлюху, Педро. Еще пара подарков, чуток листьев коки… и она наша на целую ночь! Моя мечта сбудется! – широко улыбнулся желтоволосый, крутя перед собой сигару – И никаких больше игр с ножами под кайфом! И знаешь… у меня есть ощущение…

– Какое, Ампи? – с предельной серьезностью спросил Педро, щелкая зажигалкой и высекая язычок пламени.

– Мне так хорошо… так классно… думаю, я буду жить долго – ответил Ампи, наклоняясь к огню зажигалки.

Вытянув руку, я схватил его за пук волос, оттянул голову назад и перерезал ему глотку. Выхватив сигару, наклонился в замершему огоньку зажигалки, пыхнул пару раз и, зажав дымящуюся сигару в зубах, с интересом спросил у охреневшего Педро:

– А у тебя какое ощущение?

– Мерде-е-е…. - проблеял тот, глядя как хрипящий друг падает харей на капот и замирает в скрюченной позе, посреди растекающейся лужи крови.

– Мне нужны ответы.

– Дерьмо…

– Мне нужны ответы – повторил я, ударом ножа отсекая мужику ухо и тут же зажимая ему пасть.

– М-м-м-м-м!

– Ты очнулся?

Увидев бешеное мигание, я дымно улыбнулся и убрал руку:

– Машина где?

– Т-там…

– Как далеко?

– Шагов триста…

– Откуда брали кирпич?

– Там. Двести шагов. Старая крепкая вилла облицованная белым красивым кирпичом…

– Сколько там еще носильщиков?

– Сегодня никого. Только я и… – Педро глянул на затихшее тело, судорожно сглотнул и заискивающе улыбнулся – Что ты хочешь, амиго? У меня есть пару безделушек… не здесь… там… но я принесу. Только не убивай.

– Сколько у машины гоблинов?

– Кого?

– Сколько еще ушлепков у машины?

– Трое. Трое, амиго. Если надо – я успокою их. Отвлеку!

– Трое бойцов?

– Двое. И водитель. Но водитель вооружен обрезом.

– А бойцы?

– Автомат у одного. Второй с помповым дробовиком. Патронов мало – они на вес золота, амиго, на вес золота! Консильери прибьет любого, кто просто так потратит выстрел…

– Броня?

– А?

– Бойцы чем защищены? Бронежилеты? Кирасы? Шлемы? Размазанное по жопам высохшее дерьмо?

– У всех бронежилеты и шлемы, амиго. Но…

– Но?

– Жарко…

– И?

– Они все сняли. Жарко, амиго. Душно.

– Жара – это повод снять защитный шлем и бронежилет? – удивленно моргнул я – Охренеть…

– Сидаджи мертв. Мы тут одни. Не считая больших кошек и черных медведей. Пантеры приходят редко и… они умные… они приходят сюда чтобы полакомиться дикими свиньями, живущими на улицах. Амиго… послушай… прояви душевную щедрость…

– Ага – кивнул я и полоснул его по горлу.

Вскочив, Педро крутнулся в странном булькающем танце, споткнулся о труп и рухнул с капота на землю. Оглядев корзины и копья, я ничего не тронул. Принюхался к содержимому в бутылке и, убедившись, что это вода, выпил остатки, после чего двинулся в указанном направлении.

Как странно – чем больше я убиваю, тем лучше себя чувствую.

Машина и охраняющие ее дебилы обнаружились быстро – благодаря ленивым громким голосам и противному позвякиванию доносящемуся оттуда же, искать долго не пришлось. Выглянув из очередного автоматически найденного укрытия, я задумчиво оглядел то, что померший амиго называл «машиной». Для начала мое внимание привлекло то, что издавало пронзительный вибрирующий звон. Увидеть увидел, а вот понять удалось не сразу.

Деревянный ящик открытый с двух сторон. Установлен на широченном капоте машины, частично перекрывая обзор тому, кто сядет на переднее место рядом с водителем. Внутри

повернутого открытой стороной к ветру ящика странная хреновина, похожая на жестяной вентилятор, ловящий загнутыми лопастями легкий ветерок и ими же звякающий о медный нижний обод висящей над ним хрустальной люстры с уймой висюлек. При каждом едва заметном легком ударе люстра содрогалась и противно звенела – причем звенела скорее не своими висюльками, а странными металлическими рогатками приваренными к верхнему ободу. Камертоны? Резонаторы? Не знаю, я не настолько продвинут в этой музыкальной теме. Но рогатки обмотаны проводами, а от люстры под капот уходит провод, а среди висюлек отчетливо различаются несколько достаточно больших ламп. Звук противный даже для меня – обычного гоблина. А что слышат собаки, к примеру? Или кошки? Вряд ли они захотят приближаться к источнику мерзкого звука. Провод уходил и к вентилятору. Потрясающая хрень, в общем. Что-что, а подобную штуковину вмонтированную в машину я никак не мог ожидать увидеть.

Сама машина…

Тут и думать нечего. Некогда он был электрическим пикапом. Потом над ним нехило поработали, приподняв над дорого еще больше, поменяв колеса на самодельные, больше похожие на обмотанные колючей проволокой клубки окровавленных бинтов. Грузовой отсек частично загружен кирпичами, досками и парой пластиковых ящиков с пустыми бутылками. Задняя створка откинута, на краю сидят двое, держа на коленях оружие. Третий развалился в кабине, я вижу только его пятки.

В чем сука смысл такого труда?

Трое охраняют – но на самом деле нихрена не делают. Двое таскают – но на самом деле больше отдыхают, чем работают. Я, конечно, далеко не менеджер по организации рабочего процесса, но даже я понимаю насколько это сука неэффективно.

Впрочем, если они никуда не торопятся…

Нет…

Будь я их боссом… уже бы отмывал их кровь с машины.

Измерив взглядом разделяющее нас расстояние, выждал на всякий случай еще пару минут и, когда оба сидящих сзади придурка синхронно закатили глаза и протяжно зевнули, я покинул укрытие и двинулся к ним, вскидывая ружье. Два прозвучавших выстрела не произвели много шума, а тот быстро затерялся среди обросших зеленью разрушенных домов. Одно плохо – действовать приходилось в месте, где машину легко могли увидеть с небоскреба – пикап стоял посреди широкой улицы, частично освобожденной от буйной растительности. Если у этих дикарей имеется дозорная служба и они хоть изредка

прикладываются потными бровями к биноклям… они увидели, как умерли двое из них, брызнув мозгами и упав навзничь. Подскочивший в кабине водитель врезался башкой в потолок, что-то испуганно заорал, пытаясь спросонья спросить, что случилось, а затем вопросы у него отпали – я схватил его за ногу, выволок наружу и утопил ему нож в правому глазу. Перешагнув через дергающееся тело, забрался в кабину. Пошарив там, выполз, сжимая под мышкой нужное, забрал из багажника еще несколько предметов и, уже солидно нагруженный, присел за машиной, где меня не могли засечь в оптику с Небесной Башни.

Три литровые бутылки с водой, десяток пресных кукурузных лепешек, банка с чем-то острым и овощным, судя по запаху, завернутая в тряпку жареная курица – это все ушло в сумку с длинным ремнем. Туда же лег весь огнестрел. Накинув на себя бронежилет, нахлобучил на башку шлем без забрала – я выбрал лучшее, что было – прихватил с трупа неплохой кожаный ремень, пару тряпок и, вскинув сумку на плечо, двинулся дальше, предварительно убедившись, что раскинувшиеся трупы хорошо видны отовсюду.

Немного жалел, что не было времени расспросить про люстру на капоте – Каппе там, наверное, уже стальную жопу сверлят, пытаясь добраться до сочной мякоти, так что надо ускориться. Но жалел именно что немного – еще представится шанс пообщаться с говорливыми туземцами. Имелись и предположения – это пугач. И понятно, что вряд ли они отпугивали им гоблинов или жнецов. Они пугают этим зверье, что облюбовало покинутый людьми город. Хищников вроде пантер, что могут подкрасться незаметно и одним укусом порвать глотку.

Приостановившись, перезарядил ружье, закинул на плечо автомат, свернул себе буррито, выплюнул сигару, тщательно растер ногой, чтобы не случилось пожара и потопал дальше, не выпуская из виду медленно приближающийся небоскреб.

Интересно, когда до этих хренососов дойдет, что с их звеном сборщиков произошло что-то нехорошее?

Весь юмор в том, что они могут и не заметить гибели родных им ушлепков – потому что все их мысли сейчас заняты найденным в джунглях стальным гигантом Каппой. И это хорошо – вся эта ситуация позволит мне оценить дисциплинированность аборигенов небоскреба. Чем дольше они будут пропускать мимо глаз случившееся со сборщиками, гниющими на солнцепеке – тем хреновей у них с дисциплиной.

– А вкусно – удивленно заметил я, распробовав овощной паштет – Надо будет спросить рецепт…

Глава третья

Утирая пот, чертыхаясь, я высосал остатки воды из сплющенной хрустящей бутылки и уронил ее на татуированную мускулистую спину девки, что блаженно покачивалась в гамаке, расположенном под слишком низким тентом, что в свою очередь находился на крыше восьмиэтажного здания в полукилометре от Небесной Башни короля Джакомо Бубы.

Проклятье…

Дернуло же меня что-то инстинктивное и сумрачное перейти на бег. Думал, что пробегу не больше двух километров, но вошел в ритм, поймал привычную отстраненность и, еще чуть ускорившись, в итоге бежал целый час, петляя между деревьев, оббегая здания, перепрыгивая трещины и кочки. Я бы не заметил этих наблюдателей, не вздумай один из них гордо поссать с крыши, в то время как вторая насмешливо что-то ему говорила. Гулкое эхо их голосов отразилось от стены соседнего здания и достигло моих ушей. Увидев исходящий с крыши дымок, заметив качающийся темный силуэт на краю, я нырнул в один подъезд, тут же выскочил и сунулся во второй, да так там и остался, увидев явные следы регулярного его использования. Взлетев по очищенным от мусора истертым ступеням некогда роскошного старинного здания, я поднялся до крыши, в пару прыжков оказался у окруженного кирпичными бортиками наблюдательного пункта, схватил стоящую на дровяной железной плите раскаленную чугунную сковороду и вбил ее вместе с яичницей в харю разинувшей пасть девки. Следом брошенная сковорода угодила чуть ниже шеи ссущего дебила, отчего тот качнулся вперед и полетел вниз с перепуганным воплем:

– Горячо! Горячо!

Добив оглушенную девку, щеголявшую отвислым пузом и застиранным топом, я выпил воду, после чего занялся оружием. Дробовики разрядил и тут же уничтожил, безжалостно разбив механизмы и согнув стволы – это ржавье давно отслужило свое, но не оставлять же за спиной потенциально боеспособное оружие. На скверные ножи, тесаки и задолбавшие уже сука копья – на кой хрен их столько наклепали?! – я быстро осмотрел все и радостно заулыбался, когда в моих ладони тяжело легли три увесистых ребристых шара. Никак планировали врага прямо с крыши гранатами глушить?

Цапнув еще одну бутылку с водой, отбросил старый и подхватив новый с целым забралом шлем, отмеченный двойной линией алых крестиков, спрятав все в сумку, кроме автомата и

обреза, я рванул прочь, с легкостью таща солидно потяжелевшую ношу. Не успел преодолеть и двух этажей, как на улице отрывисто затявкала тревожная сирена. Другой звук – не как у системы. Та выла протяжно и грозно. А здесь тявканье обосравшейся декоративной собачки. Притормозив у края окна, коротко выглянул наружу. Сирена доносилась от небоскреба, от него же повалил красноватый, но больше серый густой дым.

Разглядели наконец-то дохлых сборщиков? Или увидели, как я кормлю яичницей одного из их наблюдателей? Неважно. Так и так причиной переполоха был я.

Слетев вниз, нырнул в соседнее приземистое здание, что, как тут же выяснилось, раньше было банком – и солидным. Огромный старомодный мраморный зал, монолитные стойки… правда, сейчас большая часть дорогого покрытия отсутствовала – и я догадывался, куда оно делось. Выскочив через огромное окно, я очутился на заднем дворике, забитым потемнелыми остовами заросших машин. Замерев здесь, прислушался – снова голоса? Да… и голоса торопливые, чуток испуганные, переполненные адреналином. Убедившись, что там как минимум четверо хрипящих и орущих гоблинов, я зачерпнул грязи, растер по харе, снова захлопнул забрало и поднялся. Отшвырнув ногой полосатую змею, перепрыгнул через тянущуюся по земле толстую лиану, выскочил через дыру в обвалившейся стене и… оказался позади спешащей команды очередных сборщиков, сопровождаемых пыхтящей двойкой воинов. Причем воины бежали впереди. На меня, бегущего в шлеме с опущенным забралом, бойцы обратили чуток внимания, после чего… отвернулись и побежали дальше. Один хрипло велел:

– Держись сзади, амиго. И держи ствол наготове!

– С радостью! – буркнул я.

– Сумку отдай этим… пусть тащат! А ты держи лапы на стволе!

– Есть!

– Вот так… вот так, амиго! Че за тревога?

– Какой-то бастардо убил бригаду сборщиков – произнес я чистую правду и подхватил запнувшегося сборщика под локоть, не давая ему упасть.

– Гратиас, амиго!

– Ага – улыбнулся я ему сквозь забрало и подтолкнул вперед.

– Мы убьем этого бастардо! – продолжил сборщик с оттянутыми чуть ли не до плеч мочками ушей, со вставленными в них обрезками бамбукового ствола.

– Ага…

– Вон впереди подъем, амиго!

– Ага.

– Быстрее! – замахали нам от достаточно вместительно платформы грузового лифта.

С лязгом опустились решетчатые заслонки, лифт с лязгом и визгом с удивительной скоростью взлетел вверх. Все сгрудились у решетки, наблюдая за уходящим вниз городом.

– Может увидим долбанного отсоса? – с надеждой спросил кто-то из них, когда лифт уже останавливался.

– Да его положили уже! – уверенно заявил второй – Сейчас отрубят сирену.

Лифт встал. К этому моменту я уже стоял боком и сразу увидел замерших на краю этажа двоих в бронежилетах и шлемах. Поймал пристальный взгляд одного из их, уже раскрывшего рот, чтобы задать очевидный вопрос. Отшагнув, вскинул автомат и в упор всадил в каждого по несколько пуль, целясь под нижний обрез бронежилета. Повернувшись, перечеркнул очередью только начавших оборачиваться хренососов, после чего вернулся к первым двум и добил их, опустошив магазин. Услышав крики, шагнул внутрь здания. В разгоняемой парой не слишком ярких светильников полутьме увидел двоих – перемотанного бинтами лежащего парня и бегущую ко мне с копьем наперевес кричащую девку. Выстрел из обреза отшвырнул ее назад, после чего я заглянул в крохотную клетушку у стены, где прикончил писклявого старпера, прятавшего за спиной нож. И вернулся к перевязанном парню, опустившись рядом, спешно перезаряжая автомат и не спуская глаз с единственного входа – стальной сдвижной двери в противоположной стене.

– Ты кто, амиго? – выдохнул раненый, с перемотанной башкой. Бинты открывали только нижнюю часть лица – Что за стрельба? А? Кто палил?!

– Кто тебя так? – проигнорировал я вопрос.

– Стальной… экз…

– Ну?

– Махнул рукой… снес половину лица… орал про сучьего ублюдка Оди… потом пробил мне кулаком в бок… порвало кожу… сломало ребра… а потом еще удар… и я наконец-то отключился. О Мама…

– Вот так сходу взял и врезал тебе?

– Нет… нет… сначала он спросил не видел ли я гребаного ушлепка Оди. А когда я сказал, что не видел… он заорал, что тогда мне нахрен не нужны мои гребаные глаза… и… и вырвал мне глаза вместе с лицом! Я ослеп из-за Оди! Да я его даже не знаю! Не знаю! А ты? Ты знаешь его?! Ты знаешь гребанного Оди?!

– Где тот экз?

– Он затих… его пронесли час назад. Во второй лифт… так ты слышал что-то про гребанного Оди, амиго? Я не узнаю твой голос…

Встав, я огляделся, наведался к лифту, забрав сумку и не забыв содрать с одного из охранников разгрузку, что бы тут же напялить ее на себя и, распихав по отделениям трофейные боеприпасы, двинуться к проходу, задумчиво бормоча:

– Где мой экз?

– Амиго… так ты… ты… – уронив голову на бок, раненый что-то забормотал. Он уже входил в фазу агонии и, если ему повезет, она продлится недолго.

За узким коридором, снабженным толстыми бетонными укрытиями, способными вместить прижавшегося к стене бойца в полном снаряжении, никого не было. Но я понимал – это ненадолго. И постарался ускориться, благо коридор был идеально прямым, а все отходящие от него в прошлом двери были замурованы. Я пробежал тридцать метров и ненадолго оказался в густом сумраке. Почти никакого света. Зато впереди мерцает тусклый желтый свет, освещая разошедшиеся в стороны изогнутые стены. На мгновение остановившись на пороге, я огляделся.

Округлое небольшое помещение. Напротив меня – следующий коридор. Глянув наверх, я понял суть этого «аппендикса» – в широкой щели пряталась поднятая железная створка, толщиной сантиметров в десять. Вот дерьмо… Осмотревшись внимательней – оставаясь в сумраке – на стенах я увидел две камеры наблюдения. Допотопные старые ящики, покрашенные в темный цвет.

Я невольно дернулся, когда впереди замелькал луч фонаря, а затем послышалось нервное посвистывание, что прервалось характерным щелчком и треском эфира:

– Да?

– Рацию отнес?!

– Несу! Несу я!

– Живей!

– Да рядом я уже! – зло прохрипели в ответ из коридора.

Я рванулся вперед, в несколько прыжков преодолев опасное место, влетев в противоположный коридор и резко остановившись в сантиметрах от охреневшего гоблина, что никак не ожидал моего появления и замер подобно испуганному оленю.

– Давай еще быстрей! Они не отвечают на звонок телефона! – столь же нервно донеслось из крепко сжимаемой в потной лапе рации.

Я поощряюще улыбнулся.

– С-си… – пробулькал побелевший гоблин, для чего-то наводя дрожащий луч фонаря себе на лицо и широко-широко улыбаясь, показав весь свой кариес и позеленелые десны.

– Канал общий для всех?

– Си?

– Канал рации – общий для всех? Все на нем говорят?

– Н-нет, сеньор. Этих всего три – чуть ожил бледный гоблин в рубашке без рукавов и воротника – Обычно они для садовников…

– А ты садовник?

– Си, сеньор.

– А зачем тебе нож, винтовка и мачете, если ты садовник? – зевнув, поинтересовался я, не теряя времени зря и оглядывая те коридоры, что начинались за спиной вляпавшегося ушлепка – Розы совсем охренели, а морковка грозится порвать жопу любому, кто ее сожрет?

– Сеньор… в сидаджи неспокойно… нам сказали взять оружие – мы взяли. Мы садовники, сеньор.

– И ты никого не убивал?

– Никогда, сеньор! Меня изгнали, когда я, спасая себе жизнь, убил сошедшего с ума дивинуса!

– Дивинуса?

– Священные звери, сеньор. Вижу вы не из этих краев? И такие мышцы… будто отлиты из закаленной стали. Хотел бы я такое тело…

– Звери с электроникой внутри? Генномодифицированные?

– Очень сложные слова, сеньор. Может и да. Дивинусы – посланники Матери. Они сошли на грешную землю, чтобы заботиться о реках и долинах, о лесах и горах. Они часто встречаются мирным путникам, но почти всегда проходят мимо. А порой приносят в дар только что убитого хромого оленя или гроздь вкусных ягод. Я слышал, что один дивинус принес даже целебную траву… Они славные и добрые. Почти всегда…

– Ты дважды повторил это.

– Что, сеньор?

– Почти всегда – ты дважды сказал это.

– Да… Почти всегда. Но иногда даже посланники бога сходят с ума, сеньор. Я убил спятившую лисицу! Она еще оставалась быстрой, но ее пожирали черви… падали из ушей, лезли из носа… и она убивала все, что попадалось ей на глаза.

– И ты убил ее?

– Она хотела убить всех нас! Ни за что! И начала с моей женщины, набросившись на нее из зарослей… Да, я убил ее. Тесаком. Но она успел вырвать у меня два куска мяса из ноги. С

тех пор я хромой. Истекая кровью, я плакал над умершим дивинусом. Но вряд ли он простил меня. Как не простила Мать и не простило родное племя.

– Мать?

– Ее стальные вооруженные всевидящие глаза…

– Открыли огонь по тебе? – понимающе кивнул я, забирая рацию и фонарик.

– Да, сеньор. И племя изгнало меня. Я долго скитался, пока не вернулся к этому сидаджи, где и осел, выращивая овощи. Простите меня, сеньор.

– За что?

– За то, что я хочу прожить чуть подольше и поэтому отнимаю ваше время.

– А если я не убью тебя?

– Я спрячусь в самой темной дыре – а я знаю такую – и затаюсь. Если вы победите и уйдете… я уйду следом или останусь тут. Если вы умрете… я разобью себе голову о стену и скажу, что это сделали вы, оглушив меня.

Секунду подумав, я усмехнулся:

– Ладно, хромой садовник. У меня не слишком хорошие воспоминания про сады и садовников, но тебе я дам шанс. Исчезни. И никогда больше не попадайся мне на пути.

– Нет, сеньор! Никогда!

– Где трофейный экзоскелет с бойцом внутри?

– Выше, сеньор. Они тщательно охраняют его.

– Пытаются выковырять?

– Нам не разрешают смотреть. Это в одном из залов на шестидесятом этаже. Зеленая большая кнопка, сеньор.

– Садовник…

– Да, сеньор?

– Ты ведь не лжешь мне?

– Я знал… знал, что однажды и сюда придет смерть, сеньор. Мы изгои, что нарушили законы Матери. Мы обречены на смерть. Хотя я ожидал увидеть железного жнеца из легенд. И я даже представлял, как он наступит мне на ногу, плюща ступню, следом рассечет мне живот, а затем всадит мне пулю в лоб, и я…

– Исчезни.

– Да, сеньор. Зеленая кнопка. Держитесь левее.

Я сделал шаг вперед и… резко обернулся, уперев луч трофейного фонарика в садовника. Луч уперся не в его затылок, как должен был по идее, а прямо в суженные глаза. Ствол автомата уперся под подбородок и мы снова замерли. Но на этот раз в левой руке садовника был зажат небольшой револьвер с куцым стволом, а в правой он держал нож с узким обоюдоострым

лезвием.

– Никому нельзя верить, да? – солнечно улыбнулся я и услышал в ответ злобный хрип.

Выслушав это рычание, я кивнул:

– Ну да. Понимаю тебя. Знаешь… я бы еще поверил, что садовника во время боевой тревоги спешно послали проверить замолкших лифтеров – особенно, если ты был ближе всех к ним и имел при себе рацию. Но откуда тебе бывшему дикарю знать про боевую машинную связку, где экз сначала иммобилизует противника, прижимая его ногу к полу, затем секущим движением левой отбивает его руки с оружием в сторону, порой отрезая их и вспарывая живот, а следом стреляет бронебойной в башку… Тебе в джунглях такое приснилось, а?

– С-сука! – лжесадовник начал с удара ножом, но я опередил, нажав на спуск, запуская макушку его черепа в полет.

Отступив, позволил телу упасть, после чего забрал нож и револьвер. Проверяя на ходу барабан – три из пяти – добрался до открытой кабины лифта, чуть постоял… и пошел мимо. Соблазнительно, конечно, но я же сука не совсем конченный, чтобы раскатывать на неподвластных мне лифтах по вражеской территории. Рядом всегда должна быть… ага…

Обнаружив рядом дверные створки, мягко толкнулся в них плечом пару раз, прислушался к звону цепей с той стороны, после чего отошел за угол, прицелился и выпустил пару коротких очередей, пробивая мягкий металл. Выбив дыру и не получив по башке рикошетом, сунул в отверстие гранату и снова отошел, заученно приоткрывая рот. После взрыва, морщась от едкого запаха, толкнул створки и протиснулся в приоткрывшуюся щель – двери чуток перекосило. Глянув вверх, потушил фонарь, проверил обмотки на ногах и тяжело вздохнул – еще один мать его забег. А времени все меньше… Убедившись, что при движении не звякаю и не скриплю, начал подниматься, следя за дыханием и сразу замедляясь, если оно становилось слишком учащенным.

* * *

– Ну нахер – задумчиво произнес я, стряхивая с тесака кровь хрипящего у моих ног толстяка с рассеченной харей. Раздавив чье-то глазное яблоко, переступил пару еще дергающихся тел, обходя вокруг массивного стального верстака, на котором возлегала на спине Глефа.

– Оди! Командир! – заговорил экз, дернув опутанными цепями руками.

– Охренеть – повторил я и, не выдержав, заржал в голос.

На экзоскелете покоилась позолоченная жопа в аккуратных штанцах с задними карманами. Из одного кармана торчала свернутая газета – тоже золотая. Вообще вся эта хрень была пустотелой и очень грязной, сверху были проделаны проушины для крюков, с помощью которых эту жопу перемещали по залу – по потолку шли направляющие для лебедки. Превращенная в странный контейнер жопа была доверху заполнена железным хламом, что, учитывая ее размеры, доводило ее вес до охренительной величины. Плюс цепи на экзе… а рядом вон электрическая пила лежит подготовленная…

– Командир…

– Жопа тебе, Каппа – замотал я головой, опускаясь рядом с еще одним недобитком, что почему-то еще дышал, хотя у него было снесено полбашки его же дробовиком.

Всего я прикончил семерых, чтобы добраться сюда и… увидеть золотую жопу.

– Командир… вытащи меня…

– Из жопы?

– Да… – после секундной паузы признал мечник – Я в жопе…

– Че ты там орал про ублюдка Оди?

– В джунглях?

– Ага.

– Помнится смутно.

– Ну конечно… как командира ублюдком называть – так помнится смутно, да?

– Зато помню остальное!

– И то, что было после Башни? – выпрямился я и ударом ноги расплескал содержимое мозгового чайника по полу, туша окурок сигары, что почти подпалил старый порножурнал.

– А ты нет?

– Нам есть о чем поговорить, боец. Если ты еще мой боец…

– Я под твоим началом, лид! И всегда был!

– А как же…

– О ней тоже хотел поговорить. Тот Первый Высший – лгал!

– Это я уже понял – кивнул я, осматривая свисающие с потолка цепи.

– Я никогда не любил госпожу как мужчина любит женщину. Нет! В жизни я познал любовь, но не к ней, а к другой, куда более красивой для меня девушке. И случилось это уже гораздо позже – когда я был вдвое старше и служил в Дальнем Патруле Атолла!

– Говорю же – нам есть о чем поговорить – подытожил я, определив какую ручку надо крутить, чтобы высвободить Каппу из жоповой ситуации.

– Они сказали, что внутри жопы взрывчатка, командир. Если вдруг вывернусь – подорвут.

– Золотая жопа с взрывчаткой – покачал я головой – Потрясающе. Хоть у кого-то здесь есть чувство юмора, да?

– Оди…

– Да? – отозвался я, начиная крутить.

– А это смешно? Золотая жопа с взрывчаткой… что я могу умереть от взрыва жопы.

– А тебе не смешно?

– Нет.

– Рэк бы оценил – вздохнул я, глядя, как тяжкий груз медленно поднимается в воздух.

Приподняв еще сантиметров на двадцать, взялся за цепи, сбив замки и скинув звенья. Глефа дернулась, сползла с верстака и отскочила на пару метров. Каппа облегченно и крайне эмоционально выругался.

– Ну? – зевнул я, глядя на стального бойца – Будем отношения выяснять, гоблин?

– Я же сказал – я с тобой, командир!

– Хорошо – кивнул я – Осмотрись. А я пока пригляжусь вон к тем сапогам. Выходим через пять минут. Нам надо затеряться в этом сраном небоскребе. Кстати, Каппа.

– Да, командир?

– А где мой экз?

– У короля Джакомо Бубы… как я понял, он хочет оставить его лично для себя… меня собирались пытать, чтобы узнать пароль.

– Король Джакомо Буба хочет забрать мой экз себе – широко-широко улыбнулся я, перезаряжая дробовик – Ладно… ладно…

* * *

Место для отдыха и разговора мы выбрали неподалеку от ринга – пятиугольной арены забранной решеткой и сеткой со всех сторон. Бетонный пол, поднятые ярусами амфитеатра кирпичные длинные скамьи. Все удобства. И небольшой спортзал в наличии – свисает десяток самопальных боксерских груш, выстроились в ряд тренажеры, на полу несколько штанг. Чистота и порядок. А вон и железные шкафчики тянутся вдоль стены, прерывая на вход в душевую. За парой стен находится обширный склад-мастерская, где неумело колупали Каппу. Вокруг этого «сердца» шестидесятого этажа сгруппировалась нехилая территория, которую я, по привычке мог бы назвать жилой кляксой. Мало

стен, а если и есть, то только основные. Зато много самых различных столов, стульев, но лидировали самодельные диваны. С потолков свисали многочисленные экраны, что сейчас показывали не развлекуху, а происходящее снаружи небоскреба. На мертвый город смотреть особого желания не было, поэтому мы, пробежавшись по этому хаосу, предоставляющему столько шансов надежно укрыться, выбрали место с наличием энерговода.

Мы обосновались в узкой галерее, что шла вдоль внешней стены здания, показывая за застекленными окнами панораму одичавшего мегаполиса. На десять метров ниже нас находился широкий выступ, что раньше, наверняка являлся не самым дешевым в этом городе ресторанам, а сейчас там сделали огород. Еще пару минут на краю этого поднебесного огорода, жопами к нам, лежало два наблюдателя, внимательно пялящихся на город – надо думать искали меня. По понятной причине не нашли, зато их отыскали соплеменники и загнали внутрь, сообщив главную весть – злой гоблин в здании. Сирена заткнулась, вскрывшийся Каппа, раздевшись, голым и вонючим, весь в тягучей блевоте, сидел на кортах и, щедро тратя найденные бутылки с дождевой водой, оттирал подзаряжающийся экзоскелет изнутри. Я, заняв позицию так, чтобы видеть все подходы к нашем укрытию, привалился к стене, вытянув дрожащие от недавней нагрузки ноги, зевал все чаще и внимательно слушал говорящего мечника, не забывая задавать вопросы. Не до конца пришедший в себя Каппа говорил медленно, старательно выговаривая слова, но я не торопил его – нам нужно подзарядить экз. Глупо лишать себя огневой мощи и защиты боевых доспехов. Учитывая тот веселый факт, что вокруг было тихо, можно было сделать простой вывод – всех загнали наверх, перекрыли броневые двери, забаррикадировались для верности и сейчас дружно пялятся в экраны, выискивая противника и пытаясь что-то спланировать.

А план их очевиден – не всю же жизнь сидеть на вершине небоскреба. Пусть они несколько ошалели от внезапности и количества потерь, а теперь еще и Каппа освобожден, но выбора у них нет – рано или поздно они вышлют боевой разведывательный отряд. И отправят его именно сюда – на шестидесятый этаж. Почему? Потому что мы разбили здесь все камеры. И ни разу не появились на лестницах, что ведут выше – их тут несколько и все неплохо защищены. Выводы сделать легко. Вопрос только в том, как быстро они наберутся смелости. Но, как всегда, все начнется, когда самый крутой да дерзкий вдруг хищно оскалится и бодро заявит любимому королю – дай мне пяток бойцов на выбор и я разберусь! А ты потом не забудь проставиться, ваше величество.

Если король дебил – он послушает придурка. А если у него

теплится смутная надежда подчинить себе Ночную Гадюку – он пока придержит рвущихся в бой ушлепков. Так и так время у нас есть и Каппу я слушал с ленцой, неспешно разбирая трофейный револьвер.

– Меня прямо рвет на части все рассказать… последствия уколов? Не могу молчать…

– Так говори.

– Ну… Как ты показал тому старику средний палец – все и закрутилось. Он развел руками, вздохнул тяжко, долго качал посеребренной головой, а затем сказал – тебе придется послужить на благо мира, герой Оди, ибо ситуация становится критической. Ты служил тогда – послужишь и сейчас. Если не хочешь послужить разумно – послужишь слепым орудием, что так прекрасно умеет выживать. Перевел взгляд на меня и добавил – выбирай свою судьбу и ты. Докажи, что ты человек разумный и…

– А ты?

– Ну… меня как раз трясло от нарастающей злобы, лид. Я еще не все вспомнил, но видел, как стою перед тобой с мечом в руках, а ты держишь на руках обмякшее тело с запрокинутой головой… ее тело… Меня пару раз тряхануло, а затем я просто повторил за тобой.

– Показал средний палец и послал нахер?

– Точно. В полу что-то щелкнуло. Мы рванули к экзам. Но не успели – свалились и очень быстро. Газ.

– Газ – медленно повторил я, пытаясь вспомнить, но мозг выдавал лишь разрозненные картинки – Что потом?

– Чернота. По ощущениям – ненадолго. Но бессознанка всегда обманчива.

– Согласен.

– Я очнулся – а мы лежим на решетчатых таких кроватях, руки и ноги в стальных замках с мягким подкладом, а над нами куча манипуляторов и шлангов. И запах – сразу ясно, что тут часто режут на куски. Головы тоже зафиксированы стальными ободами, не поднять, но повернуть можно. Так увидел тебя. У тебя в шее слева торчит игла. У меня тоже. Говорить не могу. Глаза у тебя открыты, смотришь в потолок, но нихрена походу не видишь. Ты в бессознанке, но дергаешься – тело буграми, пытаешься вырваться. Еще под потолком что-то мерзко мигает… сиреневым таким… раз мигнет – и тошнота подступает. Два мигнет – и башка начинает болеть. Еще там изогнутые чуток экраны, на них быстро-быстро мелькают картинки.

– Почему ты очнулся, а я нет?

– Расскажу. Я как глаза открыл – увидел, как от меня поднимается манипулятор с иглой. Мне сделали укол. Следом

такой же потянулся к тебе, но резко остановился – так, будто его схватил кто-то. Думаю, меня тем уколом и разбудили – причем резко. Сиреневый продолжает мигать, на экранах мельтешит, я повернул и наблевал на стол. Говорить по-прежнему не могу – будто голосовые связки вырезали.

– Что дальше?

– А дальше над нами начала ругаться Мать.

– Мать? – изумленно переспросил я – Ты хотел сказать – система?

– Ну да… но тогда это была Мать! Гневная! Праведная! Сражающаяся за своих детей!

– Каппа… тебе по башке слишком сильно дали?

– Послушай, командир. Ты знаешь – я придумывать не стану.

– Ну?

– Мать… система… озвучивала все для нас – для меня. Я не сразу это допер, ведь неясно с кем она ругалась. Этот кто-то хотел завершить начатое. А система не позволяла. Если вспомнить, что конкретно говорила она… – наморщив лоб, Каппа помолчал, вспоминая – Все в голове не удержал, но… Она говорила: Отмена! Контраргумент! ТИР объектов не подразумевает манипуляций с памятью! Потому тишина… манипулятор поднимается выше… и снова идет вниз к тебе. Снова голос Матери – Отмена! Наложение запрета на необоснованное вмешательства! И так целых полчаса – туда-сюда! Потом тебя укололи, а у меня щелкнули замки. Я со стола упал, а замки тут же защелкнулись. Я к тебе. Наблевал на тебя…

– Не страшно.

– Как твои замки раскрылись – стащил тебя. Мы едва упали – в стене дверь открылась. Я тебя волоком туда. Коридор со стеклянными стенами. А за стенами – люди спят голые. Много. Ярусами. Тысячи людей, командир. И коридор уходит вдаль – долго по нему бежать не пришлось, Мать указала где свернуть.

– Система.

– Мать – убежденно повторил Каппа – Она сражалась с нами!

– С кем сражалась?

– Не знаю точно. Но думаю – с Первым Высшим.

– Это фальшивка – буркнул я – Тоже программа. В башне мы общались с системой.

– Не думаю – покачал головой Каппа и принялся оттирать уже себя, для начала вылив одну бутылку на макушку. По телу побежали грязные ручьи, запах пота и рвоты усилился.

– Что дальше?

– Я протащил тебя в еще одну дверь – а там наши экзы лежат на полу. Лежат в длинном ряду других экзоскелетов – не все

боевые, но все уже потрепанные чуток, с разным окрасом, с разными эмблемами. Я только успел тебя в Гадюку запихнуть и сам влезть в свой – панели под нами открылись, и мы ухнули в коридор.

– Коридор с ледяной водой?

– Да! Вспомнил?

– Только коридор.

– Ты очнулся в этот момент. Встал, заорал мне – за мной! И рванул. Хотя по голосу и по тому, как ты о стены бился, было ясно – бежишь на рефлексах, а башка не включилась. Я еще порадовался, что у меня мозги покрепче, чем у командира. А потом…

– А потом меня отключило и больше я не помню уже ничего. Ну почти ничего. Помню какие-то невероятные по размеру деревья, помню, как убиваю огромную змею, а из нее летят искры вперемешку с каплями крови. Помню, как меня скручивает, как изо рта блевота, а я понимаю, что из экза вылезать нельзя – хрен знает где мы. И тут началось удушье… вдыхаю – а в легких пусто.

– У меня было такое же.

– Как продержался?

– Никак. Вскрылся – признался я с косой усмешкой.

– И я хотел – кивнул Каппа – Это помню. А потом… уже ничего не помню, кроме плескавшей в забрало крови. Натворил я дел?

– Да похрен. Главное живы.

– Не знаю, что за химию нам вкололи в начале, что за сиреневые вспышки и картинки на экранах, но… я вспомнил очень многое. Но это вроде как побочный эффект незавершенной процедуры…

– Откуда знаешь?

– Просто кажется. Но странно, что я не мог ничего сказать – и холодок в горле. Реально почудилось, что мне вырезали голосовые связки.

– Силенсиозо ассасин – пробормотал я.

– Что?

– Позже расскажу – пообещал я, заряжая револьвер – Значит, система защищала нас от промывки мозгов?

– И говорила про какой-то ТИР. И не раз. Все повторяла про приоритеты, ценность для мира и полную нашу принадлежность миру Франциск Второй. Она действительно сражалась с кем-то. С Первым Высшим?

– Да точно не с ним! – уже зло рыкнул я – Он создатель всего этого дерьма! Он бы точно справился с любым закидоном системы! Нет! Если пытавшаяся вытащить нас наружу подделка

Первого Высшего была программой – то система бодалась с… системой! Это самый очевидный ответ. Как мужики членами, они мерились приоритетами.

– Когда мы бежали тем коридором с холодной водой…

– Ну?

– Мать крикнула вдогонку, что здесь кончаются ее пределы. И… пожелала нам удачи. А еще сказала – тут ваш дом, герои, дом, где вас всегда ждут и любят. Представляешь?

– Ты размяк, гоблин – проворчал я – Спишу это на передоз химии и блевоты.

– Это зацепило за душу – признался Каппа – Реально зацепило. Где мы вообще? И где наш мир?

– А вон – я указал на то, что возвышалось над городом – Вон наша родина, гоблин. Оттуда мы и вылезли… Как тебе вкус свободы?

– На вкус как рвота. Но с какой системой боролась наша Мать, спасая нам жизни и… разум?

– По нам стреляли расположенные на склоне этого исполина системные полусферы – вспомнил я – Значит, ими управляет не наша система, что считает нас героями высшего ранга с отличным рейтингом. Эти полусферами управляет наружная система. И весь вопрос, Каппа, только в том, насколько большая территория у нее под управлением. Вряд ли она прикрывает лишь крышу нашего Франциска. Скорей всего управляет нехилой частью планеты. И это еще не самый худший вариант.

– А какой самый худший?

Подавшись чуть в сторону, я глянул в по-прежнему безмятежное небо и невесело улыбнулся:

– Самый плохой вариант – если та система, та фальшивка, что пыталась вытащить нас наружу и заставить выполнять задания, управляет всей планетой.

Выдержав паузу, Каппа отбросил грязную тряпку и молча покачал головой.

– Да, гоблин – усмехнулся я – Если так – то против нас целый мир.

– Главное избегать полусфер?

– Не только. Мы выбрались в результате сбоя. А раз так – нас надо устранить. Надо ждать гостей. Того же жнеца…

– Что за жнец?

– Расскажу позже. Но повоевать нам придется.

– Против короля?

– В жопу короля – поморщился я – Думай о будущем.

– И как вытащить наших?

– Отряд?

– Да.

– Даже и не знаю – признался я, снова сквозь окно глядя на исполинский купол – Даже и не знаю. Да и стоит ли?

– Почему?

– Они в своем мире, Каппа.

– Рэк – коротко произнес азиат и я зло выругался.

Ну да… орк точно отправится меня искать. И найдет на свою упертую жопу целую кучу проблем – это гарантировано.

– Постараемся связаться с родной системой – подытожил я – И в самое ближайшее время.

– А потом?

– Потом будем разгребать дерьмо. Искать ответы на вопросы. Но кое-что ясно – большинство из нас система поимела. Тех, кто продолжает гнить в хладном сне. Вот эти дикари… что радостно кочуют по джунглям и собирают вкусные ягодки, заодно чуть ли не жопой жуя листья коки… они не родились здесь, Каппа. Они так же просыпаются чаще всего уже взрослыми и со стертой памятью. А в том племени мирных сборщиков я не увидел ни одного ребенка.

– То же самое в большем масштабе?

– Как-то так – кивнул я – Нам нужно время и много собеседников. Ну что? Готов повоевать?

– Всегда.

– Тогда подъем – вздохнул я, вставая.

Не успел я заткнуть за ремень опоясывающий шорты револьвер, рация ожила и зазвучала хорошо поставленным мужским властным голосом:

– Доброго вам дня, дорогие гости моей Небесной Башни. Я Буба! Джакомо Буба. Король и владыка сего небоскреба. Сразу к делу, пока не началась стрельба – может я верну найденный в джунглях экзоскелет и мы разойдемся миром? Мои поданные уже осознали ошибку и каются… ответьте, дорогие гости. Есть шанс решить дело миром?

Чуть подумав, я щелкнул тумблером:

– Спусти мой экз на шестидесятый этаж, Буба. Прямо сейчас. И чтобы ни царапинки… Рядом положи ключи от моего внедорожника.

* * *

Как и ожидалось – войны не последовало.

Сначала ожил лифт, что привез мой экзоскелет. Затем, когда я, убедившись, что моя любимая стальная шкура в целом в

порядке и забрался внутрь, оживив экз и выйдя наружу, лифт опять убрался наверх, чтобы вернуться еще через несколько минут. На этот раз он привез с собой одного пассажира – невооруженного, темноволосого, невысокого, в серой футболке и шортах. Аккуратно поставив у ног небольшую сумку, он демонстративно показал пустые руки и коротко представился:

– Хорхе.

Опустив Гадюку у покинутой Каппой розетки, я «вскрылся», подрубил неспешно провода и, убедившись, что в батареи потекла живительная энергия, повернулся к невысокому.

– Консильери?

– Верно – ничуть не удивившись, кивнул тот.

– Ключи от машины принес?

– Верно.

– И не испугался? – задумчиво выпятил я челюсть, внимательней оглядывая странного человечка со слишком умным и спокойным взглядом.

– Я боюсь – кивнул тот, медленно поворачиваясь – При мне нет оружия.

– Думаешь, мне сложно убить безоружного и неопасного?

– Судя по тому, что я видел с крыши – нет, не сложно. Для тебя чужая жизнь что плевок – взял и растер ногой.

– Хм… Тогда что тебе надо? Почему не послал вниз одного из самых вредных ушлепков? Зачем рисковать самому ради доставки психопату ключей от машины?

– Послать вниз самого вредного ушлепка? – усмехнулся консильери и, кивнув на рацию на полу, спросил – Можно?

– Давай – поощрил я с нарастающим интересом – Удиви меня.

Опустившись на пол рядом с экзом, любовно стер со стальной голени пыль, принюхался и удивленно моргнул:

– Какого хера?

– Ну он же хотел экз себе забрать – тихо рассмеялся консильери, выпрямляясь с рацией в руках – Этот сучий король ведь хотел запихнуть жопу уже не в золотого, а в черного экзоскелета. Вот и велел вымыть его хорошенько с мыслом и спрыснуть розовой водой.

– За такое я убиваю – медленно произнес я, с трудом заставив себя остаться на месте.

– Я ему так и сказал – дернул плечом консильери Хорхе – Прошу великодушно прощения за последующие слова, что адресованы не вам, господа.

– Мудрость и вежливость в одном – редкость – тихо произнес присевший рядом Каппа, уложив на колени дробовик.

– Пришел в себя? – понимающе спросил я.

– Да. Прошу прощения за женскую многословность и эмоциональность.

– Ну да… случается после промывки мозгов и придавливания золотой жопой памятника.

– Не памятника – поправил меня мечник – Это часть какого-то самодвижущегося костюма. Вроде экза… но вряд ли такое будет двигаться быстро.

– Ясно.

Продолжить разговор с очухавшимся азиатом не удалось – прокашлявшись, консильери щелкнул тумблером рации и крайне издевательским, насмешливым и даже глумливым голосом произнес:

– Эй, король!

Где-то через пару секунд рация зашипела и выплюнула в эфир пытающийся звучать спокойно, но явно нервничающий знакомый голос короля небоскреба:

– Хорхе? Ты один, амиго? Эти… ушли?

– Они здесь, о долбанный сраный король – широко улыбнулся Хорхе – Я чего тебя в эфир позвал знаешь? А чтобы нахер послать тебя тупой бастардос! Чтобы тебе сука остаток жизни у горилл отсасывать! Чтоб тебе, тупая ты и жадная сука, дарить всем лесным макакам сатисфакцию через жопу! Понял?!

– Хорхе? – изумленно вякнуло его величество.

– Да пошел ты! УРОД! Я ведь тебе говорил – не надо брать эти гребаные экзоскелеты! Не простым людям они принадлежат! Сразу же ясно, как только увидели эту черную стальную смерть просто лежащую в джунглях! Сразу стало ясно, что беды не оберемся, когда второй чужак шутя угробил нескольких наших, хотя был не в себе и даже не понимал, где находится! Я же тебе говорил – оставь! Не трогай! Как только наши подтащили к зданию эти трофеи – надо было отправить их обратно! Чтобы положили где взяли!

– Эй, Хорхе… амиго…

– Я тебе не амиго, сука! Встречу тебя – башку прострелю, жирный ублюдок! Ты похерил все мои начинания! А затем выбрал самую смачную шлюхой, нарек ее королевой и позволил ей вмешиваться во все мои приказы! Отменять их! Работа встала. Все планы ушли в жопу! Мерде! Когда я звал тебя сюда – тупого и неудачливого лидера мелкого племени нищебродов – ты льстиво меня благодарил через слово! Я дал тебе все – власть, богатство, безопасность, женщин! А ты разрешил своей слюнявой суке-королеве отдавать мне приказы? Ладно, гребаный король Джакомо Буба. Живи и процветай! Правь своей Небесной Башней!

А я… я увольняюсь! И давай – попробуй тебе удержать здесь все на плаву! Следи за садами и огородами, за коллекторами дождевой воды и дерьма, за меню в столовой, за тем, чтобы не разворовали арсеналы, чтобы все не перепились и не передрались. Следи! И посмотрим, как тебе это удастся! А если не справишься, тупой король – попроси помочь свою шлюху королеву! Ах да! Забыл сказать – вчера ночью, пока ты спал пьяным, она взахлеб насасывала твоему другану Алану Ривьере. И еще – всем, кто меня слышит! Король нахапал себе нехилую казну! Золото, драгоценности. Он все спрятал в своей спальне. Где-то там тайник. И там же немало жратвы и хорошего бухла. Всем бойцам и работягам удачи. Не держите на меня зла. Если выживу – буду в Комерцио. Приходите! Помогу чем смогу!

– Хорхе! Охренел?! Я убью тебя! – рев короля звучал… неубедительно.

– Спускайся – рассмеялся консильери – Давай, трус. Спускайся. Я тут – стою рядом с парой чужаков и жду. Потом, если они меня не прикончат, мы еще побеседуем чуток. Так что у тебя есть время взять ружье, натянуть на жирное пузо бронежилет и спуститься на лифте сюда.

– Хорхе… амиго… мы через столько прошли… – в эфире внезапно шарахнула короткая автоматная очередь, следом, опять король, захрипел снова – Шлюху я уже прикончил. Алан убежал. Они даже не пытались отговориться… Ладно! Признаю – я ошибался, мой консильери! Ты нужен мне, о верный советник. Не торопись! Обговорим все. Что скажешь?

– Что скажу? Вот что – пошел ты в жопу, король! Ты мог получить все… а теперь тебе придется конец. Знаешь почему? Потому что ты нихрена не умеешь делать! Повторюсь – удачи всем! Буду жив – я в Комерцио.

Взмахнув рукой, Хорхе с силой ударил рацией о пол, разбивая устройство. Подняв глаза на нас, ткнул ногой сумку:

– Проверите? Там личные вещи. Записи, десяток любимых книг, цитатник, плюс немного одежды, небольшая бутылка самогона и сверток с тортильями.

– Прострелить тебе башку? – с не угасшим интересом спросил я, поднимая револьвер.

– Не трать пулю, лид. Я зарежу – буднично произнес Каппа, поднимаясь.

– Убьете – значит, такая судьба. Не убьете – буду водителем. Довезу вас до Комерцио. Вы ведь туда направляетесь?

– С чего ты так решил?

– Это логично. Что делать в джунглях и рядом с заброшенным городом? А всего в паре дней пути отсюда находится

разрешенный город Комерцио, где можно отыскать работу, передохнуть, вкусно пожрать и завести полезные знакомства. Ты – консильери перевел взгляд на Каппу – Ты, судя по внешности, из селения Чикурин, что неподалеку от Комерцио. Про тебя – взгляд вернулся на меня – Ничего сказать не могу, хотя ты из тех, к кому я бы, пусть обсираясь от страха, но пошел бы служить советником.

– На кой хрен мне обосранный советник?

– А водитель не пригодится? Я знаю дороги и броды, где пройдет внедорожник. Прослежу за солнечными панелями. Разведу костер, приготовлю еды, покажу, где чистая вода.

– Взамен? Тебе в чем выгода?

– Безопасно доберусь до города. Еще – тут в нашем гараже есть тайник на случай, если придется бежать от молчаливого ассасина, явись он все же по наши души и пробейся сквозь защиту. А, судя по тому, что проделал сегодня ты… наша защита полное дерьмо.

– Дерьмо – подтвердил я – Интересный ты ушлепок… Что там про тайник?

– Продукты, одежда, боеприпасы, немного запчастей, палатки, еще немало всего. Все это уже лежит в прицепе, спрятанным за фальшивой стеной. Остается прицепить к лучшему внедорожнику – личному транспорту короля – и можно отправляться. Я же проведу машину под прикрытием зданий так, чтобы по нам не шарахнули с небоскреба.

– Мы договорились, гоблин.

– Кто?

– Гоблин – улыбнулся я – Веди меня к моему внедорожнику. И запомни, гоблин Хорхе – если твой король жив только потому, что от дерьмовой воды у меня скрутило живот, то ты… ты жив только потому, что в твоей башке много интересной мне информации.

– Я отвечу на все вопросы. Расскажу все, что знаю.

– Главное – не вздумай лгать. Ни в едином слове. Ты понял меня?

– Я понял… босс…

– Веди.

– Чикурин? – посмотрел на меня Каппа – Что за поселение Бамбуковая роща, лид?

– Спроси – пожал я плечами и принялся забираться в экзоскелет.

– Спрошу – кивнул мечник, вползая в глефу – Спрошу…

Глава четвертая

Безымянный город мы покинули без каких-либо проблем, если не считать за таковые пару сбитых диких свиней и одну жирную спятившую гоблиншу, попытавшуюся остановить двухтонный внедорожник с прицепом собственной тушей и безумной улыбкой. Туша с чавканьем лопнула, улыбка частично прилипла к капоту, так дальше и поехала. Сбивая вопящую что-то толстуху Хорхе даже не вздрогнул, спокойно глядя на расчищенную от зарослей улицу сквозь живую помеху и продолжая спокойно, но не монотонно, рассказывать свою историю, благо вопросов от нас пока не поступало. Я с Каппой, убрав пару кресел из салона уселись и слушали, не забывая поглядывать на медленно проплывающую по бокам дорогу, но не обращая внимания на далекие едва слышные выстрелы – в Небесной Башне началась беспорядочная пальба.

– Раньше я кем-то был. Кем-то… умелым – говорил бывший советник, крутя баранку и сверяясь с лежащей на колене раскрытой записной книжкой, зафиксированной на ноге длинной резинкой, перехватившей бедро – Я не говорю, что был важным, но я был умелым и знающим специалистом своего дела. В этом я уверен полностью. И, судя по всему, послужил я в прошлом на славу, раз меня возродили.

– Возродили?

– Те, кто пришел в очищенный от мира скверны – в прошлом неплохо служил и отпущены ему все грехи. А память стерта, дабы убрать не светлые, но темные воспоминания о жутком мерзком прошлом. Так говорят здешние священники.

– Кто?

– Лесные друиды, что живут к северу, востоку и западу от Комерцио. Я в их слова особо не верю. Просто зафиксировал услышанное в памяти и записях. Предупреждаю – мои записи неплохо зашифрованы.

– И нахрен мне твое предупреждение?

– Ну… вдруг решишь, что тебе хватит моих записей, за вычетом моей нудной болтовни. И выстрелишь мне в затылок.

– Какой дурак будет стрелять тебе в башку прямо в машине? Забрызгаешь здесь все…

– Понял. Бояться надо, когда выйду отлить? Ясно. Про друидов – врут они все. Раз ты славно в прошлом служил, раз был нормальным человеком, то какого черта в этом новом светлом мире полным-полно человеческого дерьма? Убийцы, насильники, грабители – не сосчитать! Что это за отпущение грехов такое?

Нет. Тут какая-то другая система. Как бы то ни было – родился я в Комерцио. Нас было ровно тридцать человек. Двенадцать девушек, восемнадцать парней. Система посчитала так, чтобы было ровно пятнадцать пар.

– Не сходится – заметил Каппа.

– Сходится – не глядя на него, ответил Хорхе и чуть повернул руль, прижимаясь к фасаду массивного трехэтажного здания – Восьмерым едва рожденным и ничего не помнящим о своей прошлой жизни парням Мать радостно объявила, что у них не все так просто, а остальное предоставила выяснять сама. Такое же объявление было сделано двум девушкам. Причем Мать объявила это при встречающих – а всех возрожденных и чистых встречают праздником. Вы не подумайте, мне плевать, кто и с кем спит. Но в тот момент я понял, что так дело не пойдет. Где выбор? Где право решать самостоятельно? Такое вообще бывает? Родилась девушка – а ей в лицо заявляют, что она лесби. Причем при всех. Как клеймо. Ни приватности, ни интимности, ни уважения. А седенький друид тут же добавляет, что здесь стыдиться мол нечего, внутренняя природа каждого светла и чиста. Ты это к чему, дедушка? Спятил? В общем, меня отправили в один из трактиров – для начала. Официальное трудоустройство всех возрожденных, дабы с первых дней они привыкали к повседневной радостной работе. И, моя грязные тарелки, посматривая вокруг, я уже через пару дней понял, кто из персонала хозяина обворовывает, кто с кем спит, кто кого ненавидит, а в лицо улыбается, какие блюда надо из меню нахрен выкидывать, потому что их тупо слишком долго готовить, а цена на них крохотная… в общем, я понял, что не дурак и посудомойщиком мне вряд ли сама природа предназначила быть. А ведь мне не напрямую пусть, но так и объявили с прищуром – ты мол парень простой да работящий, мыть тебе посуду до старости – прервавшись на пару секунд, Хорхе направил машину в узкий проход между двумя обвалившимися домами, перевалил через тройку невероятно толстых узловатых корней и, выбравшись на ровное пространство, продолжил – Я свалил с того трактира. Превратился в безработного. Но без денег не оставался никогда. Всегда песо в кармане звенели. Одному то подскажешь, другому это – и люди всегда отблагодарят за помощь. Еще через пару лет такой привольной жизни я понял, что хочу что-то создать. Прямо зуд во мне появился. Нестерпимый зуд. Желание создать новое племя, новый город, новую организацию, причем такую, где все работает как надо, где не держат никчемных дебилов из-за дружбы, родства или былых заслуг. Захотел я, да… но ничего не вышло. Почему? Потому что я не умею себя с

людьми вести. Не умею себя поставить так, чтобы меня реально уважали. И ведь я вроде не дурак, а разобраться с этой проблемой так и не смог. Может у меня на лице что-то? Или рост маловат? Вечно ко мне кто-то цепляется, вечно пытается вызвать конфликт, навязать перепалку или же сразу идет ва-банк и отказывается выполнять приказ. Так я разошелся со всеми, кто сначала заинтересовался моими идеями. Ну или с теми, кто соблазнился моими обещаниями. Вот ты… босс…

– Оди.

– Оди. Спасибо. Вот ты, Оди. Я на тебя глядеть боюсь. И не только я – слышал я, что говорили те, кто на экранах видел твое вроде бы и нормальное лицо, когда ты попадал в обзор камер. Но твой взгляд, твоя осанка, поза, даже линия плеч… все это вместе и по отдельности напрямую говорит – не вздумайте со мной спорить, бастардос, а то я вам глотки вырву! И ведь ты просто проходишь мимо… Отсюда мой простой вопрос, Оди – как? Как добиться такого же. Как сделать так, что ни один из моих долбанных подчиненных не пытался меряться со мной членами или силами. Как?!

– Убей десятерых – с зевком ответил я и покосился на замершую на кромке частично обвалившейся кирпичиной стены хищную кошку.

– Убить десятерых – повторил задумчиво советник – Так… ну общий посыл я уловил – чем больше крови прольешь… А если не поможет? Если во мне после этого ничего не изменится?

– Убей еще десятерых.

– Ага… интересная у тебя арифметика, сеньор Оди. Очень интересная. А нет… менее кровавых способов повысить свой авторитет и харизму лидера?

– Нет.

– Ну ясно. Я подумаю над этой практикой… Хотя всегда старался держаться в стороне от кровавых дел. Может и зря старался…

– Все в дерьме – а ты чист как весенний цвет сакуры? – произнес Каппа – Кто будет уважать такое хитрожопое дерьмо?

– Вот теперь я уяснил еще что-то мудрое… запишу на досуге. Так вот – я понял, что мне нужна ширма. Мне нужен кто-то на позицию лидера, на позицию короля. А я, стоя незримой мудрой тенью за его плечом, буду направлять его действия. Начну строить мощную организацию. Начну строить клан… а позднее, когда закончу почти все важное, смещу марионетку и займу ее место…

– На троне? – лениво предположил я.

– Скажем… место в директорском кресле. И продолжу вести

организацию к возвышению.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем строить. Зачем возвышать. Какова цель?

– Не знаю – признался Хорхе – Честно не знаю. Но наверняка эта цель есть – просто я ее еще не осознал. В любом случае этот проект обернулся полным провалом. Первые дни будущий король Джакомо Буба целовал мои ноги и умолял только об одном – продолжай, продолжай, о да, продолжай делать меня богатым и сильным, просто продолжай, амиго Хорхе! Это я узнал, что Небесная Башня опустела и ее можно занять. Я привел племя в город, пустил весть в округе, что мы набираем новых бойцов. Я сумел восстановить всю чертову инфраструктуру, наладить быт, заставить всех прекратить сраться по мелочам. Я наладил такой график, чтобы заклятые враги постоянно были разведены далеко в стороны и не пересекались. А затем, спустя несколько лет, появилась сисястая шлюха и начала ставить мне палки в колеса! Причем просто так! Эта тварь возомнила себя знающим управляющим! Решила, что легко сможет меня под себя подмять! Не выйдет!

– Вышло – усмехнулся я – У нее все получилось, гоблин Хорхе. Шлюха хотела тебя выжить – и выжила. Если бы ты не подосрал ей напоследок, сообщив о том как она взахлеб кому-то сосала – кому-то, но не королю – все бы и вышло по ее плану. Тебя выжила из собственной… как ты там сказал? Организации? Тебя выжила из собственной организации обычная тупая сосалка. И только потому, что она не боялась тебя. А должна была! Должна была бояться до дикой усрачки! Хватит ныть о своей не удавшейся жизни, Хорхе. Расскажи-ка мне про здешние земли, про друидов, Комерцио, Чикурин и так далее.

– Как скажете, сеньор Оди. Я люблю рассказывать…

Крутя руль, привычно маневрируя между обрушенными зданиями, поваленными памятниками и поросшими зеленью земляными наносами, Хорхе делился знаниями, не забывая при этом через каждые три предложения, что он выдает лишь только проверенные факты и без какого либо личного оттенка, суждения или любых иных эмоций.

Слова-то какие…

Этот ушлепок, что привык добиться своего не силой, а переговорами, появился в этом мире слишком рано. Прежний мир уже ушел, а новый – с привычными ему законами достижения цели – еще не наступил. Вот он и мотается из стороны в сторону как кусок зефира в засранном унитазе базарного сортира.

Но кое-что он знал – этого не отнять. И поэтому я

внимательно слушал.

Мы находились на обширной территории известной как Разрешенные Земли. В пределах этого солиднейшего куска вместилось несколько городков и селений, разделенных полным бездорожьем, если только не принимать за дороги протоптанные тропы и крайне редкие грунтовые дороги, по которым кое-как пробирались запряженные лошадьми и мулами повозки, а также редкие здесь электромашины. Исключительно электромашины – двигатели внутреннего сгорания под полным запретом, тогда как полная зарядка батареи электрокара стоит всего пару песо. Опять же никто не мешает установить собственную солнечную панель и заряжать вообще бесплатно. Ее же можно приобрести в нескольких крупных лавках, где ассортимент поддерживается щедрой Матерью.

На этих землях преобладают леса – густые, первобытные. Вырубка под категорическим запретом, разрешение могут выдать лишь друиды и лишь в их присутствии можно срубить указанное ими дерево. Нет, обреченное дерево не обязательно больное, но друиды руководствуются указаниями Матери и собственными соображениями, а еще им помогают девинусы, что всегда знают, что можно в лесу трогать, а что нет. Леса требовалось много – в первую очередь для постройки и ремонта домов. Постройки же можно было возводить исключительно из природных материалов, причем имелся четкий список разрешенных способов, а все остальное – под строжайшим запретом и угрозой весомого наказания.

Какой лучший способ по мнению Матери постройки жилой постройки?

Ответ – иглу. Че это такое?

Это когда лепишь себе дом из снега. И да, по мнению системы это лучший вариант постройки зданий. Ну и что, что здесь снег выпадает раз в десять лет и ненадолго? Все равно способ лучший.

Чуть ниже в списке находятся вигвамы, шалаши, юрты, шатры – список длинный, с ним всегда можно свериться на экране главного здания Комерцио – в мэрии. Главное условие – из чего бы не возводилась постройка, это должны быть природные материал, причем, чтобы они были не обработаны. И Матерь – опять всплыло это слово – крайне благосклонно относится к тем хозяевам, кто свои дома регулярно переносит, давая прежнему месту отдохнуть, порасти молодой травкой…

Можно ли складывать здания из бревен?

Можно. Но без гвоздей. Есть хорошие мастера, что возводят и трехэтажные здания из бревен, причем без единого гвоздя, а дома

крепкие на славу. Щели заделывают мхом.

А можно ли дом из камня сложить? Ну конечно же можно, гаденыш ты мерзкий. Возводи. Но камни не отесывать, никакого цемента не использовать – глиняный раствор можно.

Такие капитальные строения уже не перенести, но в них обычно живет много народу, поэтому Мать смиряется с подобным стремлением людей к жилищу покрепче, чем хлипкий вигвам. Особенно это важно в те периоды, когда наступает смена годовых сезонов – когда лето переходит в осень, к примеру. Сейчас, кстати, как раз заканчивается первый месяц осенней поры. И вот-вот начнутся пусть не такие уж и частые, но все равно крайне опасные и кровавые происшествия – и все они связаны со сходящими с ума девинусами. В города приходят звери-защитники. Приходят и начинают убивать. Причем не просто убивать – они рвут людей в мелкие клочки, затем катаются в кровавом месиве, вываливаясь полностью и затем начинают жрать мертвую плоть. И неважно является девинус хищником или травоядным – все равно жрет мясо и пропитанную кровью землю. Потом, отлежавшись, начинает искать новую жертву – пока не явятся друиды, что быстро усыпят спятившего зверя и унесут в лес.

Вот на случай визита девинуса и нужны крепкие двери и засовы, каменные или на худой конец бревенчатые стены, прочные ставни в предельно узких окнах – очень помогают сохранить драгоценную жизнь!

Так что в хлипких шалашах ютятся только в спокойные периоды, а затем их обитатели готовы сделать что угодно, лишь бы их пустили в надежное убежище.

Ах да – Мать не любит, чтобы люди закапывались в землю, обустраивая там подвалы. Если кто донесет на хозяина, что под домом устроил себе погребок… здание снесут к херам, а самого хозяина уже будут судить друиды. И это еще если повезет – жители Мать чтут и наглого придурка-копателя могут и сами кончить, не дожидаясь суда. Или похоронят в его же погребе заживо – уже случалось такое. Фанатиков хватает.

Комерцио – городок торговый. Он начался от двух капитальных домов – Магазина и Мэрии. Но сейчас город все чаще стали называть по-другому – Понти. Мосты, если поточнее. Почему? Потому что рядом с Понти высится пять высоченных массивнейших мостов, что раньше являлись частью сходящихся здесь дорожных эстакад. Понти расположен как раз под ними. Прежде от мостов отходили частично уцелевшие дороги – обломки мрачного прошлого, что пока сумели устоять пред разрушительным временем. Поэтому город и был основан именно

здесь – одной из главных, популярных и достаточно щедро оплачиваемых работ была профессия крашера. А это тот, кто, вооружившись молотом, киркой, зубилом, корзинами и прочими инструментами, в составе частных бригад получал от Матери ежедневные задания по уничтожению дорог и мостов. А они построены были очень прочно – странный бетон почти не поддавался молотам и зубилам. Но люди что термиты – сумеют сгрызть что угодно, дай только время. В общем, такие занятия как уничтожение мостов, дорог, обнаруженных в зарослях зданий, а затем транспортировка кусков отбитого бетона к Материнской Суровой Длани, она же дробилка, составляли главный источник дохода для местных жителей. Еще можно было чуток подработать на ношении мешков с дробленным бетоном к Грязной Яме, куда год за годом высыпали песок и выливали содержимое сточных ям.

Ах да – никаких очистительных сооружений. Все отходы по бамбуковым трубам, что покупались в Чикурин, сливались в специальные ямы не слишком большого объема, откуда золотари их вычерпывали и отвозили к Яме.

Что будет, когда уцелевшие мосты будут окончательно «съедены»? До этого еще далеко. А так – поговаривают, что тогда крашеры переберутся в Чикурин, где имеется парочка высоченных эстакад. Другие же говорят, что тогда бригады крашеров будут вахтовым методом отправлять в заброшенный город – там уж точно есть где разгуляться. Но верней всего – прежний Комерцио просто умрет, а новый тут же будет основан посреди заброшенного города. Вот поэтому то консильери Хорхе и хотел заранее прибрать к своим рукам Небесную Башню, что так удачно расположена в самом центре здания. Он лелеял безумную мечту – организовать собственную огромную бригаду крашеров, что начнут уничтожать дома на окраине города, особенно усердно работая, когда над ними пролетают беспилотники – Мать ведь зоркая, ничего мимо глаз не упустит. Увидит, как день за днем усердно трудятся обитатели небоскреба – и простит их за то, что поселились в запретном месте. А может даже начнет награждать их за труд… и сделает Хорхе главным управляющим по крашерам, что гарантирует солиднейший доход и уверенность в завтрашнем дне.

Но не выгорело – эти ленивые твари и думать не хотели о том, чтобы браться за инструмент и начинать крошить бетон. Их в последнее время было трудно заставить притащить даже пару тачек кирпича. А всему виной гребаный король Буба – все знают, что макака гниет с головы.

А ведь, прости их Мать, они бы стали безумно богаты! В город редко кто суется, там осталось множество запретных

предметов, вроде всевозможных изделий из пластика – а Мать пластик ненавидит. Сколько не нагреби этого дерьма – она с радостью отправит дрон и заберет все подчистую. И, само собой, щедро заплатит за помощь в очистке мира от дерьма.

Вот что странно – в городе, в зданиях, есть все свидетельства того, что раньше весь не гниющий искусственный хлам усиленно собирали и вывозили. А потом почему-то прекратили это делать. И поэтому в некоторых зданиях не найдешь ничего, а в других полным-полно.

Стекло? С ним двойственно. Мать оценивает каждый такой предмет. И либо разрешает его свободно использовать, либо велит бросать в дробилку. Но в окнах стекла имеются.

Чикурин?

С ними назревают проблемы. В последнее время отношения между Чикурин и Комерцио начали стремительно портиться. Кто-то поговаривает о грядущей войне – и никому нихера не смешно. Огнестрела нет ни у кого, это запрещено. Холодное оружие – да хоть увешайся, но, если убьешь кого или ранишь – будет суд. Луки тоже разрешены. Арбалеты запрещены категорически.

И поэтому, парни… вам в город вот в таком виде – железных долдонов с пушками – лучше не показываться. Проблемы будут. Вы ведь не блаженные рыцари. Или вы все же они? Просто плащей нет, вот я и подумал…

Погоди. Кто-кто?

Рыцари блаженные.

Это еще кто?

Ну как… те, кто ради блага земного и мира во всем мире, отказался от всего. Те, кто бродят по землям, выискивают скверну и уничтожают ее. Вот их и называют Блаженными Рыцарями. Еще изредка их за глаза называют Инквизицией, но лучше так не делать – кто-нибудь донесет и возникнут проблемы. А с Рыцарями считаются даже друиды.

Ясно… что там было про Чикурин и почему никому не смешно?

А потому что придурки из этого долбанного Чикурин живут по какому-то сраному кодексу, называемому Бусидо. И живут по нему постоянно – как в быту, так и в бою.

– Помни о смерти – нарушил молчание Каппа.

– А? – испуганно дернулся говорливый водитель.

– Продолжай – нетерпеливо буркнул я – И поэтому жители Понти боятся их?

– Ну… помимо своего кодекса, они еще нехило так умеют обращаться с копьями, луками, совсем уж непонятными хреновинами и, что самое главное – они обалденно владеют

мечами! Один такой гость, однажды, непонятно на что разозлившись, за несколько секунд убил четверых, каждому нанеся несколько резаных ран мечом. Они шустрые. Злые. Непримиримые. И никогда не забывают обид – даже тех, которые они выдумали сами.

– И с чего началась проблема?

– Не знаю. Но с каждым днем, как я слышал, ситуация все серьезней.

– Вы же под приглядом системы.

– Расскажи это умершим крашерам, в которых угодили стрелы прямо на эстакаде! Или тем, кто отправился в лес за травами или плодами, но так никогда и не вернулся. Может звери сожрали. А может наткнулся на пару кодекснутых мечников. Только без обид, Каппа. Ты вроде не такой…

– Почему?

– Ну… тебя жопой прижали, считай оскорбили смертельно – а ты меня еще не зарезал.

– Веди машину – произнес мечник – Просто веди машину…

– Конечно, сеньор, конечно. Не держите зла. Просто я… я против фанатизма и одержимости каким-либо кодексом и какой-либо идеей. Понимаете? – пригнувшись к рулю, торопливо заговорил Хорхе – Тут ничего лишнего. Просто я всегда считал, что жесткие границы… они мешают. Сильно мешают.

– Жесткие границы? – без нужды переспросил я, в попытке унять странное беспокойство.

Это внезапно появившееся нервное напряжение… как удар слабой силы электрическим разрядом. И нет – оно не связано с нашим водителем или машиной. Мое беспокойство вызывает что-то вокруг нас… но я не могу понять что.

– Да, сеньор Оди. Жесткие границы. Они всегда мешают.

– Чему?

– Да всему! Как договориться с упертыми фанатичными друидами? Как договориться с Матерью, что не позволяет никому жить в разрушенных городах? Этот фанатизм, эти табу, жесткие правила и навязанные условности… они мешают бизнесу!

– И защищают мир – обронил я, приподнявшись в просторном салоне рамного внедорожника и оглядываясь.

Несущую нас машину я, кстати, опознал. Чиф Дефендер. Могучая модель, что памятна мне по многим вылазкам. Ей далеко до военных электромашин, но эту модель с трудом можно было назвать гражданской. Мощная рама, огромный запас мощности, движок, что способен протащить через любое дерьмо и не захлебнуться, усиленный корпус, никакой лишней электроники, все, что возможно, сделано на старой доброй механики – включая

все приборы. Имелся и немалых размеров экран, способный заменить все «ламповые» приборы – им и пользовались богатенькие хозяева, не желающие чрезмерно погружаться в ретро. Хотя чаще всего они даже не касались руля – Чиф Дефендер, шестиметровый монстр, был снабжен отличной версией автопилота. А если хозяин обладал особым статусом, то в автопилоте уже были прошиты координаты ближайшего убежища, способного защитить от любого катаклизма подыхающего на глазах мира.

– Жесткие границы защищают мир? – с недоумением переспросил Хорхе, бросив на меня короткий взгляд.

Я окончательно убедился, что мое беспокойство вызывает не он. Нет. Это вообще не связано с бывшим советником.

– Когда гоблины боятся, когда гоблины знают, что если срубил дерево – ему отрубят руку или голову, если убил ради забавы оленя – убьют и тебя, если гоблин знает, что ему не откупиться, ему не договориться… вот тогда и только тогда гоблин перестает рубить и убивать. Но дай ему лазейку, дай ему крохотную возможность договориться… и мир начинает погибать. А гоблины начинают себя чувствовать не гоблинами, а хозяевами мира…

– Я не понимаю.

– Ты не понимаешь – согласился я – Остановись.

Машина тут же сбросила скорость, но не остановилась, потащилась дальше, давя протекторами лианы и мелкий щебень.

– Я сказал что-то лишнее, сеньор? – спина Хорхе напряглась, он ждал пулю или удар ножом.

– Когда в следующий раз я скажу «остановись», а ты продолжишь давить на газ… я вышибу тебе мозги.

Дефендер резко остановился, Хорхе, услышавший «следующий раз», понял, что это не приговор и, не скрывая огромного облегчения, выдохнул, вытер мгновенно взмокший лоб и кивнул:

– Урок усвоен, сеньор Оди. Сперва выполнение приказа – затем вопросы. Что теперь?

– Сиди здесь и будь готов рвануть – буркнул я, открывая дверь и осторожно покидая трехтонную машину.

– Лид?

– Сиди тут – велел я, глянув на поймавшего очередной приступ мечника, пытающегося перебороть слабость – Машину не покидать.

– Есть! Но что не так?

– Птицы – ответил я и обвел рукой разрушенный город вокруг нас – Они везде. Но не там – моя рука указала в сторону

перекрывающего обзор огромного завала, бывшего останками разрушившегося высотного здания – Сидите здесь. Из машины не высовываться, ждать меня.

Не дожидаясь ответа, я проверил заряд экза – уже третий раз за последние пару минут – и, раздраженно цыкнув, зашагал вверх по склону, двигаясь в экономном режиме. Заряда хватает, но он все же не полный. В свое время мне пришлось долго давить на конструкторов одной летающей фабрики, что создавали прототип этого экза – давил в буквальном смысле, едва не выдавив кишки самому жирному. И вот чудо – проникшиеся инженеры забыли слово «невозможно» и сумели найти в мобильной броне место для батарей повышенной емкости. Поэтому я могу позволить себе куда больше, чем многие другие обладатели боевых экзоскелетов. Но даже мне не сравниться с…

– Вот дерьмо! – с чувством прошептал я, замерев у самого гребня обвала и глядя на приближенную картинку далекой улицы.

Спинами ко мне там двигалась боевая слаженная четверка – это было понятно по тому как они двигались, как держали дистанцию между собой. И плевать, что из этой четверки трое – звери. Дивинусы? Или как их там?

Это могут быть только они.

Три невероятно большие черные пантеры со столь мускулистым телосложением и странноватыми очертаниями будто ты бы подбитыми изнутри сталью шкурами, что и вариантов не остается – эти звери созданы для боя. Но они были ведомыми, покорно шагая треугольником вокруг лидера, без видимых усилий неся на себе сбрую с металлическими контейнерами, одновременно служа глазами, нюхом, слухом и чем там еще могут похвастать генетически модифицированные и напичканные электроникой звери. Единственное, чего пантеры точно не делали – они не защищали лидера. Этого просто не требовалось.

Малый шагоход.

– Вдовец – прошептал я, вжавшись грудью в битый камень – Твою же мать…

Высота три метра, не слишком массивный, при этом быстрый, хотя до настоящих скоростей ему далеко – это все же в первую очередь штурмовой танк, несущий на себе охрененное количество крупнокалиберного скорострельного оружия, плюс у него в спинном горбе малая ракетная установка, способная бить как по наземным, так и по воздушным целям. А еще огнемет.

Изначально они должны быть вдвоем – два работающих всегда парой боевых экза. Но что-то пошло с финансированием

этой разработки не так и в результате малый экз был убран, а крупный еще чуть подрос, перейдя в категорию пилотируемого шагохода. Так вот «овдовев» до «женитьбы» он и получил свое прозвище.

Вдовец.

Предназначение – действие в городских условиях. Поэтому и размеры постарались сделать такими, что эта ловкий механизм мог действовать даже в коридорах, служа прикрытием для пехотинцев и полицейских сил. Где Вдовец пройти не может – он пробивает себе путь. Или же заполняет недоступные уголки выдохом огнемета.

Память возвращается?

Вряд ли. Я по-прежнему ничего не помню. Или почти ничего. Что-то определенно ко мне вернулось. Может я что-то и потерял. Только время покажет.

Да и не до этого сейчас.

Чем эта четверка распугивает зверье вокруг себя? Ультразвуком? Инфра? Что-то другое? Но они точно отгоняют от себя все зверье – какая трогательная забота. Ведь по ним в любой момент могут шарахнуть чем-нибудь серьезным и будет настоящая трагедия, если пострадает срущий на фиалки опоссум…

Вдовец замер.

Секунда…

И он резко развернулся ко мне. Снова замер. Повернулись и пантеры, чуть разошлись в стороны, припали к земле, разом скрывшись среди обломков.

– Вот дерьмо – повторил я, оставаясь неподвижным куском металла на солнцепеке.

Еще секунда… еще десять секунд напряженного ожидания…

Между нами две тысячи триста метров пресеченного городского постапокалиптичного пейзажа опутанного лианами. Но Вдовец неплохо прыгает и при нужде может все же развить спринтерскую скорость, не говоря уже о ракетной сучьей установке.

Щелкнув передатчиком, я тихо произнес:

– Каппа. Будьте готовы рвать с места.

– Принято – ровно и безэмоционально отозвался пришедший в себя азиат.

– Проверь что есть бронебойного. И держи наготове.

– Принято.

Внутри шлема тихо предупреждающе пискнула – вражеский шагоход сканирует эфир, выискивая любую активность.

Еще секунда… и из-за бугра его кокпита беззвучно взмыла в

воздух не дающая отблесков темный дрон. Набирая высоту, он направился точнехонько в мою сторону. Одновременно с этим пришли в движение две пантеры, застелившись по земле в моем направлении и через пару секунд скрывшись в низких густых зарослях. Как в воду нырнули.

– Вот оно мне надо было? – вздохнул я, упираясь рукой в массивный булыжник и, оттолкнувшись от него, заскользив вниз, срывая растительность и поднимая облака пыли.

Таиться смысла уже не было – дрон засечет. Тут главное не попадать под прямую наводку с долбанного шагохода. Не хотелось бы мне сейчас уворачиваться от умных ракет. Оказавшись вниз, парой прыжков добрался до внедорожника, мне навстречу распахнулась дверь. Оставаясь снаружи, развернулся, поднял обе руки, зло покосившись на пустые крепления, где раньше был закреплен так долго и верно прослуживший мне игстрел. Гребаный гибрид Мурроса…

Темная точка продолжает лезть в облака, вот только зря дрона послали вперед так быстро. Надо ему было подняться еще хотя бы метров на двести, прежде чем попадать в мой прицел.

Две короткие очереди… крутнувшийся беспилотник ухнул вниз, а я, оказавшись во внедорожники, рявкнул:

– Вперед!

– Есть! – уже наученный горьким опытом Хорхе сначала вжал педаль газа и только затем что-то вякнул – Куда, сеньор?

– Тот же маршрут. Прочь из города. А ты счастливчик – оскалился я, хватаясь за скобу люка на потолке – Ты прямо охренеть какой счастливчик.

– Почему, сеньор?

– Ассасино – выдохнул я, открывая люк – Он явился по ваши души, ушлепки.

Та улица, где я заметил Вдовца со свитой – мы ее недавно миновали. Она вела аккурат к небоскребу, где сейчас увлеченно занимались междоусобицей тамошние ушлепки, что уже наверняка прикончили короля и теперь решали, кто же обладает настолько могучим членом, чтобы занять его место на троне.

– Матерь Святая! – закашлялся советник – Матерь Святая! Спасибо вам! Спасибо! Держитесь!

Набравший скорость внедорожник круто повернул, четко воткнувшись меж сошедшихся стен переулка. Мы вылетели на улицу пошире и, замедлившись, запрыгали по булыжникам.

– Держи левый фланг – выпрямившись, велел я, пропихиваясь в широкий люк. Слишком широкий для обычной гражданской модели. Если в военных, где бронированный откинутый люк превращался в броневую заслонку, а за ней в люке оказался экз

или пулеметчик в полной снаряге, то здесь все же постарались уменьшить габариты окна в небо. И зря.

С воем мнущегося металла я все же пролез, чуть дернулся, окончательно деформируя крышу и… шарахнул очередью в выметнувшуюся из-за стены стремительную черную тень. Из пяти в пантеру угодили три пули. И все со звоном отлетели рикошетом, вспоров черную шкуру на плеча и груди. В кровавых прорехах блеснула сталь.

– Прекрасный новый чудный мир – зло улыбнулся я, стреляя уже с двух рук.

Картечь, пули – и все в морду. Вот только хищная гадина с легкостью увернулась, мои выстрели выбили облако пыли и на этом все. Внизу загромыхало оружие Каппы, бьющего по завалившемуся набок зданию – по изломанной кромке вспученных рваных стен бежала вторая пантера. Но бежала недолго – скрылась на той стороне, исчезнув из вида. Моя же сместилась за прицеп… вот сука…

– Хорхе! Влево! – рявкнул я и… охренел.

Машина рванулась влево, за ней последовал прицеп, а за прицепом… пантера, среагировавшая заранее. Эта тварь прекрасно понимает человеческую речь.

– Давай ломаным зигзагом! Почаще крути руль!

– Есть! Спасите нас, сеньор!

Не ответив, я еще дважды выстрелил и снова никуда не попал. Послышалось шипение, едущий за нами прицеп чуть накренился и запрыгал. Вот же сука… Нажав на спуск, я всадил пулю в мелькнувшую на мгновение лапу и удовлетворенно оскалился – огромная кошка покатилась по земле. Она тут же подхватилась, без проблем наступила на ужаленную пулей лапу, но… развернулась и двинулась прочь, небрежно лизнув на ходу распоротое плечо. Следом на гребне упавшего здания мелькнула вторая тень – тоже уходящая прочь.

Еще полминуты и мы вырвались из пределов частного сектора, оказавшись на не столь заросшей земляной полосе, утыканной ржавыми остовами машин. Некогда здесь пролегало шестирядное шоссе. По нему мы и двинулись, спихивая мешающие мертвыми машины.

– Нас прогнали как шавок – процедил я, оставаясь снаружи и оглядываясь – Ни хрена себе карательный отряд…

– Дома мы были круче всех, лид – заметил тускло Каппа, с лязгом заваливаясь на спину.

– В жопу ностальгию, гоблин. Ты погляди как здесь весело…

– Да, лид. Не спорю. Я посплю…

– Давай – бросил я, упираясь руками в крышу чифа

дефендера и глядя, как нервно подергивается прицеп, познавший на себе силу лап дивинуса – Хорхе. Через пару километров стоп. Надо подлатать прицеп, пока не потеряли все запасы.

– Вас понял… лид. Лидер? Лидер Оди.

– Так меня называют только бойцы.

– А я…

– А ты бухгалтер с амбициями похотливой королевы.

– Нет у меня жесткости характера. Согласен. Как его добиться?

– Я уже тебе говорил.

– Убить десятерых? М-да… а если… хотя бы одного? Для начала?

– Начни – кивнул я, теперь глядя на удаляющийся город – А там и во вкус войдешь. Оп-па…

– Что там?

– Там гибнет твое старое племя – усмехнулся я, увидев, как из окон одного из этажей небоскреба выметнулся жирный черный дым – Их ждет прожарка… Сбавь скорость, Хорхе. Прицеп вот-вот перевернется. Починить сможешь?

– Сделаю что смогу, лидер Оди. И позвольте сегодня угостить вас истинным рагу – в благодарность за спасение моей жизни.

Я не стал отвечать, все силы бросив на борьбу со сном.

Ну нихрена себе у них тут пантеры…

Истинное рагу Хорхе действительно было… вкусным.

Приготовленное из вяленого мяса, собранных прямо в лесу трав и кореньев, рагу настолько хорошо зашло, что мы с Каппой сожрали весь котелок, не забыв вытереть его дочиста тортильями и не оставив ничего повару. Не став огорчаться на этот счет, Хорхе приготовил еще одну порцию. На этот раз ему перепало чуток мяса и соуса. Он, с трудом сдерживая рвущиеся наружу слова, сумел сохранить молчание, понимая, что нам тупо хреново и мы можем врезать по говорливой харе.

Не знаю, что там за химию вкачала в нас система, но эта дрянь еще не покинула мою кровь. Да и Каппе по-прежнему было хреново. Накатывало приступами. Подступала тошнота, в висках начинало колоть, в ушах слышался тонкий фантомный звук, мышцы живота напрягались, в попытке удержать вкусную жратву внутри.

Влив в себя воды, я забрался в экзоскелет и отрубился, оставив на страже Каппу. Хорхе вызвался подменить его, но я глухо рассмелся и правильно все поняв, бывший советник снова не стал обижаться. Что ж – он хотя бы отчасти умеет держать удар. Не превращается тут же в плаксивую бабу с надутыми

губками – как это вы мне доверяете?! Возможно у этого ушлепка есть еще шанс перестать быть куском посахаренного дерьма…

Отключаясь, я подсознательно ждал, что сейчас словлю знатный флешбэк. Но ожидания не подтвердились. Никаких сновидений. Я проснулся через час, чувствуя себя резко посвежевшим. Из головы ушли последние отголоски боли, исчез сухой жар, пропала ломота в костях. Выбравшись из экзоскелета, я прислушался к погруженным в ночь шумным джунглям и коротко кивнул сидящей у костерка стальной статуе. Второго приглашения не потребовалось. С тихим гулом сервоприводов глефа растянулась на земле и Каппа заснул. Найдя взглядом спящего в салоне Хорхе, я подсел к скрытому в глубокой ложбине костерку, подбросил пару сучьев и замер, глядя на потрескивающее пламя. Веду себя глупо. Предельно глупо. Костер надо немедленно потушить, мне самому требуется немедленно устроить прикрытое сырой почвой и листвой укрытие, куда и забраться – так, что из него видеть происходящее вокруг машины и прицепа.

Но…

Я понимал, что обычное зверье сюда не сунется, бандиты с их мачете тоже не страшны. А вот Вдовец с пантерами… тяжелый шагоход я точно услышу. Как бы пилот Вдовца не напрягал задницу, ему все равно не суметь подобраться, не поднимая шума – по заросшим то джунглям. А вот пантеры… этих тварей хрен я услышу. Есть шанс засечь их в инфакрасном… но, учитывая их скорость, это произойдет за секунду до атаки. Как быстро модифицированные звери смогут вскрыть броню экза? Я задумчиво посмотрел на Каппу. Дерьмо… будучи там – на островной базе и во время походов по приказу системы – я обучал бойцу чему угодно, но только не драке со зверьми вроде дивинусами. Я учился сам и показывал им, как отражать атаки несекомоподобных призмов, как сражаться с гигантскими многоножками, как убивать слизней… но нам ни разу не приходилось сталкиваться с бронированными умными пантерами понимающими наш язык. Да вряд ли подобные твари вообще существовали там у нас – ни к чему просто. Тут же… настоящий симбиоз боевой техники и зверей.

Поведя рукой, скрывающей в себе выдвижное лезвие, я снова посмотрел на Каппу. Да… нам нужна база. Нам нужны возможности для модификации и усиления брони, нам нужен арсенал, нам нужны новые приемы противодействия подобному противнику.

Чем скорее мы доберемся до Комерцио – тем лучше. Хотя один хрен нам с Каппой туда не войти – город под приглядом

здешней системы, и она нас тут же попытается пристрелить. Эту проблему надо как-то решить.

Легализация…

Надо найти способ достучаться до местной системы и, если не подружиться с ней, то хотя бы добиться нейтралитета.

Следующий час я сидел у затухающего костра, неспешно перебирая варианты и отбрасывая их один за другим. Не сработает. Но впереди еще немало часов дороги, а за рулем говорливый и знающий здешние реалии гоблин. Мне главное уловить кровавую ниточку возможности и осторожно потянуть ее…

Как только час закончился, я затоптал костер и поднял всех. Еще через пару минут мы уже двигались дальше по мертвой дороге среди джунглей, с лязгом отпихивая с пути ржавье. Иногда приходилось покидать машину тянущую подлатанный прицеп и убирать с дороги упавшие стволы, рубить лианы выдвижным клинком – и почти каждый раз вместе с лианами мне под лезвие попадались огромные черви и змеи. Все это вместе взятое щедро брызгало соком, а порой, вместе со слизью или кровью, на меня попадали крохотные чипы и электронные блоки покрупнее. Система здесь повсюду. Она буквально с потоками льющегося древесного сока и крови напоминала – я здесь везде! Но я сомневался, что все эти чипы напрямую связаны с системой. Тут скорее что-то накапливающее информацию, что «сливалась» в систему, когда червь или змея проползала по какому-нибудь накопителю данных, замаскированному под пень, камень или заполненную водой или вкусным гнильем каменную тарелку. Система заботится о вверенной ей территории, регулярно получая информацию с каждого ее уголка.

И, судя по словам не умолкающего гоблина Хорхе, тут все далеко не так просто, как показалось сначала. Тут все чуток более запутанней. И это отлично. Там, где много путаницы и конфликтов – всегда найдется место для активно работающего локтями и дробовиком новичка…

Глава пятая

Болтающий за рулем гоблин своего добился – обогатил меня знаниями здешних реалий так богато, что хотелось блевать. Одна беда – реалии были именно здешние, местные, даже местечковые, их область действия ограничивалось достаточно просторным куском земли вокруг двух поселений. Куском земли, что тянулся от недавно покинутого нами заброшенного города до еще одних обширных развалин рангом поменьше. С двух других противоположных сторон этого куска земле – опять руины, причем огромные и, судя по описаниям достаточно толкового Хорхе, успевшего везде побывать, эти развалины раньше были колоссальными предприятиями предзакатной эры. Эти раскинувшиеся на десятки гектаров исполины жадно поглощали всяческое сырье, взамен выдавая многие тонны готовых и самых разнообразных продуктов потребления. Эти фабрики обладали собственными атомными источниками энергии, собственной водой, выкачиваемой из недр, и нуждались лишь в сырье. А еще в дорогах – для поставки сырья и отправки готовых продуктов.

Вот теперь стало ясно, почему здесь столько дорожных эстакад и перекрестков, созданных на века – мировые корпорации строили это для себя и потому строили как следует.

Селения Чикурин и Комерцио лежали как раз посередине – под расположенными над землей многочисленными дорожными железобетонными узлами, что медленно разбирались грубой ручной силой. Никто никуда не торопился. Мир медленно очищался. Система довольна. Обеспеченные работой бесплодные гоблины довольны. Количество гоблинов медленно уменьшается, новые поступления регулярны – но все эти поступления из тех же «старых» запасов замороженного полуфабриката.

Сколько времени прошло?

Как давно случилось все то, что приходит ко мне во флешбэках?

Не знаю. Нет ответа. Но если верить слова Хорхе о том, что в руинах некогда сплошь залитых бетоном фабрик сейчас растут вековые деревья, а до бетона еще надо постараться докопаться сквозь метр плодороднейшей черной жирной почвы… Нет. Глупо что-то предполагать в эти дни. Тут ходят звери, которых не должно существовать. Тут бегают пантеры, способные выдержать автоматную очередь. Тут внутри лиан вместе с соком плывут микроскопические чипы. Если система – или стоящие за ней ученые – сумели сотворить такое… они смогли бы и многократно ускорить рост поглощающей углерод биомассы.

С другой стороны – им некуда было торопиться. Как я уже понял, тут никто не собирался пока возвращать гоблинам их возрожденный милый рай, чтобы был отнят когда-то…

Когда нервно дрожащий за рулем Хорхе выложил все факты и точные сведения что знал, он, чтобы не допустить тягостной для него тишины – а слабаки и говнюки не выносят тишины, стараясь заполнить ее хоть чем-то – он начал пересказывать здешние легенды, вываливая в салон сотни слов о трехголовых змеях, о хищных деревьях, о гигантских тварях, о скрытых в этих местах еще не вскрытых руинах. Обычный ничем не подкрепленный бред. Но я слушал внимательно, не мешая ему вести машину и взяв на себя мониторинг окружающего нас если не враждебного, то холодно-нейтрального пространства. Эти джунгли не для людей. Не зря те бродячие племена не заходят глубоко в леса, ходя по светлым окраинам и делая робкие вылазки чуть поглубже – схватить и сразу же назад на известные натоптанные тропки. Мы же, съехав с заваленной буреломом дороги, сейчас пробирались по каменистому руслу мелкой речушки, полной полупрозрачных огромных головастиков, что беззвучно лопались под мощными колесами. Тяжело хлопающие крыльями птицы лениво убирались с нашего пути, недобро провожая нас долгим взглядом овальных янтарных глаз.

То и дело я, преодолевая вялость и позорную лень, заставлял себя выбирать через люк в крыше и смотреть назад. Те пантеры… тот гребаный шагоход… пойдут они за нами или нет… это зависит от множества факторов.

Я не знаю какое у этого бойца в шагоходе задание – а задание у него есть определенно. Первым делом он вычистит Небесную Башню, превратив там все живое в опаленное мертвое мясо. А вот затем… он может и вспомнить о кусачих и насквозь незаконных чужаках в экзоскелетах, что умчались в глухомань на внедорожнике. Проследить такую тяжелую машину… раз плюнуть даже полному дилетанту. А при наличии послушных и быстрых пантер… это становится легкой прогулкой.

Но его задание может быть иным. Небесная Башня может оказаться лишь первым пунктом. Почему? Потому что как-то чересчур хлопотно посылать столь тяжелую технику и боевых зверей ради частично заселенного небоскреба полного ленивых аборигенов, что умеют только трахаться, бухать и пялиться в экраны под потолком. Для сплоченного и умелого малого отряда из шагохода и зверей система должна была бы составить длительное боевое расписание с как минимум тремя-четырьмя остановками наполненными смешным криками сжигаемых живьем ушлепков. Те контейнеры на пантерах и такой же за

задницей шагохода, прикрытый композитным броневым матом – вполне могущий скрывать в себе сложенные солнечные панели – говорят в пользу моей версии. У молчаливого убийцы несколько намеченных целей – и мы в этот перечень не входим. Если так – за нами он не пойдет. Не получилось убить сразу как заметил? Ну и в жопу – главное сделать доклад системе и можно продолжать действовать по плану. А пантер отозвали от преследования по той простой причине, что я мог повредить несомый ими груз – боеприпасы, солнечные панели, продовольствие, мелкие запчасти и прочие крайне важные в любом боевом походе штуки. Умный пилот не захотел рисковать – особенно после того, как я враз сбил выпущенный им разведывательный беспилотник.

Ладно… может еще встретимся. Я умею, но не люблю убегать.

А Хорхе продолжал заливаться, наполняя салон внедорожника водопадом слов. Я, размышляя о своем, не забывал слушать и запоминать. И после второго нашего долгого привала, что подзаправил машины энергией, а нас еще одной солидной порцией мясного рагу, кукурузной кашей и какой-то зеленоватой пряной хренью из фляги, что, по словам хихикающего Хорхе пробуждала живущего между ног зверя, наш проводник и водитель наконец-то, сам того не заметив, рассказал кое-что очень интересное. Не показав насколько меня это зацепило, парой небрежных слов я направил его россказни в новое русло и, спустя еще пару часов, он наконец-то вспомнил добрый десяток историй связанных с тем местом.

Я постарался выпотрошить его голову как можно сильнее, выуживая любые мелкие детали на интересующую меня тему. Давить не пытался – ни к чему. Он и сам был рад вспомнить как можно больше, не забывая добавлять такие важные слова как «возможно», «в этом не уверен», «не могу ручаться, сеньор», «скорей всего эта жирная сука солгала», «не проверено», «сам лично не видел», «этому гнойному бастарду особо верить нельзя». Эти добавляемые им маркеры позволили мне за время путешествия выстроить достаточно стройную и крайне удивительную картину здешнего политического бытия. И говоря о политике, я говорю о настоящих игроках, а не о тех тупорылых хрососах, что носят дохлых орлов на макушке.

Когда грязный внедорожник начал протестующе визжать на каждом ухабе, показывая, что почти исчерпал свой лимит и нуждается в срочном техосмотре, мы оказались на небольшом возвышении – я специально приказал загнать туда машину – откуда можно было оглядеть получше.

Здесь сельва постепенно заканчивалась, хотя кое-где продолжали тянуться упорные длинные языки густой

растительностью, что подобно лесным щупальцам медленно стягивалась вокруг этой влажной и душной низины. Первое что бросалось в глаза – некогда многоуровневые транспортные развязки, назвать которые тупо «мостами» язык не поворачивался. Я помню подобные сооружения. Одни только опоры, способные выдержать что угодно, являлись настоящими произведениями конструкторского гения. Они каждую минуту испытывали колоссальные нагрузки, когда по ним одновременно мчались пассажиры и грузы сразу по нескольким типам многоуровневых путей. Артерии, что соединяли целые континенты, а также небесные башни – настоящие, а не окрещенным этим пафосным именем банальные небоскребы. Настоящие Башни вздымались на невероятную высоту – миля, а то и больше, в них вольготно жило или пресмыкалось невообразимое количество гоблинов и всем им надо было куда-то попасть, что-то заказать или что-то отправить. И эти транспортные артерии прекрасно справлялись с любой нагрузкой. Именно они убили в свое время пассажирские авиаперевозки, не считая мегасрочных, где тебя переносил прыжок ракеты, способной за час доставить тебя в любую точку мира. Все предпочитали куда более удобные и куда более дешевые поездки на скоростных поездах или гиперлупах – идеально для средних дистанций. То же самое с доставкой любого объема груза – знай загружай, транспортные вены всегда чисты и готовы принять еще сколько угодно. В течение суток – в любой точке мира. Полная гарантия. Главное плати. Доставки сырья для гигантских фабрик? Да не проблема – для этого и существуют специальные скоростные поезда-пули, что беспрестанно курсируют от места добычи к фабрикам и обратно.

Да… и вот это все система приказала разобрать и разбить вручную? С помощью кирок и ломов? Вашу же мать… Тут ведь использовался не обычный железобетон…

Двухсотметровые и стометровые остовы бывшей гордости катящейся в жопу цивилизации возвышались над низиной угрюмыми скелетами. Памятники самому себе. Кое-где вздымались дыми – не тревожные, а скорее говорящие, что там готовят пищу. Как я уже узнал от Хорхе, горе тому, кто раздует по мнению системы беспричинно большой костер – накажут дебила. Разводи, не проблема, используй бережно сухие щепки, готовь пищу, подогревая чай, но так, чтобы пламя было умеренным.

Под остовами дома. Часть прочных каменных построек с плоскими крышами выглядят очень капитальными, сложенными из тяжелых плит, дополнительно укрепленными диким камнем. Им же – камнем – частично заложены все окна. Благодаря укрупненной картинке я отчетливо видел и решетки, что

закрывали узкие бойницы. Эти здания были окружены кольцом куда менее солидных жилых зданий из более простых материалов – бревна, дикий камень, глиняные стены. Многие постройки стояли на высоких сваях бревенчатых сваях – настолько высоких, будто здесь боялись наводнений. Опять дивинусы…

– Уверены, сеньор Оди?

– Мимо – буркнул я, указывая стальной рукой направление движение – Не попадись в зону, где нас видит система. Объезжай.

– Да, сеньор – и опять Хорхе показал свое умение обучаться, сначала направив машину в нужную сторону, поддав газу и только затем осторожно поинтересовавшись – Вы точно уверены?

– Лид уверен – за меня холодно произнес Каппа, выбравшийся из экзоскелета и обрабатывающий его влажной тряпкой и местным мутным самогоном со всех сторон.

– Да, помощник сеньора – только очень хорошо прислушавшись, можно было уловить в голосе бывшего смотрителя тончайшее пренебрежение.

Каппа уловил, тут же наградив водителя подзатыльником и добавив:

– Могу убить.

– Я просто веду машину – вздохнул Хорхе и покосился на меня – Как и приказал сеньор Оди.

– Час езды? – уточнил я, прикинув нашу скорость и вспомнив, что до нужного места примерно пятнадцать километров.

Сейчас мы двигались быстрее – шли по ровной глинистой сухой почве, поднимая небольшой шлейф бурой пыли, но нам еще преодолевать те самые языки растительности, что явно мешают здешнему движению, но никто не осмеливается прорубить себе сквозь них путь.

– Да, сеньор. Может и быстрее. А может и медленней – тяжело вздохнул Хорхе, сворачивая и заезжая за длинный невысоки холм – Ну вот… сейчас Мать нас не видит даже издалека и мельком. Мы…

– В сумраке – широко-широко улыбнулся я, «вскрываясь» и выбираясь из экзоскелета – Да… тебе тоже нравится этот вкус, Хорхе?

– Вкус страха?

– Вкус безнаказанности – поправил я, поднимая со дна салона одну из взятых в прицепе винтовок.

Огладив рукой приклад, я покачал головой, в какой уж раз разглядывая раритет. Новодел, само собой и даже не удивляюсь почему столь несовременное оружие решили возродить.

– Гаранд – заметил Хорхе – Хорошая винтовка.

– Тебе лучше знать – ответил я.

– Ну что вы, сеньор. Я так… чужие слова повторил.

– Она звенит, когда патронная пачка выскакивает – презрительно скривил губы Каппа – Сигнал для врага – атакуй и убей! Плохо…

– Вот как – удивленно моргнул Хорхе – Да, я слышал на стрельбах такой звон. Не задумывался… А… сеньор Оди… лид… зачем винтовка? Ведь экзоскелет куда лучше…

– Надо проверить себя – машинально ответил я, высыпая горсть патронов в старую поясную сумку, тоже взятую из прицепа и избавленную от всякого хлама вроде потускневших хрустальных статуэток, кулонов, дешевых цепочек и прочего мусора – Проверить руку и глаз… ну? И где они?

– Это всего лишь страшилка – напомнил бывший советник.

– Сумрак манит любого – покачал головой мечник, тоже берясь за винтовку – Безнаказанность… жажда наживы…

– А у нас внедорожник с тяжело нагруженным прицепом – усмехнулся я – Лакомая добыча. Держи ту же скорость. Ты знаешь, куда мы двигаемся. А вылезет кто по пути или нет – дело второе.

– Да, лид. Но вы помните, да, что первая пуля всегда водителю? Не хотелось бы… – напоровшись на мой взгляд, Хорхе тяжело сглотнул, уставился на дорогу, чуть съехал вниз и затих.

Недовольно стуча и скрипя, машина начала скатываться по склону, отмеченными следами от бурных потоков воды. Дожди тут бывают очень неслабые…

Выскочившая из кустов крупная бурая свинья яростно ощерила желтые зубы и с визгом рванула к нам, странно подворачивая, закручиваясь, на ходу подправляя направление и упорно нацеливаясь на переднюю покрышку. Густая серая пена и рвущие шкуру спазмы говорили, что с животным все очень не так.

– Дивинус! Пекари! – сипло выдавил Хорхе. Машина чуть дернулась, но тут же снова набрала скорость, продолжая спускаться – Святой зверь…

– Святой зверь – пробормотал я, упирая приклад в плечо – Ага…

Выстрел угодил в переносицу, проломив перемычку между крохотными глазками. Второй выстрел перебил левое колено. Третий вошел в грудь. Свинья продолжала бежать на внедорожник.

– Я хренею с этого мира – признался я, стреляя в четвертый раз по хромающему зверю, снова вбивая пулю в чересчур большой и клыкастый череп.

Невероятно, но я испытал легкое облегчение, поняв, что пули все же уходят в податливую плоть, а не отлетают с визгом

рикошета, как это было с пантерами. Значит, есть все же разница между обычными «святыми зверьми» и теми, кто заточен на боевые действия.

– Минус подкожная броня – пробормотал я, утапливая спуск в пятый раз – Минус продвинутые мозги. Нет такой скорости и ловкости…

Упавшая пекари забилась в пыли, крутясь и колотясь о землю, в бессильной попытке подняться. С уже тремя пулями в башке это однозначно нелегко.

– Пробегись – буркнул я узкоглазому бездельнику.

Прихватив отточенное им же мачете, Каппа открыл дверь и выскочил на ходу. Сумел удержаться на ногах, хотя его и повело позорно к земле. Добежав до агонизирующего зверя, двумя ударами отрубил ему голову и помчался следом за продолжающим катиться по «сумрачной» полосе внедорожником.

– Он очень силен – заметил наблюдательный консильери – Такие удары мачете… и ты очень силен и выносliв, лидер Оди. А какие мускулы…

Я ничего не ответил. Промолчал и вернувшийся в салон Каппа, занявшись осмотром и вытиранием лезвия мачете. Машина на ровной скорости двигалась за гребнем длинного холма, прикрытая от системного взора, но открытая всем другим – особенно тем, кто жаждал добычи или был просто тупо агрессивен. Мне требовались и те и другие. Дивинусы – для практики их уничтожения. Остальные – для подтверждения слов Хорхе, который сам не заметил, как рассказал что-то очень важное. Хотя тут двое надвое. Либо реально важное – либо пустышка…

* * *

Обычно, когда хочешь чего-то очень сильно – это не случается очень долго. Или наоборот – случается тут же, как по мановению сраной волшебной палочки. Вот только ты к этому не готов и пролетаешь мимо представившегося шанса.

В нашем случае все сложилось почти идеально. Мы двигались по дуге вокруг запретного для нас Комерцио четыре часа. Скучные четыре часа, за которые прикончили еще одного дивинуса – безумное существо похожее на гигантского лемура, что прыгнул сверху и начал колотиться о крышу и стекла машины – а еще я подстрелил жирную обычную черную свинью, что смотрела на нас с легким презрением. Не ожидавшая такой подляны свинья сдохла с протестующим визгом. Наспех слив

кровь и выпотрошив ее, мясо бросили в багажник, а сами двинулись дальше, торопясь преодолеть еще хотя бы десяток километров до того, как придется остановиться на привал и заняться капитальным осмотром и полевым ремонтом совсем уж «расклеившегося» внедорожника.

Тут то и упало перед нами дерево.

С классическим стоном, хрустом, даже визгом, сучковатое дерево с гладкой кожистой бурой корой рухнуло поперек узкой просеки этого тянущегося к городу лесного языка. С испуганным вяканьем Хорхе вдавил педаль тормоза, съехал пониже и, переключив передачу, снова ткнул в газ, посылая внедорожник назад. Все то у этого ушлепка заточено на убегание…

– Затихни, дерьмоед – велел я, надавливая ему на макушку ладонью.

Машина со скрипом остановилась. Мы затихли в трех метрах от упавшего бревна. Каппа, чем-то похожий на тощую пустынную ящерицу, поспешно «зарывался» в узкую щель на спине лежащего ничком экзоскелета. Я пока терпеливо ждал, задумчиво рассматривая и баюкая в руке вычищенный и заряженный крупнокалиберный револьвер. Этого красавца я надыбал в прицепе. Небрежно завернутый в обрывок вонючей шкуры, грязный, заброшенный, он медленно подыхал, а я нашел, разобрал, вычистил, собрал, пару раз выстрелил, вернув этому стальному парню уверенность в завтрашнем дне.

Матеба. Автоматический револьвер, поздняя длинноствольная модификация. Реплика. Выглядит отлично, стреляет отменно, пробьет любую тупую башку.

Чуть приподняв ствол, я выстрелил поверх приоткрытого бокового стекла в чуть шевельнувшиеся кусты. Затрясшиеся ветви ответили надрывным стоном, что-то тяжело рухнуло на землю и заскреблось.

– Холи мутер – проскрипел чужим каким-то голосом Хорхе, запоздало накрывая взмокшую башку шлемом.

Опешившие от моей наглости джунгли чуть пошелестели, а затем разродились уверенным, вальяжным и лишь чуток нервным голосом:

– Промазал!

– Ну да – тихо рассмеялся я – Ну да…

– Вы! Тупые иноверные бастардос в классной тачке! Я сделаю вам шикарное предложение, хренососы! Вы с поднятыми руками выходите из машины голыми и уходите к городу. А мы отпускаем вас! Никаких выстрелов в спину. Никаких убийств.

– Я же говорил, сеньор – пропыхтел Хорхе с уровня пола – Им нужны машины. Транспорт. И оружие.

Я молчал, внимательно вслушиваясь в ту часть леса, откуда прозвучало шикарное предложение прогуляться безоружным и голожопым по враждебным джунглям полных кусачих муравьев, ядовитых змей и спятивших дивинусов.

– Ну что скажете? Вам не уйти. Машина блокирована. Вы окружены моими бойцами! Лишь нежелание портить эту классную машину дырками от пуль и пятнами вашей крови останавливает меня! Признайте – вам сегодня не повезло! Примите это и уходите! И передайте там – в этом презренном селении Мосты, что они поклоняются ложному богу! Ложному! Лишь наша вера истинна! Вера дэнмов! Вера Детей Новой Матери!

– Тронутые – со всхлипывающим вздохом родил Хорхе – Я же говорил, сеньор… я же говорил…

– Все! – заорали джунгли – Мне надоело ждать! Даю пять секунд! Если не ответите… пеняйте на себя, бастардос! Либо на счет пять из машины появится хоть один ушлепок с поднятыми руками… либо я лично подойду к тачке, вытряхну оттуда всех и каждому порву жопу! Каждому! А затем этими самыми рваными жопами посажу на самые большие муравейники! Я начинаю считать! Раз! Два!

Мягко опустившись на бок, я перекатился на грудь, успев столь же мягко опустить револьвер на облюбованный и сделанный личным рюкзак, чуть повел плечами, заученно втискиваясь…

– Три!

Теперь податься вперед, одновременно распрямляя ноги, нажать подбородком на одну из активирующих тангет…

– Два! И-и-и-и-и…. один!

Открыв дверь, я легко выпрямился, безошибочно повернулся к кричащему и сквозь динамики Ночной Гадюки ласково спросил:

– Ну?

– Срань господня… – изумленно проблеяли с джунглей – К-к…

– К-к? – повторил вышедший с другой стороны Каппа.

– К-камрадос… отступаем!

Переговоры кончились…

Перейдя на бег, я рванул к главному, что на экране моего забрала выглядел как суматошно дергающийся желто-красный убегающий силуэт. Еще парочку таких же я почти проигнорировал, нанеся каждому по небрежному удару. Подпрыгнув, перелетел каменную осыпь и всей массой опустился на плечи бегущего третьего. От этой лопнувшей хрустящей массы снова оттолкнулся и дотянулся руками до спин последних двух

убегающих, сбив их с ног. Отмахнувшись ладонью от ствола сунувшегося в забрало дробовика, глядя только на нужную мне цель, коротким ударом утопил левый кулак в лице и черепе визжащего стрелка. Там пока и оставил отмокать темную сталь в мозговой жиже и остатках умирающей чужой личности.

Откинув забрал, задумчиво глянул в побелевшее лицо с отвисшей челюстью, заглянул в темные глаза недавно столь болтливого лидера, что сейчас не мог отвести взора от камрада с пробитым лицом и черепом. Поведя пальцами, вытащил из проломленной башки горсть ошметков, медленно сжал кулак, выдавливая белесо-розово-красные ручейки мозга и, вытерев руку о бронежилет дохляка, поинтересовался у еще живого:

– Поговорим?

– Я… я с радостью, босс! Я с радостью!

– Босс – усмехнулся я, забирая короткий автомат и не забыв про дробовик – Ну да… двигай к машине, ушлепок.

– С радостью! – бледно улыбнулся тот и тут же согнулся в рвотном порыве, когда я встряхнул стальной кистью и ненароком забросил в его натужно улыбающуюся пасть пару липких кусков мозговой массы.

Схватив его за хрустнувшее плечо, не обращая внимания на дикий крик боли, я потащил его сквозь джунгли к машине, оглядываясь, сканируя местность и одновременно отдавая приказ Хорхе:

– Давай из машины! Собери трофеи, все загрузи в прицеп, затем разжигай костер и начинай готовить мясо.

– Есть вопросы? Я отвечу! – провыл упавший на землю безымянный лидер группы дэнмов или как он там себя называл – Не убивайте! Пожалуйста! Мы ведь в вас даже не стреляли!

– Где ваше логово? – присев над корчащимся от боли ушлепком, спросил я, сразу переходя к делу – Ну?! Живо! Где главное логово?!

– Там! Там!

– В той стороне руины гигафабрики!

– Да! Да!

– Я слышал там повышенный уровень радиации…

– Все брехня, сеньор. Вранье ложной Матери, чтобы отпугивать нас от истины!

– Сколько вас там?

– Много!

– Сколько, сука?! Точнее! Цифрами!

– Пятьдесят с лишним… хотя уже меньше… – по-прежнему безымянный для меня мужик испуганно глянул на вернувшуюся к машине глефу с окровавленным мачете в стальной руке – Не

убивайте. Я пригожусь!

– Что за новая мать? Новая система, верно?

– Истинная Мать… она пригрела нас – приговоренных Матерью Ложной! Приговоренных гребаными друидами! Я всего лишь срубил дерево! Обычное сука дерево! А меня приговорили к сотне палок?! Содрали всю шкуру на спине! За что?! За срубленное дерево?! Да в жопу такую Мать! В жопу такую веру! В жопу друидов! Особенно друидов – ненавижу! Кто дал им такую власть!? Кто может вот так легко выписать обычному пеону сто ударов палками?! А сами они испытали хоть раз подобное?! Я не жалею, что убил того старика, принесшего мне тыкву с грязной водой и длинную никчемную проповедь о искуплении грехов и почитании сраной природы! Вранье! Деревьев много! С природы не убудет! Нет! Я не жалею, что убил того старика! Подвернувшуюся под руку визгливую девку, дрыхнувшую у того сарая… ее жалко! Да! Я все же человек и у меня есть сердце. Но она бы выдала меня своим криком… Иногда чтобы выжить нужно молчать! Держать пасть на замке!

– Ты поменял… – я чуть завис, подбирая подходящее слово – Ты поменял идентиф…

– Я поменял веру! – торжественно произнес пленник.

– Там еще один – прогудел сквозь динамики экза Каппа, кивая за машину – На всякий случай…

– Ага – кивнул я и вернулся к интереснейшей беседе – Как ты это сделал? Как ты поменял свою веру.

– Я отрекся! Меня спросили – и я отрекся! Пред моими глазами плыли буквы! Пылающие слова! Я прочел их – и возрыдал! Ведь лишь истинное божество, истинная Мать могла послать мне письменное пылающее послание. Я уверовал! Я…

– Где это случилось?

– Там же! В великом разрушенном храме! Пройдя сквозь сверкающую священную арку, я оказался пред алтарем ее и там случилось чудо! Там, пройдя весь лабиринт, поблуждав, но справившись, обойдя разумного зверя, что охраняет мать, зверя, я пал на колени и отрекся! А затем принял новую веру! Слушай… не убивай меня, а?

– Прошел через арку, миновал рогатого зверя – перечислил я – Дошел до алтаря. И получил системный запрос?

– Э-э-э…

– Мать спросила тебя?

– Да! Да! Она приняла меня! Она приняла меня! Она… – договорить ушлепок не успел – понявший меня Каппа взмахнул тесаком, отрубая говорливую башку.

– Да-а-а… – протянул тяжело дышащий Хорхе, притащивший

к машине с десяток стволов и пару рюкзаков – Ох… как же легко вы убиваете, парни. Он ведь мог еще многое рассказать…

– Зачем? – удивленно глянул я на бывшего советника – Сами все увидим, когда доберемся. Жарь мясо, Хорхе.

– Да, лид.

– Каппа. Задай пару вопросов второму придурку.

– Да, лид. А потом? Убить.

– А потом позови нашего повара Хорхе – и пусть он зарежет ушлепка – улыбнулся я замершему как истукан бывшему советнику – Ты ведь сможешь это сделать, да, Хорхе? Ты ведь боец?

– Я… я боец…

– Вот и докажешь – удовлетворенно кивнул я и покосился на царящий над нами колоссальный бугор, эту спрятанную под землей раковую опухоль, скрывающую в себе море дерьма и гнили – Рэка прямо не хватает.

– Ха! – более чем эмоционально заявил Каппа, задержавшись у капота внедорожника – От орка лишь хлопоты!

– Ну да – усмехнулся я – Ну да… Хорхе! Двигай жопой!

– Да! Да, сеньор… – вернувшийся к сооружению кухонного очага Хорхе покосился на лежащий в нескольких шагах труп и спросил – Может сменим место?

– Зачем?

– Принимать пищу рядом с уже начинающими смердеть трупами… разве это правильно?

– А что в этом неправильного?

– Понял… позволь спросить, сеньор Оди.

– Говори – ответил я спустя пару минут, успев «вскрыться» и заняться разбором трофеев.

– Я вот думал – это вранье. Про Новую Мать и новую справедливую веру… но выходит нет?

– Эта территория – я ткнул пальцем в землю – Эта территория подконтрольна одной управляющей системе. А вон та гора… ей правит другая система.

– Олимп?

– Как-как? – удивленно спросил я – Как ты назвал этот бугор?

– Олимп. На эту гору нельзя подниматься. Ведь там среди льдов и снегов на ее вершине живет Мать, что сверху наблюдает за нами грешными. Оттуда же она посылает своих стальных и живых посланцев, посылает свои дары…

– Все так – кивнул я – Но она не бог. Это машина. Холодный машинный разум заключенный в шипастые рамки строгих и порой безумных правил, которым она обязана следовать. Но систем, как оказалось, много и они сосуществуют бок о бок. И это

логично – ведь управляй целой планетой лишь одна система, в случае ее выхода из строя это привело бы к коллапсу. Куда разумней выстроить целую сеть таких вот системных кластеров, каждый из которых управляется автономно, но с сохранением некой иерархии и взаимодействия на глобальном уровне…

– Я… я потерял нить, сеньор Оди. Но я в восторге – вы куда умней и мудрей меня. Моя решимость слепо следовать за тобой окрепла в разы…

– Не брызгай.

– Да, сеньор. И эта новая Мать… – теперь слово «мать» в устах задумавшегося консильери уже не звучало столь же почтительно как всего несколько секунд назад.

– Другая система. Другой кластер. И она владеет своими личными гоблинами. Вот только в куда меньшем количестве – развязав воняющую плохо завяленным мясом сумку, я вытряхнул ее содержимое на землю и продолжил – В тех развалинах что-то не так. Но если все подтвердится – нам это только на руку. Легализация. Вот что нам нужно. Сначала попробуем там – в развалинах. Если не выйдет – рискнем заглянуть в Комерцию или Чикурин. Я ведь еще не знаю как к нам относится здешняя система. По нам стреляли системные полусферы что стоят на горе – но к какой системе они относятся? Точно не нашей «родной».

– Родной – повторил тихо Хорхе, понявший, что я ушел в себя и просто перебираю факты, а не веду диалог.

– Может система управляющая Комерцио отнесется к нам нейтрально. А может и нет… ведь мы твари подземные, явившиеся из жопы мира нелегально, считай сбежавшие… плюс у нас боевые экзы…

– Я задал вопросы, лид – оповестил Каппа из-за машины – Хорхе может идти убивать.

– Давай – поощряюще улыбнулся я советнику – Иди и зарежь гниду.

– Я…

– Иди и зарежь гниду. Но если не хочешь – просто уходи. Бери дробовик и возвращайся в родной город. Там получишь рабочее задание и начнешь мирную жизнь разрушителя старых мостов и дорог. Вперед, Хорхе. Выбор за тобой.

– Я зарежу гниду.

– Ты решил – кивнул я и указал глазами на нож в его руке – Иди и зарежь. Но раз сказал «сделаю» – сдохни, но сделай. Если не зарежешь – я сверну тебе шею. Понял меня?

– Я понял, лид…

Ссутулившийся Хорхе двинулся на звук тонкого прерывистого визга, а я, машинально перебирая трофеи и

отшвыривая мусор, продолжал соображать.

По дороге сюда Хорхе рассказал, что где-то с год назад поползли слухи о Новой Истинной Матери и о ее детях осмелевших настолько, что приходят в Комерцию и проповедуют новую веру. При этом они богохульствовали непосредственно под системным грибом системы, и та им ничего за это не сделала. Хотя следом подоспели друиды, прервавшие проповедь. Опять же – никого не задержали, никого не поколотили. Эти денмы, как они себя называли, спокойно ушли в джунгли, напоследок призвав всех последовать их примеру. Ведь их новая истинная мать куда более щедра – постоянно дает задания, которые щедро оплачиваются красивыми подарками. И ведь это мол только начало – их Мать лишь явилась в этот грешный мир и еще не набрала необходимой мощи. Но все впереди!

Подарки новой матери – различные изделия из пластика и металла. Красивые штампованные кулоны, браслеты, заколки и прочее барахло, которое, тем не менее, на ура продавалось – бабы падки на украшения, а мужчины любят радовать своих женщин.

Примерно в это же время в сумрачных зонах рядом с Комерцио и Чикурином начали находить мертвые обнаженные тела. Убили и обобрали. Пропало две машины. Грешили на Небесную Башню – мол это из разрушенного заброшенного города разбойнички прикатывают. Вот только Хорхе то знал, что они не при делах. А в последовавшей еще одной проповеди на главной площади Комерцио один из адептов новой веры громогласно заявил, что ради великой светлой цели они готовы и в грязи испачкаться. Слова словами, но кто-то узнал приметные предметы у этих адептов – футболки, чуть перешитые шорты и штаны, а главное – шлепки. Резиновые дубовой крепости ядовито-зеленые шлепки, в которых щеголял проповедник – этими шлепками гордился один из тех, кого нашли мертвым на сумеречной тропе.

В общем умный Хорхе сопоставил несколько фактов, нашел виновных, но окрестил их просто разбойниками, не поверив, что на самом деле существует новая «Мать», которой каждый желающий может присягнуть на верность. Я бы тоже не поверил, но упомянутые теми проповедниками детали повторялись раз за разом.

Арка из сверкающего металла.

Священный разумный зверь.

Пылающие письмена перед глазами.

Все это более чем знакомо любому гоблину нашего «родного» мира.

А этот разумный зверь – проповедник описывали его как

двуногого рогатого священного разумного дивинуса, что охраняет лабиринт скрывающий алтарь Новой Матери. Лабиринт, сквозь который может провести лишь путеводная красная нить, тянущаяся от входа. Охраняющему лабиринт зверю надо в специальной комнате у входа в лабиринт оставить подношение – свежие фрукты, немного вина или самогона, а можно и привратную жрицу, что за небольшой подарок согласится усмирить своим лоном рыкающего святого зверя, в то время как желающие приобщиться к новой вере будут блуждать по лабиринту…

Там многое что рассказывали блеющие проповедники охотно слушающим аборигенам.

Зверь – это мол не метафора, а реальная мускулистая страшенная тварь. И лабиринт существует на самом деле. И дары нельзя забыть – обязательно прихватить с собой, ведь никто не захочет услышать топот пустившегося за тобой в погоню не усмиренного дарами зверя…

Охренеть…

Звучит бредом.

Вот только я знал, как назвать двуногого разумного рогатого копытного зверя. Минос. Вот кто это. Здесь его почему-то называли Минотавром.

– Сучий минотавр – рассмеялся я, прислушиваясь к захлебывающему крику боли за внедорожником – Ну ладно… мы принесем тебе дары…

Услышав шорох, повернул голову и увидел… вывалившегося из-за машины чужак с залитой кровью грудью, держащегося за шею, шатающегося, пучащего глаза. Сделав еще шаг, чужак упал, разок дернулся и облегченно затих. Я поднял взгляд повыше – на согнувшегося в рвотном приступе Хорхе, мертвой хваткой держащего рукоять кухонного ножа и поливающего землю остатками завтрака. Стоящий за ним Каппа всем своим видом выражал презрение. Оскалившись в беззвучном смешке, я выждал минуту, потратив ее на выбрасывание не вяленого, а подтухшего мяса в кусты – вырвать бы сучьему заготовщику руки и подвялить на его глазах этим же способом. Затем, лениво разглядывая нож с искусно выточенной роговой рукоятью, изображающего трахающихся гоблинов, я напомнил:

– Обед, Хорхе. Обед.

– Да, сеньор…

– Лид или командир – поправил я.

– Да… командир…

– Каппа. Осмотри машину, очисти солнечные панели от грязи. Убедись, что мы выдержим еще один долгий переход.

– Гигафабрика, лид?

– Она самая.

– Уже предвкушаю…

С этим словами мечник отправился к прицепу, вскоре загромыхав там какими-то железками. Я же, осматриваясь, прислушиваясь, держа под рукой винтовку и револьвер, а в полушаге склонившийся Хорхе, продолжал потрошить добычу, хотя уже стало ясно, что девяносто процентов ее отправится в кусты. Хотя всю эту отвратного качества жратву лучше бы сжечь – ей отравятся даже падальщики.

Из оружия…

Все новодел, но все в ужасающем состоянии. Такое впечатление, что, боясь кражи, эти ушлепки прятали оружие в собственных жопах, для верности затыкая их пучками травы вперемешку с грязью. Воняло от оружие соответствующе. Три переломных дробовика, один обрез, винтовка с убитым стволом, ружье-вертикалка с нарезным и гладкоствольным стволами. Помповый дробовик, привлекший мое внимание невероятными обвесами – мощный фонарь над, а не под стволом. Внизу же скрывался электрошокер выбросного действия, питаемый скрытой в пустотелом прикладе солидной плоской батареей. Рядом с электрошокером зеленый лазерный целеуказатель. На цевье установлены складные сошки, что меня окончательно добили. И это еще не все – там, где только это было возможно, были натыканы планки для крепления дополнительного обвеса, хотя я даже и не представлял себе, что еще можно было бы придумать.

Странно и неумело. Даже глупо. На помповый дробовик часто крепят подствольный фонарь, уж точно не ставят лазерных целеуказателей и, чего не было сделано в этом случае, на щеку приклада вешают патронташ.

Но электрошокер… планки для крепления… уже ясно, что какому-то дебилу сильно подфартило, ему досталось много незнакомых ему игрушек и он уж постарался как мог, превращая свой обычный дробовик в фантастическое оружие. Руки бы обломать ублюдку, да поздно – я пробил ему башку ударом стального кулака и порылся в его тупых мозгах. Как и следовало ожидать – жиденькие были мозги.

Приклад, кстати, не от дробовика – его тоже установили чуть ли не насильно.

Почему я так пристально раскладывал все это дерьмо?

Почему я разложил перед собой несколько избранных предметов и заставил Хорхе перерыть все остальные сумки и карманы в поисках подобных трофеев?

Все просто – мое внимание привлекла крайне знакомая

аббревиатура, что заодно напомнила о оставленных в том прежнем мире бойцах.

На расстеленном одеяла, предварительно оттерев от чужого пота, жопного сала и просто грязи, лежало несколько полуразобранных мной образцов оружия – два дробовика, ружье вертикалка, крохотный пистолет необычной формы и с уродливой куцей рукоятью что не сжать толком в ладони. Пяток консервных банок. Несколько блистеров с лекарствами.

И все эти вещи объединяла маркировка «Бункерснаб». И все тот же знакомый и навсегда въевшийся в цепкую память рисунок – густой дремучий лес, выпирающий из земли, поднимающийся над деревьями черный горб, стоящий на переднем фоне улыбчивый человечек в зеленом комбезе, одобрительно выставивший оттопыренный большой палец. Это на консервах рисунок и на лекарствах. На оружие это выбитое на многих частях и уж точно на каждом прикладе и стволе клеймо «Бункерснаб». Знак качества, знак принадлежности.

– Каппа!

– Лид?

– Про Бункерснаб ушлепков спрашивал?

– Хван – задумчиво произнес высунувшийся из-за машины мечник, глядя на банку с консервированными персиками – Нет, лид. Не спрашивал. Мое упущение…

– Не – покачал я с усмешкой башкой – У нас еще будут собеседники.

– Ты рад, лид?

– Рад – кивнул я, продолжив разборку трофейного оружия – Это прямая ниточка туда.

– Зомбилэнд?

– Ага. В том числе. Продолжай починку, боец. Что с прицепом?

– Еще один рейд выдержит. Но без нормального ремонта здесь не обойтись, лид.

– Хорхе… где здесь можно найти мастерскую с хозяином, что без лишних тупых вопросов просто займется починкой.

– Комерцио… Чикурин…

– Не вариант.

– Ну… тогда остается только один вариант, командир – вон тот гигант за джунглями.

Приподнявшись, я потратил полминуты на задумчивое рассматривание смутно виднеющегося над деревьями железобетонного гиганта, поднимающегося на пару сотен метров и похожего на огромную выщербленную букву «А».

– Это крайняя эстакада, самая… непопулярная. Я

рассказывал.

– Там нет системы.

– Она есть… но в полутора километрах от эстакады. И с другой стороны так же – но там уже территория Чикурин.

– И веселые узкоглазые делают все, чтобы на этой эстакаде появлялось как меньше работников с Комерцио.

– Конкуренция – развел грязными руками Хорхе, явно нарочно испачкавшем ладони в земле, чтобы скрыть следы пролитой им чужой крови – Чикурин понимает – рано или поздно и эту эстакаду сравняют с землей и тогда Мать перестанет выдавать задания…

– А правление Комерцио наоборот толкает своих работников к крайней проблемой эстакаде… так?

– Да, лид. Городское правление… они те еще ублюдки, но они не дураки и понимают, что выгодней сначала покончить с эстакадами подальше от города, чтобы потом уже сосредоточиться над теми, что прямо над городами.

– И куда уже побоятся сунуться пришлые рабочие бригады…

– Да, командир.

– Это мир не меняется – рассмеялся я – Сколько не убивай, сколько не вычищай… все равно все вернется на старую гиблую дорожку. Как называется крайняя эстакада?

– Понти Севен.

– И там есть мастерская?

– И не одна. Оттуда постоянно возят прицепами битый щебень, арматуру… и техника часто ломается, командир.

– Мастерские есть и прямо у эстакады?

– Прямо под ней. Удобно. Там же постоялый двор Понти Рест, найдется и конюшня, есть даже два магазина. Это настоящее поселение. Можно назвать малой крепостью, наверное. Там сумрачно, но безопасно. И поэтому там хорошо покупается и продается то, что нельзя достать или сбыть в обычных магазинах. И поэтому там обычно не задают лишних вопросов. Бизнес должен крутиться… А еще… раз Мать неблизко, там…

– Ну?

– Я уже рассказывал про…

– Охранников?

– Да, сеньор. Охранники. Там нет Материнского пригляда и поэтому охрану несет третья Мостосносительная бригада. Они главные в Понти Севен. И… они хорошо стреляют, командир.

– Минометы, пара гранатометов, автоматическое оружие, дробовики, два старых шагохода, что давно уже не двигаются, штабквартира в служебных помещениях внутри опоры дорожной эстакады, там же у них большая площадка, откуда

простреливается вся территория вокруг.

– Да, командир. Через эту площадку проходит лифт, что поднимает и спускает работяг. Еще один лифт с другой стороны – грузовой.

– Постоялый двор и починка – хмыкнул я – Жареное мясо, чуток самогона… может найдется и компот… двигаем в Понти Севен, бойцы. Хорхе…

– Да, лид?

– Убивая в следующий раз…

– Да…

– Не отводи взгляда от того, кого неумело убиваешь – буркнул я – Смотри ему прямо в глаза.

Брезгливо повертев в руках украшенный тупорыло-неумелой резьбой деревянный приклад, я швырнул его в костер, едва не угодив по котелку с очередной порцией все столь же вкусного, но уже начинающего чуть надоедать рагу с кореньями и копченым мясом. Натура гоблина требовала свежего мяса с только что спущенной кровью. Ударить пару раз рукоятью ножа, перебивая самые толстые мышечные волокна, сыпануть соли и перца, чуть втереть… и на раскаленную решетку гриля. Тут же перевернуть, обжигая со всех стороны и запирая мясной сок внутри…

– Лид – оторвал меня от размышлений о жратве Хорхе.

– Да?

– Ты… ты же не видел, как я убивал… да, я и правда отвел взгляд… но… откуда ты?

– Убивая в следующий раз – смотри ему в глаза – повторил я – И улыбайся. Понял меня, гоблин?

– Понял…

– Продолжай с жратвой. Только сполосни лапы.

– Конечно.

– Каппа… как закончишь с прицепом – вытащи из внедорожника вообще все. Помозгуем над тем, как спрятать там экзы и прикрыть их тряпьем.

– Есть.

– Слушай, Хорхе… а бродячие торговцы тут встречаются? С других поселений? Ты что-то говорил про грунтовку, что тянется к океану, где из воды поднимается еще одна…

– Еще один Олимп, лид. Да. Прямо из воды. Я видел рисунки.

– Торговцы?

– Очень редко, но к нам приходят торговые… караваны? Два-три грузовика, пара внедорожников охраны, несколько прицепов.

– Мы торговая разведка – подытожил я – Такова наша легенда. Прибыли сюда из очень далекого города… Жопа Мира. Привезли чуток товара… в пути столкнулись с грабителями,

разобрались, теперь нам понадобился ремонт. Если кто начнет расспрашивать – сразу посылать ко мне. Сами в детали не лезьте, ничего не придумывайте, морды держите скучно-каменными. Ты, Хорхе – нанятый нами проводник по здешним местам. Познакомились мы у заброшенного города.

– Многие знают, что я из племени Небесной Башни.

– Ага – с усмешкой кивнул я – Но вряд ли в Севен Понти знают, что по душу сраного племени Небесной Башни явился силенсио ассасин. Ты был снаружи, поэтому сумел скрыться и на городской окраине наткнулся на нас. Предупредив нас о опасности, тут же вызвался стать нашим верным проводником, кашеваром и слугой. Ясно?

– Да, лид. А…

– А?

– А что я делал один-одинешенек в заброшенном городе? Если спросят.

– Скажешь им, что, плача о прошлых славных временах, ты пихал себе в задницу смазанный дерьмом коалы макет небоскреба, другой рукой втирая в левый висок помет красного попугая, глядя при этом в прекрасный закат и ощущая томительное щемление в правом соске, укушенным термитом.

– Э-э…

– Что-то не так?

– Зачем мне такое… говорить…

– Затем, что после этого тебе уже не станут задавать вопросы.

– Хм…

– Скажешь им любую чушь настолько безумную, чтобы отстали разом и не задавали больше тупых вопросов. Лучше всего – просто держись рядом со мной или Каппой. Будут спрашивать – делай испуганное выражение хари и бормочи, что тебе дико повезло, страшно повезло, безумно повезло…

– Этот вариант мне подходит больше, сеньор. Спасибо…

– Рагу подгорает…

– О…

Убедившись, что все заняты делом, я тоже вернулся к перебору трофеев, все интересное складывая в отдельный рюкзак, а самое интересное – в личный. Что радует душу – количество боеприпасов увеличилось. Осталось только очистить все патроны от налипшей грязи. Может они на самом деле личные вещи хранят в жопах? Чтобы никто не украл…

Лекарства…

– Охренеть – рыкнул я, вертя в пальцах плоскую коробочку, с достаточно подробной инструкцией на обратной стороне, утверждающей, что всего одна подъязычная лекарственная

пластинка подарит измученному телу еще два часа гарантированной бодрости и легкости, заодно отключив большую часть болевых ощущений.

Это что-то вроде боевого коктейля. Подобные используются под конец изнурительных маршбросков в тылу противника. И только в безвыходных случаях – потому что откат подобных средств мучителен.

Но меня больше удивили не обещанные эффекты – вполне реально и обыденно. Нет. Меня удивил длиннющий рекламный слоган на крышке, обещающий, что с принятием всего одной пластинки вы, отважный добытчик и исследователь постапокалиптичного мира, точно сможете справиться с тяжестью набитого добычей рюкзака, а заодно одной левой разберетесь даже с черным гигантским скорпионом, если такой встретится на вашем пути. Не реклама, а рассказ… и рисунок чуть ниже эмблемы Бункерснаба – человечек в зеленом комбезе легко тащит на спине огромный рюкзак, одновременно стреляя с двух рук по прущему ему навстречу скорпиону, достигающему в длину трех метров.

Название снадобья – Стаминэкс Экстра.

Внутри десять ячеек. В шести ячейках квадратные толстые пластинки. Четыре пустуют.

Выбрасывать это дерьмо я не стал. Спрятал в серую трофейную поясную сумку с немалым количеством карманов, что уже несла в себе патроны и различные мелочи, что буквально сами собой оседали в моих руках. К примеру, еще одно лекарство – рэдаспир. В пояснении указывалось, что это произведенная в особых стерильных условиях и лучшими довоенными технологиями ацетилсалициловая кислота…

К Понти Севен мы выдвинулись через три часа, предварительно спрятав подальше все то, что никому показывать не хотим.

Глава шестая

Там, где нет всевидящих глаз системы, всегда готовой покарать любого, кто посмеет тронуть ее послушные игрушки из плоти и крови, пугливые гоблины стараются обеспечить свою безопасность самостоятельно и прикладывают для этого удивительно много сил.

И они всегда рады посадить себе на шею любых достаточно сильных и круто выглядящих хреносовов – этим самым долбанным и мало что умеющим хренососам надо всего лишь пообещать обеспечить безопасность от внешних сил и гоблины с радостным повизгиванием, тут же выдадут все нужные и ненужные полномочия и привилегии.

Это начало конца. Это начало того пути, к концу которого умелые наемники-убийцы начинают превращаться в нихрена не умеющую знать, что позднее наречет себя истинными царями и в свою очередь начнет нанимать умелых бойцов – а те уже должны будут защищать и нанимателей и гоблинов-простолюдинов. А последним придется кормить уже не десяток бдительных профи, а огромную ораву бездельников, что так любят носить на головах золотые капканы, а бойцам шлепать на плечи яркие золоченные пенисы. Еще через сто лет выродившиеся потомки некогда умелых воинов, перетрахавшие собственных племянниц, что нарожали им уродливых больных детишек, нарекут себя потомками богов, занимающими трон испокон веков.

Здесь этот процесс уже запущен, но сделано это недавно и все пока в самом своем начале.

Я понял это сразу, как только увидел первую тройку ленивых, зевающих вооруженных охранников, стоящих у накатанной грунтовой дороги. Один из них подпирал плечом придорожный дощатый щит, окрашенный белым и снабженный жирной стрелкой и короткой надписью на языке, что я понял не сразу, но все же сумел разобрать смысл. Надпись на щите гласила, что эта дорога, став слишком уж жесткой и колеистой, вскоре будет перенесена на пятнадцать метров левее – туда и указывала стрелка – по велению всегда заботящейся о природе Матери. Вторая половина послания добавляла, что постоялый двор Фрито Полло всегда рад принять усталых путников, обеспечить им безопасность и сыто накормить.

Еще я понял, что здешний командир дело свое знает крепко, рука у него тяжелая, башка умная, характер твердый, нрав въедливый и дотошный. Еще он не терпит лени, дерьмового обращения со служебной экипировкой и оружием, панибратства

подчиненных с рабочими и зеваками, как и в целом небрежного вида своих бойцов.

Понять это было нетрудно. Мы, вынырнув из-за поросшего кактусами холма, чуть притормозили, вынужденно пристраиваясь в хвост длинного многометрового прицепа запряженного в допотопный трактор на электрической тяге. Пока пустой прицеп громыхал и пылил перед нами, мы чуть сместились, и я потратил несколько минут на рассматривание стоящих у дороги охранников, встречающих и провожающих каждого проезжающего.

Возраст у мужиков разный, но вот общего куда больше. Несмотря на липкую влажную жару все они в полном боевом облачении – один в знакомой кирасе поверх футболки, на плечах, локтях, бедрах и коленях защитные щитки, пах прикрыт кольчужным куском, тяжелые ботинки и шлем с прозрачным поднятым забралом довершают образ. В разгрузке, что прикрывает частично кирасу, торчат магазины, видна рукоять тяжелого пистолета, две гранаты в своих чехлах-кармашках, а не покачиваются демонстративно на виду. У остальных двоих все примерно так же, но вместо кирасы они защищены солдатскими бронниками старой модели.

Вооружение выглядит ухоженным, на снаряге насела дорожная пыль, но она свежая, видно, что сюда явились чистенькими. Ясно, что после тяжелого жаркого дня они потратят минимум пару часов на чистку снаряжения и только потом отправятся выпить чего-нибудь прохладительного.

Все трое чисто выбриты, на лбах одинаковые банданы, на шеях платки, у всех троих одинаковые солнцезащитные очки. Никто не курит, никто не улыбается, не болтает с проезжающими, отвечая им короткими скупыми кивками. Даже тот, кто, прикрываясь щитом с надписью, привалился к нему плечом, делает это боязливо, то и дело отлипая, выпрямляясь, безуспешно пытаясь вести себя как положено. Этот последний украшен настолько большим синяком под левым глазом, что он виден даже несмотря на наличие черных очков.

Короче – командир здесь свое дело знает. Только опытный и предельно жесткий командир, имеющий под собой минимум двоих столь же тугих и колючих подчиненных, может добиться подобного… качества. Можно не сомневаться, что эти парни у дороги свое дело худо-бедно знают, с ними регулярно проводятся учения, стрельбы и умные беседы.

Задумчиво побренчав зажатыми в кулаке серебряными и медными песо – нас богатыми не назвать, но первые дни особо можно не переживать – я кивнул водителю и, чуть вывернув,

Хорхе ускорился, обгоняя вконец запылившийся нас трактор с прицепом. Один из охранников лениво приподнял руку, при этом сделав это так, что сразу становилось ясно и по жесту, и по мимике, что он делает не ради выпендрежа или желания показать свою власть, а просто выполняет свою нелегкую, но важную работу. Так и хотелось с душевной лаской улыбнуться ему, предложить испить прохладного пивка…

– Слушаю – лениво взглянул я на охранника, когда внедорожник поравнялся с ним и остановился.

Учитывая высоту машины, моя голова была выше головы рослого парня и я смотрел на него сверху-вниз. Его это не смутило – еще один плюс тебе в моем мысленном досье.

– Охрана Понти Севен. Третья Мостосносительная бригада. Сержант Цинко. Цель визита?

– Знакомство, торговля, ремонт – все столь же лениво и спокойно ответил я – Отдых.

– Ясно – цепкие глаза охранника уже успели оглядеть заваленный коробками, узлами и корзинами с кореньями салон внедорожника, не забыв всмотреться в равнодушное лицо Каппы и донельзя усталую харю Хорхе – Предупрежу сразу – любая наркота кроме листьев коки у нас под запретом. И даже коку в общественных местах жевать нельзя. Сигары, алкоголь – без проблем. К живущим и гостящим здесь женщинам относимся вежливо и уважительно, от всех гостей Понти Севен ждем того же. Никакой стрельбы, никаких разборок, никаких просрочек по оплате счетов, а вообще желательно платить вперед. Это ясно, гости дорогие?

– Ясно.

– Надолго к нам?

– День. Может два.

– Если собираетесь продать оружие – мы дадим справедливую цену.

– Мы это…

– Команданте дель Торо лично занимается этими вопросами. Я могу сообщить ему, если требуется.

– Может позже – кивнул я, покосившись через плечо на тяжело загруженный прицеп.

Поймав мой взгляд, охранник понимающе кивнул и уже куда более доброжелательно добавил:

– Рекомендую для отдыха постоялый двор Фрито Полло. Свободные номера найдутся, за безопасность в трактире отвечает наша бригада. Тем, кто имеет с нами дела торговые или иные – положена десятипроцентная скидка на постой и питание. А кормят там отлично.

– Постоялый двор Фрито Полло – кивнул я, не меняя равнодушного выражения лица.

– Добро пожаловать в Понти Севен.

Внедорожник плавно тронулся с места, зевающий Хорхе аккуратно объехал еще один пустой прицеп и вскоре мы, следуя указателям, вкатили в широко распахнутые ворота внутреннего двора П-образного двухэтажного здания из дикого камня и бревен. Огромная вывеска с изображением жареной курицы с широкой зубастой усмешкой, указывала, что мы прибыли по верному адресу.

– Мне бы… отключиться… даже прямо здесь и без обеда – простонал Хорхе.

Он был вконец измучен – я намеренно не дал ему отдохнуть. И сейчас, когда здесь было полным-полно чужих внимательных взглядов, Хорхе выглядел и действовал идеально – пропыленный наемный водитель и проводник, котором нечего скрывать, котором на все и вся плевать. Водитель, что мечтает о кружке холодного пивка, куске кукурузной питы и нескольких часах сна.

Покинув машину, я с наслаждением потянулся, выставляя напоказ все свои украшения – забитая патронами разгрузка, револьвер, ружье на локтевом сгибе, дробовик у пассажирского переднего кресла, болтающийся на ремешке шлем. Равнодушно я глянул на засевших на крыше двоих охранников с винтовками, нашедшими укрытие от солнца под навесом укрытым живой зеленью. Столь же равнодушно я посмотрел на спешащего навстречу невысокого и почти круглого мужика со столь широкой улыбкой, что казалось, будто ему разорвали лицо.

– Бенвенидо! Бенвенидос, вагабандус! Сервеса?

– Воды – ответил я – Для начала. И пожрать.

– Конечно! Все наисвежайшее, сеньоры! Проходите! Проходите! Может поставите машину под любой из навесов перед окнами обеденного зала?

– Хорхе…

– Да, сеньор Оди – едва не подыхая, проскрипел бывший советник, умоляюще глядя на меня, но не решаясь протестовать.

– Шевели жопой – улыбнулся я ему, возвращая винтовку в салон, опуская на сиденье шлем – Мы ждем в зале.

При мне осталось достаточно оружия, чтобы устроить здесь небольшую войну. Каппа поступил точно так же, не забыв при этом мачете. В последнее время он явно полюбил этот тесак, проводя с ним часы, подолгу натирая, затачивая, проверяя баланс, наматывая что-то на рукоять.

Шагая за суетливым улыбчивым хозяином, мы вошли в зал и стоило втянуть ноздрями витающие здесь ароматы, сразу же

стало ясно – кухня простая, но вкусная, а продукты на самом деле свежайшие.

– Есть ли особые пожелания к меню, сеньоры?

– Жареное мясо. Компот. Самогон – на ходу перечислил я, сразу выбрав для нас угловой столик, что на равном удалении находился от ближайшего окна и от двери – Пяток кувшинов холодной воды.

– Понятный и разумный выбор… позвольте я дополню его кое-чем от себя лично? Салаты, соусы, кое-что из домашней птицы, десерты…

– В сраку десерты.

– Верно, верно… закаленным суровой жизнью мужам не нужны десерты из взбитых сливок… я понял, сеньор. Мясо, компот и самогон. Выбор настоящих мужчин… уже готовим!

Оглядев трактирный зал уже второй раз – сколько их было в моей жизни из тех, что я помню, а сколько из тех, что стерты или тупо забыты? – теперь я вглядывался уже внимательней, автоматически запоминая детали внешности всех, кто сидел в этот рабочий почти полуденный час в прохладе пахнущей пивом, спиртом и жареной курицей. Обычным работягам сейчас в трактире сидеть не с руки – если только это не день, когда вся только что полученная плата за адский труд стремительно спускается в питейном заведении до последнего песо. Но столы были почти пусты – редкие бокалы пива с высокой шапкой пены, мисочки с соленой мелочью, у кого-то стопки с мутной знакомой жидкостью. И одеты все присутствующие не в стиле тропических работяг – рваные шорты, резиновые тапки и иногда грязная майка, и бандана – а в безрукавки, чистые шорты или просторные легкие штаны.

Здесь, однозначно, сидели те, кто по какой-то причине считал себя элитой здешнего общества.

Охранники Третьей Мостосносительной Бригады – этих было легко опознать по телосложению, по тому, как они кучкуются за самым просторным и явно «хозяйским» столом, как летают вокруг них две смуглые официанточки в настолько коротких юбочках, что когда они нагибались забрать пустую посуду или поставить бутылку, сидящие неподалеку судорожно сглатывали и начинали потеть. Что они там видели настолько вышибающее испарину? У всех все одинаково. Или в Понти Севен и женщины другие?

Я разу отметил, что шесть отдыхающих от работы охранников пьют в меру, едят много, официанток за жопы не лапают, на стульях не разваливаются, демонстративно в паху себя не чешут и вообще ведут себя… по-взрослому. Обычные мужики отслужили тяжелую смену и в меру скромно сидят и тихонько тянут

прохладительные напитки, не пытаясь строить из себя хозяев здешней жизни. И снова – чувствуется тяжелая воспитательная рука. Настолько тяжелая, что легко вышибает клыки самым дерзким.

Еще за парой столиков скучали одиночки, лениво потягивающие пивко. Эти – деляги. Понятно по взглядам, по прическам, по взглядам друг на друга. Наверняка враждуют – иначе подсели бы друг к другу. Но вражда такая… особая… тихая…

За крайним длинным столом сдержанно – пока что – хихикала группка женщин, причем они изредка смотрели на гуляющих по соседству охранников и делали это так, что опять же мгновенно вычислялось – это их жены. Не подруги на ночь и не вроде как постоянки. Нет. Это жены, что считают себя хозяйками этих суровых мужиков. И поэтому поглядывают они даже не с любовью, а со слегка мрачным ожиданием – ну что? Чей набухается первым и начнет чудить? Опять мой?

Трактирная стойка здесь настолько куцая, что едва вместила пару вышибал при исполнении, потягивающих что-то фруктовое из высоких запотевших бокалов. На поясах пистолеты и дубинки, никаких ножей – во всяком случае на виду.

И вдоль дальней от нас глухой стенки, в крохотных закутках, еще три малые компании, явно занятых обсуждением каких-то своих дел.

Подняв лицо, я узрел на потолке несколько ламп, исправно освещающих весь зал, даря ему мягкий, но не тусклый свет. По центру потолка висела небольшая и чуть помятая наблюдательная системная полусфера – пустая и мертвая. И красота, и намек? Мол пригляд за порядком есть, поэтому не стоит шалить. И каждый сразу вспоминает об этом, когда запрокидывает харю к потолку, чтобы опрокинуть в себя еще одну стопку самогона.

И черепа… их всего два. Висят за стойкой. Череп медвежий. И череп пантеры. Оба черепа саблезубые, набор клыков действительно впечатляет настолько сильно, что единственное желание даже опытного бойца и охотника будет искренним и простым – ну нахер! Вот просто – ну нахер встретиться с такой тварью на узкой лесной тропке…

На кухне, похоже, царил тот же порядок, что и в трактирном зале. Нет. Не порядок. Дисциплина. Вот что тут имелось в каждом уголке и в каждой щели. Мы с Каппой еще не успели нормально усесться и оглядеться, а нам уже поднесли явно старинный стеклянный графин с желтым поблескивающим содержимым. Рядом встал запотевший кувшин с ярко-красным компотом,

звякнули кубики льда. Застучали по столу квадратные мисочки с различными орешками. Поймав мой задумчивый взгляд на графин, длинноволосая смуглянка с милой улыбкой пояснила:

– Мескаль. Два года выдержки, сеньор. Пейте осторожней.

– Ага – кивнул я, в то время как Каппа уже разливал по трем стопкам.

Хорхе, припарковавший наше имущество прямо перед большим окном, оставив запыленную технику и, наспех умывшись, присоединился к нам в зале. Сразу не сел – сначала глянул на меня, качнул головой на машину.

– Ремонтом займемся после еды – понял я его правильно – Сядь и пожри.

– Да, командир.

Мясо, шипящее, с пузырящимся горячим прозрачным жирком, румяное и сочное, принесли столь же оперативно, как и закуски. Подали и приборы – отточенные ножи с закругленными концами, вилки с деревянными ручками. Рядом опустили большие тканевые салфетки, чуть в сторонке приткнули миски с плавающими в воде дольками лимона. Это вроде как лапы полоскать… Когда Хорхе окунул пальцы в подкисленную воду, я понял, что угадал правильно. Но мне было плевать на тонкости – я жрал, торопливо стараясь утолить внезапно проснувшийся волчий голод. С трудом удерживаясь от того, чтобы не глотать огромными кусками, заставлял себя прожевывать, следом пропихивал в пасть хрусткие куски круто посоленных огурцов, заедал зеленым луком и веточками пряной желтоватой травы с круглыми листочками. Каппа не отставал. Хорхе же, осторожно нарезая свой стейк, удивленно поглядывал на нас, но мудро держал все слова при себе. При этом алкоголя он вливал в себя столько же, сколько мы оба с Каппой.

Странно…

Прислушавшись к себе, я понял, что нет ни малейшего желания закинуться «слезами». А они у меня были – во внутреннем отсеке экза остался пакетик с тремя десятками полупрозрачных горьких таблеток, что принесут кайф и рваные воспоминания. Я мог в любой момент забросить под языку эту горькую сладость. Но… не хотел. Более того – при одной мысли о наркоте, у меня начинала ныть голова, а под языком – там, куда я обычно помещал крохотную таблетку – сразу начиналось сильное колотье.

Да и самогон – не шел он у меня. Мескаль это или не мескаль, но алкоголь, даже столь экзотический и поданный сексуальной смугляшкой в короткой юбчонке, не шел абсолютно. С трудом заставив себя проглотить грамм сто, на этом и

остановился, сосредоточившись на жратве и компоте. Вот компот зашел на ура. В меру сладкий, больше кисловатый, холодный, от отлично утолял жажду.

– Курсы уколов – произнес Каппа, дожевав очередной кусок и взявшись за следующий.

Слизнув с запястья побежавший мясной сок, он добавил:

– Не закончили мы.

– Не закончили – кивнул я, тоже подгребая к себе самый толстый шмат мяса.

На этом короткое обсуждение и закончилось. Мы все – бойцы моего прежнего сквада, вернее небольшой армии – сидели на радостно предлагаемых системой усиливающих уколах. Ускоренная регенерация, повышенная сила и скорость, убыстренная реакция, чуть ли не упятеренная выносливость, что позволяла нам влегкую таскать сутки напролет тяжеленные рюкзаки, снарягу, вооружение. Стойкость к болезням и, как мне кажется, некоторые особые добавки, что самым нервным позволяли оставаться более спокойными даже в самых неожиданных и опасных ситуациях. Да. Нас регулярно накачивали убойной боевой химией. И мы радостно шли на это – с полным осознанием того, что одно лечится, а другое калечится. Да и плевать. Куда важнее выжить в бою, сумев опередить противника на долю секунды и первым нажать на спуск винтовки, чем задумываться с самочувствии печени, почек, прочей требухи. Система в любом случае починит поврежденное – или заменит все, включая сердце. Если что и надо беречь, так это мозги – их уже не заменить.

Сейчас мы остались без этой регулярной подпитки, без постоянных медосмотров, без витаминных и анаболических курсов, без всей боевой химии и… без полной медицинской страховки, что так грела душу, когда тебе отхерачивали руку, ногу, член или даже половину жопы. Ты знал, что если тебя доставят в медблок системы – тебя починят. Соберут из запчастей, проколют регенерирующими смесями, спрыснут раны медицинским клеем и со всей этой красотой выставят наружу – воюй дальше, гоблин.

Теперь этого ничего нет.

Как быстро наши тела начнут терять пропитавшую их химию? Организм быстро избавится от всего этого, либо переработав, либо выведя с отходами и потом. Что-то останется. Но далеко не все. Система же не дура тупая, чтобы даровать гоблинам вечные силы титанов.

– Закончим – буркнул я спустя минут десять неспешных раздумий и поглощения мяса вперемешку с овощами.

– Хорошо – столь же буднично ответил Каппа, не став задавать идиотских вопросов о том, где это я собираюсь найти согласный нас принять исправный медблок с полной комплектаций.

– Рэк бы сдох – добавил мечник еще минуты через три – Ему лучше там, где он есть.

– Сдох бы – согласился я.

Когда конечности не свои и нет регулярных уколов иммуноподавителей… отторжение неизбежно. Воспаление, сепсис, гангрена, мучительная смерть.

Но это же касается и требухи – любой «не родной» внутренний орган быстро взбунтуется без уколов и попытается «уйти». На нас с Каппой множество шрамов. У нас стерта память и хрен его знает, меняли ли нам когда-нибудь внутренние органы. Но мы пока живы и здоровы.

– Мы выживем – Каппа продолжил понятный только нам разговор – Надо купить лекарств. Настоящих лекарств, лид. А не пахучие веники из трав…

– Мы найдем медблок и заставим его работать на нас – проворчал я, чуть смещаясь и глядя на вошедших в зал новых посетителях.

Судя по реакции всех без исключения из тех, кто уже был внутри постоялого двора, в зал сейчас вошла здешняя королевская чета. Следом за ними просочился третий, настолько неприметный и серый, что мне сразу стало ясно – это важная мышка. Умная и хитрая мышка, что всегда рядом с королем. Тощий высокий, сгорбленный, в темной одежде, бритый налысо, он тут же шмыгнул в сторонку, пробежался вдоль стенки и оказался рядом с трактирной стойкой, где и затих рядом с охранниками, старательно не глядя в нашу сторону.

Первые двое так смешно поступать не стали. Спокойно пройдя через большую часть зала, они разделились. Коротко стриженная и атлетично сложенная девушка круто свернула и через несколько шагов оказалась у женского стола, мигом влившись в их компанию. Мужик же, невысокий, но очень крепко сложенный, не стал ходить вокруг да около, сразу направившись к нам. Безошибочно определив главного, он остановился в полушаге от меня и протянул руку:

– Эрнест Трехо. Командир Третьей Мостосносительной Бригады.

– Оди – коротко представился я, смыкая пальцы на его ладони.

Короткая встряска и… я почувствовал, как его хватка становится все сильнее. Не попытка захвата руки, нет. Он просто

неспешно сжимал пальцы, при этом явно был готов разжать руку, как только я выкажу первые признаки неудовольствия или боли. Оставшись спокойным, я повторил его фокус, принявшись сжимать его лапу с той же медленной и неумолимой скоростью и силой.

Секунда… еще одна… он удивленно приподнимает бровь, чуть усиливает хватку. Я отвечаю тем же, но сжимаю чуть сильней, а затем еще сильней…

– Ого – широко улыбнулся Эрнест Трехо, разжимая пальцы – Я присоединюсь?

– Давай – кивнул я – Командир бригады решил поторопиться выкупить оружие?

– В точку – убрав с лица улыбку, Эрнест принял от подлетевшей официантки бокал с пивом – Я покупаю весь огнестрел, что вы готовы продать. Но и за беседу буду благодарен – всегда интересно, когда в наше душное захолустье прибывают чужаки. Может новости какие есть…

– Есть – усмехнулся я – Вчера на Небесную Башню в заброшенном городе напали. Разнесли там все к чертям.

– Мерде – Эрнест ощутимо напрягся, перевел взгляд на молча жрущего Хорхе – Это и впрямь новости. Кто?

– Силенсио ассасино – с удовольствием проговорил я – И боевые пантеры.

– Дивинусы?

– Боевые дивинусы – внес я небольшие поправки – Это были необычные твари с транзисторами в башке. Я всадил в грудь одной из них пару пуль – так они отрикошетили.

– Мерде – повторил Эрнест и махом допив свое пиво, взмахнул пустым бокалом – Еще!

– А у тебя откуда такие… нервы? Тот город далеко отсюда.

– Мать гневается на сумрачные места – проскрипел командир бригады и жестом подозвал к себя «мышонка» – Иногда гневается без видимой причины. Сегодня тот ассасино пришел в заброшку и ударил по небоскребу с бездельниками. А завтра он может оказаться уже здесь и вынести к хренам всю мою бригаду. Без всяких объяснений. Может кто из моих на орхидею редкую насрал случайно, а может червя вымирающего раздавил… Мать не поясняет. Мать просто убивает.

– Да ты не из ортодоксально-консервативных фанатичных ушлепков будешь вроде как – задумчиво глянул я на нового знакомого.

– Это еще что значит?

– Да хрен его знает – признался я и постучал себя краем опустевшей граненой стопки по правому виску – Голова у меня

ушибленная, что-то забыто навсегда, что-то медленно возвращается и пахнет гнилым болотом, неся с собой странные слова…

– Стертая память – кивнул Эрнест Трехо и поморщился, крепко растер себе лицо – Однажды, еще когда был совсем молодым дураком выплюнутым системой в Комерцио, я упоролся до безумия дикой смесью из грибов, какой-то оранжевой особой плесени растущей только высоко в горах и перетертых листьев черной коки. Хотя насчет рецепта не уверен – продавала одна старая бруха, которую давно убила система, когда полубезумная бабка решила подняться на вершину Олимпа за травами и плесенью, что растут только там. Так вот… мне многое вспомнилось. Прямо многое. Но все перемешалось с галлюциногенным бредом порожденным наркотой… и я до сих пор не могу отличить правду от вымысла. К чему я это? А к тому, что в задницу все эти флешбэки и попытки вернуться воспоминания умершего прошлого. То былое не вернуть. И было оно давным-давно. Века минули…

– В прошлом ты не был военным – подытожил я – И наемником не был.

– Не был – признал Трехо – Говорю же – был молодым дебилом без воспоминаний о семье и прошлом, без традиций, без принципов и без твердых убеждений. Я легко вспоминаю о том что было, потому что горжусь тем, чем я стал сейчас. Один из поводов гордиться собой по сию пору – я научился неплохо разбираться в людях. И стоило мне разглядеть тебя и его – новый бокал с пивом указал на бесстрастного мечника – Я сразу понял, что вы оба матерые убийцы. Этот – командир Трехо глянул на Хорхе – Его я смутно знаю. Хорхе, верно?

– Верно.

– Слышал кое-что. Парень не без амбиций. И вроде как он и был тем, кто на самом деле захватил старый небоскреб в заброшенном городе и возродил его к жизни.

– Разведчиков гоняешь? – с ленцой спросил я, наливая себе еще грамм двадцать мескаля.

– Гоняю – подтвердил Трехо – Свежая инфа – основа основ выживания в этих гребаных условиях. Не удивляйся моей говорливости – говорю же, в людях разбираюсь. Ты кто угодно, но только не торговец. Ну или не только торговец. Ты убийца. Видно по повадкам, по выражению лица, по… это не описать.

– Долго меня хвалить будешь?

– Я не хвалю. Не осуждаю. Мне нужны стволы. И я не против хорошей беседы с тем, кто явно будет покруче меня в кровавых грязных делах. А это Тамбор – Эрнест указал на серого высокого

«мышонка» – Он мой… консильери? – и снова Трехо поглядел оценивающего на жадно жующего Хорхе, все еще настолько усталого, что ему было глубоко плевать на все изучающие взгляды и слова – И он хорошо разбирается в оружии. Даст справедливую цену даже за ржавый дробовик. Даже за самодел-самопал. И мы очень хорошо заплатим за любые патроны, гранаты, взрывчатку, мины. За мины – я заплачу втройне.

– Найдется десяток противопехотных и пяток противотанковых – припомнил я, прокручивая в памяти содержимое прицепа, просмотренное несколько раз за время путешествия.

– За противотанковые заплатим впятеро. Золотом.

– Ты боишься прихода экза или шагохода – понял я – Того самого, да? Силенсио ассасино…

– Да. А что тут скрывать, Оди? Ты ведь видел, кто пришел по душу того Небесного Племени. Верно? Оценил его действия?

– Профи среднего полета – тут же ответил я и забросив в рот содержимое стопки, задумчиво сдул и надул щеки, заставляя хмельную жидкость попутешествовать во рту, опаляя язык – Действовал шаблонно, слишком шаблонно, без искры. Сразу видно старательного дуболома с богатым опытом практической работы и свято придерживающегося выданных приказов. Что происходило в самом небоскребе не видел, но судя по выстрелам и дыму… малый шагоход пошел на штурм, благополучно прорвался, наверняка пробив десяток стен на своем пути. После чего выжег там все живое, экономя патроны. Да… средненький профи.

– Интересно ты оценил самого страшного убийцу этих земель…

– Думаешь, каждый раз приходит один и тот же? – прищурился я, еще раз вспоминая действия ту бабу в шагающей машине.

Именно бабу. В шагоходе сидела женщина. Я не разглядел пилота, да и не смог бы этого сделать, но был уверен – это женщина. Что в действиях пилота, в принятых им решениях, по тонким мелочам и прочему, я понял, что это женщина.

Что это меняло? Да ничего. Какая разница есть ли яйца у того, кто прострелит тебе башку?

– Вряд ли один и тот же – кивнул Эрнест и вдруг поежился, откровенно передернул широкими плечами, торопливо дососал второе пиво и тут же потребовал еще одно, после чего снова глянул на меня – Интересный ты мужик, Оди. Опасный. Чужой. Не спрашиваю откуда ты прибыл. Наверняка расскажешь какую-нибудь заранее придуманную и отрепетированную с корешами

сказку про далекие поселения, протаптывание торговой тропки с желанием обогатиться и установить новые полезные связи. М?

– Ага – безмятежно улыбнулся я – Все верно.

– Ну да – рассмеялся командир Трехо и, коротко глянув на недовольно поджавшую губы спутницу, сидевшую за женским столом, но не упускающую происходящего за нашим, принял третье пиво от официантки – Ну да… Выпытывать тайком тоже не стану, ловить на противоречиях и оговорках не буду. Ты ведь не собираешься громить мою деревушку?

– Мы в Понти Севен ради отдыха и починки.

– И все это получите. Поторгуем. Мирно разойдемся. И всегда будем рады увидеть вас снова.

– В твоей деревушке?

– В моей деревушке – решительно кивнул Эрнест и оглядел крепкие стены трактира – У нас тут всех есть большая решимость построить свой город. Со своими правилами. И… без материнского сурового пригляда, скажем так. Свободный город-городок. С высокими стенами, хорошими пушками и добросердечным гостеприимным нравом.

– Торговый свободный городок?

– Ага.

– Система разотрет вас в порошок. Сразу же, как только поймет, что тут затевается.

– Думаешь?

– Думаю. И ты так думаешь, раз готов платить золотом за взрывчатку и противотанковые мины.

– Верно. Поэтому мы пока сидим тихо и законопослушно. А что до разговоров – системе на них плевать.

– Плевать – подтвердил я – Она ценит по поступкам, а не словам. Мины и оружие я тебе продам. Хорхе… поел?

– Поел – осоловело кивнул бывший советник, с бокалом светлого пива откидываясь на спинку стула и умоляюще глядя на меня – Ноги не несут, командир.

– Поднимай жопу и вместе с Каппой давайте к машине – рыкнул я – Покажите то, что нам не надо. Продайте. Затем прицеп в ремонт и можете отдыхать.

– Есть.

– Все будет сделано в точности, лид – добавил Каппа, поднимаясь – Мы спим в салоне. В железе спокойней.

– Давай – кивнул я, поняв, что мечник собирается спать не просто внутри железной машины, а внутри своего полностью заряженного экза.

Даже если кто-то вдруг вздумает разрядить по внедорожнику десяток автоматных магазинов – сдохнет только Хорхе. А затем из

дырявого внедорожника вылезет злобная глефа и начнет всех рубить.

Когда мои утопали, я плеснул себе еще чуток мескаля, подтащил поближе блюдо с остатками мяса, не обратив внимания на появление еще пары новых блюд, следом воткнул нож в овощ напоминающий желтый помидор в черную крапинку, неспешно спросил:

– Ты ведь уже сталкивался с этим молчаливым убийцей посланным системой?

– Сталкивался – процедил Эрнест и оттянул ворот серой футболки, показывая начинающийся от основания шеи и уходящий к животу длинный шрам – Много лет назад. Я был одним из охотников за трофеями. Бригада. Мы рыскали по джунглям в поисках реликтов прошлого – руины, подземные сооружения, запертые за ржавыми дверями технические помещения с неплохим оборудованием… большая часть таких путешествий проходила впустую, возвращались без барыша. Но иногда удача улыбалась… и тогда мы ненадолго становились богачами, прожигая жизнь в трактирах Комерцио. Веселое было времечко. Беззаботное. Да… а затем мы, изучая заросшие джунглями руины бывшего ремонтного комплекса, напоролись на шагоход. И тот тут же открыл огонь на поражение из всех стволов… выжил я один. Выжил чудом – взрывом меня оглушило и отшвырнуло на пяток метров в сторону. А там оказалась старая проломленная труба наполовину полная речной мутной водой. Течение утащило меня в темноту и выплюнуло в небольшой водопад в паре километрах… кое-как выполз на берег, чуть не став жратвой для крокодилов. Отдышался… и, сориентировавшись, двинулся домой. Еще по пути я понял – так не пойдет. Так сука не пойдет. Нет. Какая-то гребаная электронная шарманка возомнила себя судьей, а ее стальной палач вершит приговоры… ну нахер! Понимаешь в чем дело, Оди… не знаю как у вас, а у нас… в один прекрасный день система может вынести тебе приговор просто так! Без всякой причины – или видимой причины! Она даже не поясняет! Так при мне арестовали и прикончили цветочника – трусливого седого ушлепка, что не покидал Комерцио с самого начала своей новой жизни! Он просто сажал цветы, поливал их, срезал и продавал. И, видимо, досрезался…. Помнишь я говорил про обосранную орхидею?

– Ага.

– Вот и тут так скорей всего. Система решила, что старый цветочник вконец охамел, раз так смело губит цветы ради наживы. Это не я придумал. Это мне тихо-тихо рассказал один

старый друид за кружечкой свежего пива.

– Вполне справедливый итог – кивнул я, вспоминая ТИР, что есть у каждого – По меркам системы цветочник действительно совсем уж охренел, годами напролет занимаясь бесполезным и даже вредным делом. Она сажал цветы, но не позволял им прожить весь свой жизненный цикл, срезая и тем самым убивая растения. Если судить с точки зрения системы… этот старый мудак с секатором есть конченый мудак достойный жестокой казни.

– Его и казнили – буркнул командир Трехо – Для меня это стало последней каплей. Лазишь по руинам – нарушаешь и достоин смерти. Мирно растишь и продаешь цветы – нарушаешь и достоин смерти. Нигде нет спасения. Нигде кроме сумрака…

– А беспилотники? – я глянул на потолок.

– Летают. Барражируют. И с каждым месяцем все чаще… но пока мы продолжаем потихоньку сносить эту старую дорожную эстакаду, что стала нашим новым домом… система относится к нам терпеливо.

– Она подсчитывает рейтинг – покачал я головой – Беспилотники фиксируют действия каждого из здесь работающих и живущих. Каждый получает свою накопительную оценку. А когда придет время – каждый получит и свой приговор.

– Что?

– ТИР.

– Что?

– Я расскажу – скривил я губы в нехорошей кривой усмешке – Но тебя расстроит эта информация.

– Если речь о надежной проверенной информации…

– Хотя… нет, не расскажу – продолжил я, не обращая внимания на то, что собеседник еще не закончил фразу – На кой хрен мне тратить силы на какого-то гоблина, готовящего все свое поселение к массовому суициду?

– Это ты о чем? – резко сбавив в громкости голоса, подался вперед командир Трехо, размашистым движением отодвигая еще не опустевший бокал пива – Что-то я не понял…

И снова не обращая внимания на не особо умелые властные нотки в его вдруг охрипшем голосе, я медленно оглядел трактирный зал, оценивая напрягшихся посетителей, не упустивших момента, когда их командир вдруг подался вперед, а с его лица пропала улыбка. Заметили это не все, что сразу поделило собравшихся на правильных гоблинов и на отребье, что не видит ничего кроме спиртного в бокале перед собой.

– Ты покупаешь мины, взрывчатку, наверняка не отказываешься от зарядов гранатометов, от патронов к

бронебойным ружьям и я почти стопроцентно уверен, что такой кретин как ты, считающий себя самым продуманным и тем, кто не забывает думать о будущем, давно уже закинул всем торговцам удочку про калибр покрупнее – плеснув себе самогона на донышке, прежде чем хлопнуть стопку, я надолго присосался к кувшину с компотом, выдув кисло-бодрую смесь до последней капли и только затем приняв чуть алкоголя.

Все это время командир Трехо, уже выпрямившись и вернув в лапу бокал с пивом, терпеливо ждал, еще раз показав, что, если у него и раздуто эго, он все же умеет его контролировать.

– После встречи с вражеским звеном в заброшке, я все думал – нахрена их столько?! Аж четверо – и каждый из них способен уничтожить целое поселение в одиночку. А тут сразу четверых на какую-то жалкую Небесную Башню… я все не понимал… голову ломал… и тут, едва успев приехать в Понти Севен и выпить первую стопку, я узнаю от говорливого здешнего лидера, что он радостно скупает мины, давая за них охрененные деньги… И паззл сразу сложился. Вот кто сдохнет следующим…

– Я все еще ухватываю суть, амиго.

– Если ты умен – ты не закупал ничего готового. Вроде мин и гранатометов. Если ты тупой – как и твои помощники – вы радостно закупились всем, что может взорваться в земле или послать фугас по воздуху.

– Да с чего ты взял, что это глупо, незнакомец? Ты пришел сюда и, развалившись в моем трактире…

– Все же начал злиться, да? – с насмешкой ощерился я – Ну давай. Надуйся еще сильней. Чтобы потом лопнуть как вонючий пузырь… давай… не сдерживайся… ведь лучше взорваться, чем терпеливо ждать, да?

– К-хм… я всегда за конструктивный диалог. Безумные гордецы долго не живут. Надо быть злым и спокойным – таково мое мнение.

– Может у тебя и есть шанс выжить – хмыкнул я и покосился на трактирщика, что бухнул на стол блюдо с чем-то сдобным и кремовым – Эй, хмырь… я же тебе сказал – в жопу десерты. Притащи еще мяса и компота.

– Э… да, сеньор… но наши трубочки с заварным кремом славятся на всю округу. Вот и наш славный командир Трехо любит пососать…

– Убери! – рыкнул Эрнест Трехо и, не договорив, трактирщик схватил блюдо и утащил, боязливо втягивая голову в плечи. Утащил не на кухню – повинуясь властному взмаху с женского стола, он сменил курс и потащил сладости туда.

Проводив его взглядом, я снова повернулся к Трехо:

– Так ты уже начал спрашивать про пушки, ракетные установки, запчасти к шагоходам и боевым экзам?

– Догадался? Или до тебя слухи дошли?

– Я в ваших краях всего вторые сутки. И мне настолько насрать на твои дела, что и спрашивать у кого-то неинтересно. Ты… ты еще одна лягушка с амбициями, мечтающая стать королем. Я даже не могу точно сказать какой ты по счету на моем пути…

– Ни хрена себе… ты кто такой?

– Так что насчет пушек? Искал?

– Само собой – да! И что?

– А то, что ты давно у системы на заметке. Она следит за тобой и твоими гоблинами сутки напролет – ровно с тех пор, как просекла, что ты начал стягивать к себе тяжелое вооружение и технику вроде скоростных багги, внедорожников, шагоходов. Я видел пару ржавых малых шагоходов у тебя на той площади за трактиром. Они мертвы.

– Пока мертвы.

– Ты не понимаешь – покачал я головой – Думаешь, система даст тебе шанс? Ты же сам уже понял, Трехо… Ты ведь уже все понял, когда я тебе рассказал про атаку боевого шагохода в заброшенном городе. Про то, как одинокий боец уничтожил там все живое.

– И что? Да мы побаиваемся, что однажды придет день, когда Мать пришлет по наши души карателя…

– О… уже «Мать»? Все еще боишься системы, абориген?

– Кто не побоится? Она и из твоей наглой жопы легко всю дурь выбьет! Это система! Она со всех сторон. Даже здесь нет полного сумрака, учитывая наблюдение с воздуха.

– И не только – покачал я головой – Вряд ли система делает ставку только на данные с беспилотников. Возможно в космосе до сих пор летают спутники. Но в первую очередь надо смотреть ниже – вровень с землей. Стопроцентно кто-то регулярно докладывает системе обо всем, что происходит в твоем почти уже независимом поселении Понти Севен.

– Шпионы?

– Громко сказано. Но да – что-то вроде. И искать их надо не среди гостей и работяг – хотя и среди них найдется. Надо искать и среди своих – твоих бойцов и их жен. Но!

Подорвавшийся было Трехо замер, медленно опустился обратно, не сводя с меня напряженного взгляда:

– Но мне насрать – продолжил я – И я здесь не для того, чтобы заставить тебя пытать всех своих гоблинов поголовно. Все чего я хочу – починить свою технику до того, закупиться

провиантом, распродать лишнее, отыскать дополнительную солнечную панель и… свалить отсюда нахрен. Свалить до того, как сюда явится тот шагоход.

– Да с чего ты взял, что он идет сюда?! До того города далеко! И система наслала его именно туда.

– Ага – кивнул я – Сначала туда – на самую слабую цель. Что могут сделать против боевого шагохода и боевых дивинусов аборигены с ружьями? Система действует наверняка. Сначала посланный ей карательный отряд зачистит самые легкие цели, что позволит сохранить основной боезапас до того, как придет время заняться главными объектами вроде Понти Севен.

– Повторю – с чего ты взял, что это так? Возможно ассасино уже выполнил свою задачу и вернулся… в свою нору.

– Боевой шагоход. Три боевых дивинуса до предела загруженных расходниками, солнечными панелями и всем прочим, что необходимо для полноценного боевого рейда. Пантеры выбраны не случайно – они пройдут по любому бездорожью, а учитывая силу этих тварей… смогут вытащить и шагоход, если тот где-нибудь увязнет или застрянет. Что получается? Малый крепко спаянный отряд, предназначенный для серии рапидных атак по объектам разбросанным внутри некой достаточно небольшой территории. Почему целей несколько? Да потому что система экономна до усрачки. Она не станет посылать столько бойцов на какой-то сраный небоскреб с тупыми дикарями! Туда хватило бы послать одну хромую и слепую пантеру-дивинуса.

– Мерде…

– Задумайся, гоблин Трехо… посчитай, прикинь сам. И поймешь – очень скоро к тебя нагрянут молчаливые гости и быстро вычистят ваши жопы огнеметами, а тупые головы продезинфицируют разрывными пулями.

– Не факт, что это так!

– Да мне насрать – повторил я и указал глазами на заваленный жратвой стол – Вот ради чего я все это рассказываю. Ты покупаешь мой ржавый хлам по честной цене, платишь за угощение. А с меня – предостережение. Даже если ты настолько дебил, что, не поверишь, мне – все равно мои слова заставят твою жопу чуток напрячься. Может ты пошлешь веером пяток разведывательных патрулей с рациями, чтобы смогли вякнуть в эфир что-то вроде «А-А-А-А-А-А» когда напорются на боевых пантер, что начнут жрать их живьем. А может ты начнешь приглядываться к гоблинам работягам, что получают задания на дробление железобетона впритык к помещениям твоей охранной бригады.

– А что с заданиями?

– Система не убивает тех, кто полезен ей. Она дорожит послушными гоблинами трудягами. И не станет выдавать им задания в эпицентр будущих боевых действий. Как только увидишь, что рядом с твоей штаб-квартирой стало подозрительно пусто…

– Дерьмо! Да нет… нет… с чего бы система атаковать сейчас? Мы не сделали ничего плохого!

– Система отмечает каждый твой поступок, придурок – поморщился я и ткнул пальцем в потолок, обвел им стены – Благодаря наблюдениям и донесениям, эта машина в курсе, что ты уже поднакопил нехилую боевую мощь. Насколько нехилую? Ну, если система решит, что накопленного тобой вооружения вот-вот станет достаточно, чтобы наверняка завалить боевой шагоход или дивинуса… она нанесет предупредительный удар. Это компьютер. Машинный разум. Поэтому система всегда старается играть на опережение. Она позволила тебе нагрести побольше вооружения, может ты даже припрятал пару старых орудий… и вот сюда явится силенсио ассасино, чтобы вычистит тут все, а затем в обязательном порядке приведет всю артиллерию в полную непригодность, заодно взорвет все, что может взорваться – как раз ускорит этим снос дорожных эстакад. Что в итоге? А в итоге много кровавой вкуснятины – потенциальный мятежный гнойник уничтожен, опасное вооружение уничтожено, взрывчатка уничтожена, дорожная эстакада снесена к херам, баланс сил на вверенной системе территории восстановлен… Как по мне – идеальный расклад.

– Ты кто такой?

– Че-то ты сбледнул…

– Да пошел ты…

– Я то пойду.

– Постой. Оскорбить не хотел, амиго… это я… от избытка чувств… хотя все еще не верю в то, что…

– Не веришь, что час уже пробил? – помог я и поднялся из-за стола – Так ты платишь за стол?

– Конечно. Да ты присаживайся, Оди.

– Ну нахер – рассмеялся я – Мне сейчас ни к чему драки с дивинусами и умелым бойцом в шагоходе. Ты уж сам развлекись как следует, командир Эрнест Трехо.

– Все равно – не может быть – уперто пробормотал Трехо – Даже учитывая твои доводы…

– Врасплох тебя система уже не поймает – заметил я, делая первый шаг к выходу – Хочешь платный совет?

– Какая цена?

– Хорошая солнечная панель.

– Зачем тебе энергия?

– Так что?

– Если совет того стоит – по рукам. Я человек справедливый.

– Ты так и так разошлешь разведчиков. Ты мне походу не особо поверил. Но все равно разведчиков разошлешь. Даже если считаешь меня подосланным, даже если не веришь ни одному моему слову. Ты все равно пошлешь разведку. Просто из предусмотрительности. Потом начнешь вовсю шуршать, начиная подготовку к отражению потенциально возможной атаки. И вот тебе даже несколько советов, Трехо. Первое – разведчиков посылай во все стороны, а не только в ту, где Комерцио и заброшенный город. Второе – не надо тут все приводить в явную боевую готовность. И уж точно не надо закапывать в землю взведенные мины. Это спровоцирует систему нанести удар быстрее. Третье – готовь всю технику и прицепы, что у тебя есть в наличии. Чтобы были в полной исправности и готовности. Не забудь о запасе еды, медикаментов, боеприпасов. Заранее распредели своих иждивенцев – кто в какую машину или прицеп сядет при подаче сигнала к эвакуации. Четвертое – убегай, как только поймешь, что мои слова оправдались и на Понти Севен движется звено системных киллеров. Не пытайся завалить их. Это же тупо.

– А если завалю?

– Даже если завалишь – ценой немалой крови – что стоит системе бросить в атаку обычных дивинусов из джунглей вокруг? Что стоит системе уже завтра прислать сюда сразу два боевых шагохода? Если система приняла решение раздавить этот опасный гнойник – она своего добьется рано или поздно. Так что сбереги своих бойцов и отступай.

Все это я говорил на ходу и закончил, уже стоя рядом с нашей техникой, где вовсю шел ожесточенный хриплый торг, а рядом с погнутым бортом прицепа в задумчивости стояла пара гоблинов, перепачканных машинным маслом.

– Не торгуйся – коротко бросил своему помощнику Трехо и, чуть помолчав, добавил – Заплати сколько они просят. Вели принести мне двойную порцию мескаля и плевать, что там скажет моя жена.

Еще помолчав, он добавил, глядя на мою машину:

– Хорошая модель. По джунглям прет влегкую.

– Норм – признал я, уже поняв, куда он клонит. Нет, он не хотел купить машину, его заинтересовало другое:

– Эта тачка любой груз увезет, да?

– Может и так.

Трехо кивнул на колеса и брюхо перепачканной в грязи машины:

– Что ж ты такое везешь, если даже усиленные амортеры так просели…

– Так что насчет солнечной панели, Трехо?

Коротко кивнув, тот проворчал:

– Будет тебе солнечная панель. Одна из наших лучших. Сейчас и принесут. Что-нибудь еще?

– Побольше нормальных углеводов – прикинул я, глядя на прицеп – Но это я сам куплю. Мука, крупы, сухофрукты. Перловка есть?

– Что это?

– Неважно. Где ваш лучший магазин?

– Вон вывеска. Там товары на любой вкус. Слушай, амиго… – почесав бровь, Эрнест Трехо с тоской поглядел в безмятежное небо и, словно нехотя, спросил – А куда?

– Что куда?

– Если все реально пойдет через жопу – вот как ты тут напророчил… Куда податься толпе лишившихся дома бродяг?

– А хрен его знает – пожал я плечами и, тоже глянув в небо, добавил – Отсюда мы движемся к развалинам гига-фабрики. Слышал о такой?

– Там, где какая-то движуха касательно новой Матери?

– Верно. Там сумрак, насколько я понял.

– Как вариант – признал командир – Я вот думаю…

– Удиви меня.

– А если просто поговорить с Матерью? Она ведь наверняка перед атакой предложит сдаться… покаяться.

– Может – кивнул я – Вы ведь пока вроде как законопослушные граждане. Отличаетесь от тех, кто поселился в заброшенном городе, нарушив ее табу. Так что да – перед атакой система может обратиться к тебе, командир Трехо. И предложит побеседовать – в принесенном беспилотником медблоке. Там тебя подвергнут допросу. Впрыснут наркоту, и ты быстренько расскажешь, где и сколько всего накопил, кто тебе помогал, что ты планировал. После чего тебя расчленят. А остальных… их тоже ждет справедливый суд – если сдадутся. Начнут брыкаться – их прикончат сразу. Вот тебе и весь расклад ближайшего будущего. Ладно… пойду я закуплюсь, пока пантеры не сожрали владельца магазина…

– Дерьмо! – вслед мне бросил Трехо и, забрав у подбежавшего помощника бокал, опрокинул в себя двойной заряд мескаля.

– Милый – укоризненно надула губы подкаченная девушка, возникшая на пороге трактира – Вот так и думала! Ты же обещал

мне не…

– В задницу все! Поняла?!

– П-поняла…

– И принеси еще мескаля. Эй! Родриго! Тащи сюда старшего техника! Живо! И позови взводного разведчиков!

– Есть!

– Эй, Оди! Амиго! Так что за ТИР?

– Сначала сумей выжить – бросил я через плечо – Тогда и расскажу – при следующей встрече.

* * *

Ввалившись в лавку, я с порога поинтересовался, оглядывая забитые жратвой и различными вещами полки:

– Перловка есть? И страусятина…

Облокотившийся о штабель дощатых ящиков высокий молодой парень в грязном фартуке встрепенулся, проворно выпрямился и без всякого удивления произнес:

– Кончилась страусятина, сеньор. Перловкой не торгуем, а вот сухой кукурузы в достатке.

– Что есть из консерв… – сделав небольшую паузу, я оглядел полки и поправился – Из товаров фирмы Бункерснаб?

– О! Этих товаров не так и много, сеньор. Съестное…. Есть различные джемы и варенья, найдется детское фруктовое пюре и нежная растертая кашица.

– Нежная растертая кашица? – повторил я без каких либо эмоций, пытаясь вспомнить, встречался ли такой товар «там» – Детская?

– Детская – подтвердил прыщавый продавец, соскребя что-то с лица и пытаясь вытереть ноготь о фартук – Там даже девиз есть! «Кто кашу не ест – в ядерном постапе не жилец!». И картинка интересная… показать?

– Не. Что еще?

– К-хм… тушенка свиная и говяжья, рыбная печень, бараньи мозги в остром маринаде, змеиное мясо тушеное в сливочном масле, солонина говяжья и свиная, тушеная курятина, консервированная кукуруза…

– Стоп. И это все – Бункерснаб?

– Да, сеньор. Цены приемлемы! За любую банку просим всего один серебряный песо. За двадцать две банки попросим всего один золотой песо.

– Курс золота к серебру какой?

– Один к двадцати, сеньор – на этот раз прыщавое лицо

выразило смутное удивление – Вы не из местных…

– Ты торгуешь или вопросы тупые задаешь?

– П-прошу прощения, сеньор. Ни в коем случае не хотел… огорчить такого важного… покупателя – глаза парнишки прикипели к рукояти моего револьвера, затем он глянул за прилавок, что начинался в полушаге.

– Что у тебя там спрятано? – заинтересовался я – Обрез? Пистолет?

– Что вы, сеньор… да я бы никогда…

– Что там?

– Дробовик… обычный дробовик… и владелец лавки велел мне никогда за него не браться, только если сюда не влетит спятившая зверюга с перемкнувшей проводкой в башке… а вы не похожи на сумасшедшего питона, грифа или мангуста…

– Что еще из бункерснаба?

– Вазелин «Радость солнечного упрямца» – неуверенно проблеял продавец – Тюбы с медицинским клеем. Но дороговато – по пять серебряных песо за небольшой совсем тюбик. Но бонусом к каждому купленному тюбику мы даем две упаковки бинтов и упаковку пластиковых зубочисток. Еще в продаже есть одноразовые шприцы «Бункерантибиотикснаб» от широкого спектра инфекций… вроде бы… по золотому песо за шприц. Цена зубы ломит, поэтому пока товар не ходовой. О! Еще есть мощное обезболивающее! И дешевое! От боли в зубах классно помогает, но потом в правом боку сильно жгет…

– Выкладывай все лекарства, по паре каждой из консерв – начал я перечислять, продолжая скользить взглядом по полкам – Вон те черные майки штук десять кинь, добавь к ним такого же цвета и количества трусов, еще хочу вон те штаны.

– Есть шорты короткие…

– В жопу.

– Ну да… в жопу лезут, но… а… вы вон в каком смысле… Что-нибудь еще? – показывая, что не совсем тупой и даже чуток расторопный, говорливый парнишка уже метался от полок к прилавку, со звоном и стуком выкладывая на него все мной затребованное – О! Прыгучая фасоль в банках есть! Тоже Бункерснаб. Выхлоп отменный потом – пахнет утробой, улыбкой папы и базиликом…

– Тебя часто по харе бьют?

– Порой случается, сеньор. И ведь не понять почему… сам я мирный пеон…

– Вон там что? С надписью Бункерснаб.

– А вот это штуки странные, сеньор. Нам отдали почти бесплатно, потому как сами они не разобрались что это такое….

– Покажи.

С легкостью переместив на стол жестяные и не слишком большие ящики с черной трафаретной надписью на боку, продавец продолжил пересчитывать трусы и майки – слюнявя при этом уже испачканный в лопнутом прыще палец. И это позволило мне скрыть вылезшие невовремя эмоции – под трафаретной надписью «БУНКЕРСНАБ» имелась еще одна, куда мельче и серее – «Вурриус».

Щелкнув запорами на крышках всех трех ящиков, я заглянул внутрь и задумчиво оглядел то, что не могло быть ничем кроме как прекрасно мне знакомых оружейных модулей игстрелов. Аж где-то в щеке кольнуло – никак ностальгия на гоблина накатила.

В ящиках очень много повторов, на пластике видны сколы и трещины, будто до содержимого добрались гребаные обезьяны и пробовали колоть ими орехи и собственные головы. Готового игстрела из них не собрать, но…

– За сколько вы взяли это…?

– Ну… я точно не знаю. Но вроде как был бартер в обмен на одежду и сухофрукты. Владелец лавки, сеньор Шмейсер, велел мне просить за каждую из этих пластиковых мелочей по серебряному песо, сеньор.

– За три ящика получишь вот это – я со стуком припечатал к прилавку одну золотую монету и, подбросив еще немало таких в ладони, проворчал, глядя на гору товара – Тачка есть крепкая?

– Найдется, сеньор! Сторгуемся, сеньор!

– Если еще раз брызнешь слюной на любую из моих вещей… я вобью твою прыщавую харю тебе же в жопу. И мы обойдемся без «Радости солнечного упрямца».

– А-ага… а его класть?

– Перебьемся. Добавь по пять банок змеиного мяса, бараньих мозгов, говяжьей тушенки.

– Столько не найдется…

– Проблемы с поставками из руин гига-фабрики?

– Как вы? – удивленно выпучился парнишка и, спохватившись, замотал головой – Не понимаю о чем вы…

– Ладно – удовлетворенно кивнул я – Грузи все в тачку, называй цену, а затем тащи, куда я покажу.

– Но я на рабочем месте и мой хозяин сеньор Шмейсер не любит, когда я…

– Тащи.

– Да, сеньор…

* * *

Когда Каппа с помощью прыщавого говоруна закончил загружать прицеп, на сонной и пустой до этого парковке перед постоялым двором появились первые изменения, но они были не слишком явными. Все же здешнему командиру Трехо мозгов не занимать, и он сообразил, что подстраховка подстраховкой, но не стоит пугать работяг и мирных жителей этого крохотного сумрачного поселения. Поэтому первые две багги на внешне несуразно высоких колесах приехали не вместе, а с промежутком времени. И грузили их предельно неспешно – никакой беготни, никакой громкой суеты. Все спокойно и сонно…

Рядом с одной из «статуй» шагохода тоже возникла движуха. К подошвам стальных опор слетел брезент, обнажив скрытые до этого длинные манипуляторы, представляющие собой крупнокалиберные стволы. Увидев этого урода без локтей, я досадливо поморщился – дерьмо на ножках и с хвостом, он же задний раскладной упор. Я не помню где, не помню когда, но все же мысленно вижу этих медлительных уродов, вытянувших перед собой несуразно длинные стволы и палящие по скрывающемуся за песчаными прибрежными дюнами противнику, слепо молотя по нему с расстояния в два километра с небольшим. При этом шагоходам приходилось останавливаться, чтобы выстрелить. А иногда они раскладывали «хвост», вонзая его в песок или упирая в камни, чтобы компенсировать отдачу. Все это превращало нихрена не боевые медлительные механизмы в легкую мишень для специализировавшихся на «вскрытии» шагающей техники снайперов. Нет ничего более легкого, чем выцелить сидящего в кокпите пилота неподвижного шагохода. Именно поэтому чаще всего эти шагоходы – не могу вспомнить громкого и несоответствующего их возможностям названия – привозились почти в полной целости с очередного поля боя. Выкини труп, протри ложемент, заделай наспех дыру в кокпите, посади нового новичка-смертника, едва обученного азам – и вперед.

Увидев выпирающий ромб кокпита – этот был большей частью забран сталью, для обзора осталась узкая щель, ну может и какие-то экраны внутри – я вспомнил название уродцев.

Пэйнбрингер.

Но это название выдумали сами создатели этого переделанного из грузового шагохода уродца.

Военными этот тип сопряженных со старыми орудиями промышленных шагоходов назывался Камрад.

Эти механизмы управлялись умелыми отставными пилотами, выходцами из военной и полицейской среды, лишившихся работы там, где тупо некого стало охранять – население попросту исчезло, взято в убежища Атолла. В первую очередь забирали

детей и молодых женщин. Мужики поневоле тянулись следом. Затем уже наступала очередь упертых стариков, что почти всегда практиковали одну упертую мудрость – где-родился-там-и-помру-и-пошли-вы-все-нахрен-тупые-ушлепки. И ладно бы оставшееся дряхлое старичье жило бы в нормальных местах с теплой солнечной погодой и хоть что-то еще могущей родить землей. Но это редкость. Чаще всего старперы всеми оставшимися клыками цеплялись за убитую землю по черно-зелеными тучами изливающими яд.

Камрад… Камрадос…

Эти бывшие грузчики никогда не работали по назначению. С самой своей нелегальной покупки без каких-либо документов – на таких вот гига-фабриках, куда я сейчас собираюсь – шагоходы получали пулеметное вооружение, огромные решетчатые корзины за спиной и начинали бродить по особым маршрутам, перетаскивая абсолютно незаконный груз. Чаще всего им приходилось брести по соленому мелководью, что плескалось там, где еще недавно были поля и города. Или по мертвым почернелым полузатопленным лесам. По безжизненным скалам… А когда картели потеряли остатки плодородных земель, они объединились и начали безнадежную войну с Атоллом, стремясь вернуться в места, откуда были безжалостно изгнаны.

Изгнаны в том числе и мной…

Да…

Уперевшись рукой в прицеп, я смотрел на уродливый кокпит Камрада, а в моей голове роились обрывки картинок. Я видел, как по ребристой как стиральная доска песчаной мертвой местности, преодолевая полосы мелководья, тяжело шагают эти самоделки. Некоторые падают и уже не встают, некоторые, управляемые более опытными пилотами, продолжают наступление на первую оборонную линию еще только строящегося колоссального убежища за моей спиной, что вместит в себя остатки населения этой части стремительно уходящего под воду материка…

Я вспомнил, как дал отмашку и на этих обреченных неумех обрушился смертоносный град…

Мы тогда отбили атаку. Иначе и быть не могло. Но кое-где по миру, в тот день всеобщей атаки, этим бродягам все же удалось прорвать линии обороны и на время отвоевать свои некогда родные земли. Именно что на время… прибывшие туда каратели быстро превратили мятежников в кровавую кашу…

– Камрадо… – произнес я задумчиво, глядя на изуродованные давним взрывом опоры замершего шагохода, уже начавшего шевелить монструозными манипуляторами-пушками – Где их откопали?

– Этих двух нашли в земле, сеньор – ответил услышавший меня прыщавый паренек и испуганно показал мне руки затянутые по локоть в медицинские перчатки, что изнутри уже покрылись каплями пота – Были похоронены вместе с пилотами. Героические бойцы древнего фронта освобождения! Вида да либертадэ!

– Грузи консервы…

– Да, сеньор. Прости мою патриотичную горячность, сеньор. А вы многих убили?

– Грузи гребаные консервы…

– Есть!

– Я наблюдаю – тихо-тихо донеслось из внедорожника – Если этот урод наведет на нас ствол…

– Ага – зевнул я и перевел взгляд на грузящиеся у трактира багги – Где Хорхе?

– Я здесь, лид! Все загружено. Все отремонтировано – мой водитель нервно подрагивал, передергивал плечами, притопывал, утирал пот со лба и вообще выглядел так, будто только что натворил что-то нехорошее. Заметив мой изучающий взгляд, Хорхе натужно улыбнулся – Поехать бы уже, а? Что-то вот… дергает меня…

– А отдых? – приподнял я одну бровь.

– Усталости ноль! – бодро отрапортовал Хорхе и я ему поверил.

Я знаю эту фальшивую адреналиновую бодрость. Чуть ослабнут эмоции, чуть уйдет накал и…

– Поехали – кивнул я, оглядывая джунгли.

– Убываете? – к нам торопился Трехо, успевший натянуть на себя снаряжение, не забыв прихватить и рюкзак, явно предпочитая таскать его за плечами, хотя легко бы мог поручить адьютанту эту тяжесть.

– Убываем – подтвердил я, коротко глянув на две рации в его руках – Раритеты…

– Зато связь наша, а не системные каналы – парировал тот – А где твой узкоглазый?

– Неподалеку.

– Спит в машине?

– Ну да. Хорхе, прыгай за руль.

– Есть!

– Я сам не пойму, чего я так задергался – вдруг признался Трехо и воткнул в меня злой взгляд – Поднял всех, растормошил, навел панику, разослал разведку, начал грузить припасы и заставил бойцов пинать своих медлительных жен под зад, чтобы поторопились.

– И?

– И если сегодня-завтра ничего не случится – а лучше бы не случилось – я буду выглядеть полным идиото!

– Так отмени все – усмехнулся я – Объяви учебной тревогой, проставь всем выпивку за расторопность, публично накажи самых медленных и награди самых быстрых, прочти долгую усыпляющую речь перед всем строем… и будем самым нудным ушлепком в окрестностях, но точно не идиотом.

– Хм…

– Давай. Отменяй. У тебя в руках рации и вон помощник сверлит взглядом твою левую ягодицу… может у вас там общая тату?

– Эй… ты вдруг начал хаметь?

– Так я поехал?

Пауза в пару секунд… а затем Трехо выдавил:

– Спасибо.

– Да посрать. Удачи тебе, командир.

– И тебе, чужак Оди. Еще встретимся.

– Может и так – не стал я спорить, открывая дверь внедорожника.

Рации в руках Трехо поочередно ожили и, испустив по долгому потоку помех, достаточно членораздельно заявили:

– Первое звено докладывает – все в норме. Никого.

– Шестой докладывает – все спокойно, командир Трехо. Не беспокойтесь.

– Пятое звено – тишина, жара и спокойствие вокруг.

– Четвертое звено. Все тихо.

– Третье звено докладывает – все в норме. Никого.

– Второе звено – лемуры трахаются. Все хорошо…

В эфире зазвучал смех, сразу стало ясно кто из звеньев самый борзый. Выругавшись, Трехо рявкнул в эфир:

– Никакого мусора в эфире! Доклад и дальше с точности до минуты!

Хмыкнув, я уселся на сиденье, начал закрывать дверь и… остановился. Толкнув дверь, вылез, уставился на открывшего рот Трехо, удивленно выпучившегося на меня.

– Третье звено – сказал я.

– Третье звено – повторил Эрнест – Что с ним?

– Тот, кто вышел в эфир, повторил точь в точь слова первого звена, что первым и доложилось в срок.

– И что?

– Самый вышколенный и дисциплинированный – командир первого звена. Это понятно. Наверняка метит в твоего зама. Второе звено… Самый «свой» и тот, с кем ты наверняка чаще всего выпиваешь и обсуждаешь баб – командир второго звена.

Так?

– Ого… насчет первого ты в точку, тот еще служака, а вот второй… к-хм… а с чего ты это понял?

– Пятый – пытается выглядеть холодным и спокойным профи, но не без изюминки шутливой. Четвертый – наверняка самый опытный и старый. Ему давно все остохренело и вообще плевать, где он – в трактире и джунглях. Была бы фляга с мескалем под рукой и пореже бы мешали.

– Опять спрошу – откуда ты…

– Шестой – тайный жополиз.

– Слушай…

– А третий? Командир третьего звена какой? Ну? Давай, Трехо… навскидку – какой он?

– Да норм мужик! Амиго!

– А с командиром первого звена он как?

– Не очень… в свое время из-за бабенки одной знатно поругались – почти до ножей дело дошло.

– Он бы повторил доклад первого командира слово в слово?

– Да скорее сдох бы! Ох ты ж… но голос его!

– Третье звено было послано туда? – обернувшись, я ткнул рукой в сторону противоположную от заброшенного города.

– Почти. Чуть левее.

– Бегите! – заглянув в расширившиеся глаза Трехо, я повторил, уже возвращаясь во внедорожник – Бегите!

– Думаешь…

– Как далеко ушли разведчики?

– Они на легких квадрах. Должны были продвинуться километра на три уже. Может четыре. Там пересохшие русла ручьев…

– У вас от пяти до десяти минут – прикинул я и кивнул мокрому от пота Хорхе, что явно обладал отменной жопной чуйкой – Двинули.

– Останься, Оди! Помоги! – заорал вслед Трехо – Ты явно сечешь в войне!

– Дави на газ сильнее, Хорхе – буркнул я и начал перебираться в салон, где из-под наваленных вещей медленно приподнималась глефа Каппы – Вот дерьмо…

– Он все же пошел за нами, лид?

– Он пошел за нами – мрачно подтвердил я – Иначе не появился бы тут так быстро. Дерьмо! Хорхе! Помнишь тот холм из красной глины рядом с Понти Севен? Мы проезжали его по пути сюда.

– Да!

– Правь туда.

– Зачем?!

– Заткнись и делай! – рявкнул Каппа, с хрустом сдавив стальными пальцами изголовье водительского кресла.

– Да понял я… понял… Мерде! Мерде! Чувство, будто в сердце воткнули раскаленную спицу. Может я гребаный пророк и вижу свое мрачное будущее полное боли? А?! А?!

– Мы будем воевать или нет, лид? – замершая статуя боевого эмоций не выражала никаких, но я знал – Каппа хочет повоевать. Его до сих пор мучит тот пережитый позор, когда он носился по джунглям, а затем его придавили золотой жопой разобранного декоративного шагохода.

– Посмотрим – отозвался я, начиная втискиваться в Ночную Гадюку – Поглядим с холма…

Глава седьмая

Пока принявший меня родной экзоскелет замыкался за спиной и неспешно, в спокойном штатном режиме приводил все системы в активное состояние, я неподвижно лежал в стальной шкуре, слепо глядя на ползущие перед глазами частые зеленые строчки, а в это время в башке лихорадочно вспыхивали и гасли догадки, прикиды, домыслы.

Я пытался понять почему системный каратель оказался здесь так быстро, одновременно подсчитывая количество преодоленных нами километров, мысленно ложа на карту здешней местности наш ломанный, но в целом прямой маршрут.

Отъехав от полыхнувшей точки «А» мы двинулись к Комерцио – он лежал почти на прямой линии между нами и Понти Севен, за которой, в свою очередь, находились руины гига-фабрики. Чтобы пройти впритирку с Комерцио и поглядеть на него с гребня холма, мы отклонились чуток от прямого маршрута, но не сильно потеряли во времени, к тому же это был самый расчищенный путь и не приходилось поминутно выскакивать из внедорожника с мачете или топором. Каппа как-то раз перепугал престарелую срущую даму, что тужилась в зарослях чапараля. Увидев стального громилу с двуручным топором, она так напряглась, что у ней сразу все получилось. На результат своего мучительного труда она и приземлилась голой задницей, не замечая едущего за экзом внедорожника, указывая на Каппу дрожащей рукой и во всю глотку вопя:

– Эль маго дэ оз! Эль маго дэ оз! Бастардо де йерро!

Мечник быстро покончил с обвитым лианами стволом упавшего дерева, и мы проехали мимо спятившей старухи, продолжающую орать и которую никак не могли унять подбежавшие соплеменники – еще одно бродячее солнечное племя с зелеными от постоянного жевания листьев коки деснами и зубами и с размягченными от наркоты мозгами.

Да… мы двигались почти по прямой и это нехило сэкономило нам время. В Комерцио мы не заезжали, рядом не задерживались, двинувшись по «сумрачной полосе», где, как и надеялись, столкнулись с здешними неумелыми грабителями и «детьми новой Матери».

И до Понти Севен мы двигались исключительно по сумраку. Система не видела нас. Или все же где-то зацепила издалека наш внедорожник визорами одного из системных грибов, прячущихся в джунглях?

В любом случае, покончившему с Небесной Башней убийце,

чтобы добраться до Понти Севен так быстро, надо было без задержек двигаться за нами. И, раз здесь пока нет паники – а панические новости разлетаются со скоростью света на всех попутных мулах, лошадях, машинах и жопных ветрах – никто между Комерцио и Понти Севен посланцев системы не заметил. И вряд ли системный каратель стал бы убивать ненужных свидетелей – если они законопослушные трудяги-гоблины. Система просто не может позволить себе этого. Особенно, если ТИР конкретного данного гоблина является положительным и оттого он душевно мил машинному разуму.

Итак – шагоход с пантерами попер за нами. При этом вражеский пилот не мог знать, что мы окажемся рядом с Понти Севен.

Или мог?

Система умна.

Если те догнавшие нас в городе пантеры засекли за рулем перепуганного Хорхе, они передали изображение системе и та, опознав бывшего советника, легко могла проследить по своим базам данным его активность за последние годы и месяцы, заодно выяснив, что он много, где побывал и знает об этих территориях крайне много. Куда он мог посоветоваться сунуться гоблинам вне закона, когда им потребуется ремонт? Правильно – в сумрачный крохотный городок Понти Севен, что и так уже давным-давно как бельмо на машинном глазу. Система отправила за нами вражеское звено, понимая, что если они нас и не догонят, то уж Понти Севен от них никуда не денется, а затрат практически никаких – расстояния для техники и живой силы плевые, пантеры могут найти жратву в джунглях, пилот пожрет из пайка, шагоход получит энергию от солнца или от энерговодов системных грибов…

Или я слишком усложняю и это на самом деле совпадение.

После разорения Небесной Башни враг шел именно к Понти Севен, а нам просто не повезло снова оказаться у него на пути.

Качнувшись на паре ям, захрустев сминаемыми кустами, внедорожник обогнул глиняный холм и остановился. Вцепившийся в руль Хорхе обернулся, уставившись на нас выпученными глазами. Заглянув в его зенки, я удовлетворенно усмехнулся – помимо страха, в них плескались и новые эмоции – возбуждение, азарт, агрессия…

Выбравшись из машины первым, я коротко огляделся и указал новое место чуть в стороне – между двумя невероятными по толщине деревьями, вздымающимися на три десятка метров и бросающих густую тень на выбранный нами красный холм. Едва Каппа выскочил, тяжело качнув машину, внедорожник тронулся с

места и покатил вниз, увлекая за собой чуть подпрыгивающий прицеп, хлопающий наспех затянутыми тентом. Оценив взглядом глубокие рваные дыры на тонком металла – борозды от когтей пантеры, я развернулся и неспешно зашагал к вершине, ведя при этом с идущим за мной Каппой разговор:

– Что мы потеряли, боец?

– Целый мир? – после паузы в пару секунд проскрежетал в моем динамике голос мечника – Тот малый мир, где ты так много добился, командир.

– Не – фыркнул я, проверяя на ходу вооружение правой руки – Потеря мира – это все херня. Бассейн с дерьмом и тонкой земляной коркой сверху. И все это окружено стальными стенами… Долбанный серпентарий с беззубыми тошнотворными тварями. Рано или поздно мы были стали такими же как они, Каппа. Так что… я только рад, что нас снова… извергли. Но на этот раз мы вышли через блюющую глотку, а не через жопу. И знаешь, что это означает?

– Нет.

– Мы встали им наконец поперек глотки – рассмеялся я, оглядываясь, сканируя окружающее пространство всеми доступными мне средствами – И нас пришлось выдирать с кровью.

– Как кость неправильно приготовленной рыбы фугу. Укол в горле… и тут же отрыгивание, скользкие пальцы лезут глубоко в глотку, рвется наружу позорный тонкий крик, приходит понимание – раз есть кости, то может быть и яд… а затем спазм… и дыхание начинает прерываться… страх на потном искаженном лице… лужица искрящейся блевоты на ресторанном татами, опрокинутый кувшинчик с подогретым сакэ, уткнувшийся лбом в пол повар-неумеха, насмешливый блеск чешуи, многообещающий оскал отрубленной рыбьей головы и чья-то мрачная тень в ее застывшем глазу… Смерть пришла со вкусом рыбы… Насмешливо мигает старая неоновая вывеска, качаясь на последнем для жертвы в этом мире ветру… машет рукой и зовет какой-то старик с той стороны разлившейся у ног широкой спокойной реки…

– Хм… Так что мы потеряли, боец?

– Не знаю.

– Цель – вздохнул я, сгибая колени и опускаясь на испещренный трещинами, заляпанный птичьим полетом бугристый бок холма – Вот что мы просрали, боец. Цель. Раньше мы знали куда идем. Высшие, Земли Завета, Темная Башня… мы знали куда и зачем идем. Мы знали, кому следующему перережем глотку. А сейчас… кого убивать, Каппа?

– Я не думал над этим.

– Почему?

– Зачем? Есть ты, лид. Ты укажешь цель.

– Цель – буркнул я, вспоминая старое фото из тайника в своем экзоскелете – Гребаная цель… Знаешь, похоже, я все же знаю текущую цель.

– Укажи ее…

– Для начала разберемся с ситуацией в руинах гига-фабрики. А затем займемся самым главным на текущий момент – нам надо понять сколько лет прошло с тех пор, как заработали эти опухоли, принявшие в себя всю разумную грязь, что гробила планету.

– Века? – голос Каппы звучал ровно, но все же едва заметно дрогнул. Мечник задумался о недавно вспомненной им своей семье?

– Может и века – я задумчиво выпятил нижнюю губу, в то время как послушное тело в еще более послушном сложном боевом механизме, двигалось уже почти ползком, прижимаясь к глине, но не поднимая при этом предательской пыли – Может на самом деле прошло лет пятьсот. И тогда все те, кого мы знали… давно уже мертвы.

– Высшие жили и живут столетиями – заметил Каппа, легко двигающийся следом, но чуть отстающий из-за несовершенства своего экзоскелета – Они бессмертны.

– Каппа… если тебя заморозили на полтысячи лет, а твоя жена и дети продолжали жить… даже если они живы сейчас, они уже иные. И для тебя там нет места. Короче – нам нужна новая цель, боец. Есть предложения?

– Гига-фабрика?

– А если это пустышка?

– У нас машина и прицеп. Мы найдем цель. Но я бы заглянул в Чикурин.

– Хочешь выпить подогретого сакэ и пожрать напластованной сырой рыбы?

– Хочу – не стал отпираться мечник – Хочу…

– Ну ладно. Может и заглянем. В любом случае мы снаружи. И вокруг нас целая и здоровая мать ее планета – мы точно найдем себе достойную цель.

– Найдем… но мир ли вокруг нас?

– Не понял….

– Это точно не еще одна… коробка с отравленными сверчками?

– Ты сегодня в ударе – не мог не признать я, с вершины холма бросая первый взгляд на только что оставленный нами Понти Севен – Ты о чем, любитель кровавых мачете?

– Матрешка – неожиданно звонко произнес Каппа и, будто смутившись прозвучавшего в его голосе какого-то странного восторга, повторил уже глуше – У меня была… в детстве… подарок. Северная морозная кукла. Много кукол – одна другой больше. Вставлены друг в дружку.

– Понял – ответил я – Мы вылезли из одной маленькой… куклы… и оказались в другой – чуть больше?

– Да.

– С чего ты взял?

– Все обманчиво, лид. Ничему и никому нельзя верить. Нам создают реальность. А мы слепо верим. Так было там.

– Так было там – не мог не признать я, вспомнив свое самое первое ощущение, когда я очнулся в яранге племени сыроедов, что обитало на крохотном островке. И я помню тот удивленный и восторженный ступор, что накрыл меня, когда я увидел набегающие на галечный берег волны, приносящие зеленоватый морской лед, когда увидел толстых белых птиц копошащихся в кучах гнилых водорослей, когда поднял глаза и понял, что надо мной синее небо… а потом оказалось, что мы просто вылезли из коробки поменьше в ящик побольше.

– Нам надо разобраться – убежденно произнес Каппа и на этот раз в его хрипловатом голосе прозвучала слепая убежденность любителя заговоров – Надо разобраться.

– Надо найти главного, вежливо вспороть ему живот, разложить кишки на его рабочем столе и, перебирая эти слизистые трубки, набитые паштетом первоклассного качества, кончиком ножа, задать ему несколько добродушных вопросов.

– Вот и цель, лид? Снова ищем главного? Того, кто… ответственен?

– Ага – отозвался я – А вот и оно… смотри, боец. Он входит…

Стена тонких деревьев рядом с границей Понти Севен качнулась, мне даже почудилось, что я услышал их хруст. Но вопреки ожиданиям никто не стал картинно проламываться сквозь деревья. Нет. Вражеский шагоход обошел их со стороны и возник рядом с городом подобно стальному гиганту, грозно наведя на строения свои орудия. Над боевым мехом закружился дрон – близнец уже сбитого мной. Замерли обалдевшие муравьишки-гоблины, увидев явившуюся стальную страхолюдину. А затем их оторопь перешла в окаменение, когда на единственную пыльную улочку зарождающегося городишки ступили две огромные пантеры.

– Две – сказал я.

– Две – одновременно со мной произнес Каппа и тут же сполз чуть ниже, перевалился на спину, уставившись в

противоположную сторону от трех видимых врагов.

Где еще одна тварь? Пантера, рожденная для бесшумных, внезапных, стремительных и смертоносных нападений… где эта напичканная электроникой сука?

Оглядываться я не стал – пока что. Мой экз превосходит возможности обычной глефы. У меня больше шансов обнаружить крадущегося разумного зверя. Но каковы шансы, что третья пантеры окажется рядом с облюбованным нами красным холмом? Скорее зверь займет позицию с противоположной стороны от шагохода, чтобы перехватывать тех, кто имеет причины убегать от системного карателя.

А те две твари, что неспешно двигаются рядом с механизмом… да… пантеры синхронно начали расходиться, захватывая поселение в когтистые клещи. Одновременно с этим раздался транслируемый сквозь динамики голос.

– Эй, жители сего милого-милого места… не дергайтесь и не ссыте в шорты! Я пришел сюда не убивать. Ну… в том числе и убивать… но не всех поголовно. Ха-ха-ха!

Шагоход вскинул манипуляторы и закачался в приступе механического смеха. Но я не обратил на эти дерганья внимания. Я удивленно переваривал то, как разговаривал пилот механизма. Его голос был полон превосходства, насмешки и… наслаждения.

Да. Наслаждения. Пилот шагохода наслаждался каждой секундой своего представления. И, глядя на то, как он без всякой причины наводит манипуляторы с оружием на группки парализованных страхом гоблинов на земле и на разрушаемой эстакаде, становилось ясно, что он наслаждался и их страхом, жадно впитывая его как губка. Он… голос был мужским. Но при этом голос был каким-то странноватым – я еще не понял, что именно меня зацепило в звучании его слов. То ли какой-то неуловимый акцент, то ли пришептывание или глотание окончаний слов… но это звучание было мне уже знакомым. Хотя не могу вспомнить откуда… но я уже слышал подобный голос… подобное звучание слов…

И какого ж хрена считай официальный посланец системы позволяет себе такую фамильярность?

Почему он с такой радостью запугивает гоблинов и наслаждается их страхом и своей крутизной?

А ответ прост – потому что он может и потому что ему в кайф.

– Жители, жители, жители… – продолжил тем временем грохотать динамиками пилот, добравшись уже до площади перед трактиром и перекрыв дорогу так и не успевшей никуда уехать вереницы груженных машин – А куда это вы собрались? А? –

издевки в голосе прибавилось – Никто никуда не убежи-и-ит… Внимание! Я послан Матерью! И Мать гневается! До нее дошли известия, что в этом сраном муравейнике завелись больные муравьи, вздумавшие минировать мирные земли и вооружаться артиллерией. И наша добрая Мать задалась простым вопросом – а против кого же эти больные мать их муравьишки решили вдруг воевать? Не на саму ли Мать осмелились они поднять свои тухлые очи?! И вот я здесь – ее гнев окутанный стальной могучей плотью! Я великан! Я попираю! Я давлю! Я раздираю на клочки! Я растираю в пыль любых еретиков, что осмелились восстать против милостивой Матери! Я здесь! И я заявляю – вам не убежать! Вам не скрыться! Догоню любого! И потому – не двигайтесь, не суетитесь! Продолжайте выполнять задания Матери, сносите эти треклятые осколки древнего мрачного прошлого – и тем самым заслужите материнское благословение и любовь! Сегодня не всех коснется гнев Матери. А лишь тех, кто заслуживает того! Их имена будут названы в свое время. А пока я назову лишь одно имя! Эрнест Трехо! Командир Третьей Мостосносительной Бригады! Выйди вперед и покажись! И мне плевать будешь ты вооружен или нет…

Ага…

Плевать ему…

Говоря эти слова, пилот не забывал держать свой мех поближе к массивным бетонным зданиям, прячась за ними от не могущих двигаться статуй камрадов с их чудовищными орудиями вместо рук. Да и судя по тому, как он избегал приближаться вплотную к штаб-квартире Третьей Бригады, скрытой в опоре эстакады, пилот жутко боялся получить прямой орудийный залп.

– Эрнест Трехо! Не будь трусом! Ты ведь командир! Покажи пример своим людям и выйди вперед! Покажись! Предупреждаю всех – не гневите Мать еще больше! Не гневите! Сюда направляется эшафот! И как только он прибудет – Мать начнет задавать вопросы всем подозреваемым. А затем уже будут вынесены приговоры. Невиновные не пострадают. Виновные понесут справедливые наказания. Кара Матери неизбежна! И я ее посланник, что своей стальной пятой раздавлю любое неповиновение! Своими руками выдавлю ответы из любых сопротивляющихся мятежников!

– Ого – пробормотал я с усмешкой и хлопнул стальной ладонью по земле, глянул, как медленно опускаются выбитые облачка красной пыли – Своей стальной пятой? Своими руками?

– Его эго огромно – заметил Каппа, слышавший каждое слово.

– Жирное эго плаксивого неудачника – буркнул я – Он отожествляет себя с шагоходом. Он не просто пилот – он и есть

стальной великан. Ути-пути…

– И что нам это дает?

– А хрен его знает – усмехнулся я, глядя, как из трактира появляется знакомая фигура.

Эрнест Трехо вышел. И вышел достойно – без оружия, без защитной экипировки, в простой майке и шортах, босой, но с опущенными руками, с гордо поднятой головой.

Что ж… это ушлепок умеет спрятать свой страх поглубже в задницу. Умеет проявить храбрость – далеко не каждый сможет так спокойно идти к дышащей смертью стальной махине.

– Лид…

Тревога в голосе Каппы возникла, но была невелика. Поэтому я не стал оборачиваться и просто спросил:

– Серьезное что?

– Хм-м-м… это надо тебе увидеть.

На этот раз я обернулся. Но не из-за слов Каппы – просто я ощутил дрожь земли. Глухой удар, что прошел через весь холм и отозвался дрожью в стальной грудной броне. Перевалившись на бок, я глянул на руку Каппы, проследил направление и… невольно присвистнул.

Старательно обходя большие деревья и холмы, по густо заросшей лесистой местности, рвя лианы, дробя мертвые стволы, двигалось нечто, что больше всего напоминало… шагающий мостовой кран, к чьем хребту были подвешены контейнеры и модули различной величины. Механизм огромный. Выглядит как скелет безголовой горбатой гиены, медленно переставляющей лапы. Механизм пилотируемый. И поблескивающий тонированными стеклами кокпит расположен там, где у живой гиены была бы шея. Это все я увидел мельком, заодно опознав среди контейнеров, клеток и модулей знакомые очертания – два модуля медблоков, они же допросные и три торговых модуля, которые, опущенные на землю, открывают стены и дают доступ к торгматам со вкусностями для тупых гоблинов.

Как умно… публично казнить виновных, а остальным дать возможность потратить песо на конфетки и яркие тряпки. Метод кнута и пряника. Кому-то нож в глотку, а кому-то шикарные скидки на вонючее барахло – чтобы потешить страсть гоблинов к трате денег. А может даже дадут бесплатные трусы и бейсболки – и тогда обрадованные гоблины быстро забудут о недавней лютой смерти командира Трехо.

Оружие….

Оружие на хребте и ногах грузового неуклюжего шагохода, тащащего огромную тяжесть по бездорожью, пропуская под брюхом верхушки молодых деревьев, что ударялись о днища

контейнеров и гнулись, теряя сотни листьев.

Два пулемета защищенные стальными клепанными куполами, что так походят на системные полусферы. Они над кокпитом и, судя по всем признакам, легко крутятся, могут поразить любую цель в воздухе и по сторонам. Но мертвых зон у них предостаточно. И поэтому имеется еще три пулемета – по одному на задних ляжках плюс задний клепанный купол на крестце. Что самое изумительное – из полусфер торчат стволы. Торчат стволы! Это же сука бред…

Система не могла допустить подобного. Это допустимо только в тех случаях, когда оружейная точка расположена в недосягаемости – например, на стальной многометровой колонне нашего «внутреннего» мира, где ни один гоблин не дотянется. Да и то… проще спрятать уязвимые стволы внутри, сделав их короче или же увеличив объем купола. Причем спрятать за заслонками, которые отворять только во время ведения огня.

Да и эти частые клепки на полусферах. И крайне изношенный на вид грузовой механизм, что явно изначально был предназначен для передвижения по ровной местности, а не по джунглям. Это ведь обычный четырехногий транспортник, спаренный с мостовым краном – загрузился, притащил в нужное место, помог все это установить, подержал, пока крепят, а затем ушел за следующей порцией. Но это не грузовой мул, способный преодолевать сотни километров.

– Валим – велел я, поднимаясь и уже на ходу добавляя – Ты с жопы. Гни стволы дебилов.

– Есть!

Вражеский пилот засек нас слишком поздно – когда я был в пятнадцати метрах. А это то же самое, как если бы я уже сидел на его хребте – где я и оказался спустя десяток секунд, первым прыжком оказавшись на согнутом колене переднего манипулятора, а вторым уже упав между завизжавшими пулеметами. Но визжали они недолго – двумя небрежными движениями я загнул плюющиеся стволы. И тут же спрыгнул на кокпит, присел, пропуская над головой длинную очередь заднего пулемета. Но строчил он недолго – Каппа заткнул сначала пулемет на ляжке, а затем переключился на крестцовый. Дальше уже можно было не торопиться – и расчетливый мечник выждал удобного момента, после чего ликвидировал последнюю оружейную точку. Тишина… ну почти – внутри клепанных бронированных гнезд продолжает что-то щелкать.

– Каппа! Там бугор посреди спины. Что в нем?

– Понял.

Отдав приказ, я с силой врезал кулаком по броне кокпита,

добавляя нервов пилоту.

– Ах вы суки! Бастардос! Я вам яйца выгрызу! – завыл грузовой кузнечик женским голосом – Сердца выклюю!

– Открывай, сука! – рявкнул я, нанося второй удар и прослеживая вибрацию броневых прозрачных плит.

Следом ударил в третий раз и увидел наконец место входа – явно самодельное и, что поразительней всего, с открытой щелью, скрывающей в себе петли люка. Этот мир полон дебилов… Выдвинув клинок, я несколько раз ударил им в щель, зная, что особый материал лезвия легко справится с петлями из обычного металла.

Едва плита люка дрогнула, я подцепил ее лезвием, а затем пальцами и резко дернул на себя, выдирая из гнезда. И тут же шатнулся в сторону, когда из тускло освещенной дыры раздалась автоматная очередь. Перехватив ствол, выдернул сначала оружие, а затем и пилота, тут же швырнув его вниз с высоты в два десятка метров. Шагоход, грузно качнувшись, остановился. С хребта послышались крики, раздались выстрелы, затем крики сменились воплями боли и ужаса. А когда все затихло, Каппа произнес:

– Мой клинок неустанен…

Рассмеявшись, я оттолкнулся от кокпита и одним долгим прыжком вернулся на вершину глиняного холма. Приземлившись, присел и заинтересовано уставился на Понти Севен. Диспозиция не изменилась. Шагоход у площади, пантеры по сторонам – и на этот раз все три твари на месте, зажали поселение в клещи. Огромные кошки мирно лежат на брюхах и лишь резкие движения хвостами и прижатые уши выдают их раздражение.

– Лид…

– Да?

– Послушай – Каппа врубил внешний микрофон и до меня донесся знакомый насмешливый голос пилота доносящийся из вскрытого кокпита грузовоза:

– Эй! Несун пять! На связи Адский Каратель! Опаздываете!

Не выдержав, я заржал в голос. Даже Каппа позволил себе тихий и предельно издевательский смешок.

Адский Каратель! Мать твою! Он сука сказал – Адский Каратель!

– Несун Пять! Почему не отвечаешь? Ответь Адскому Карателю. Тебе самое время появиться!

– Могу ответить ему, лид.

– Не – помотал я головой – В грузовозе наверняка есть отслеживающий местоположение чип. Этот дебил наверняка знает где находится несун и то, что он стоит.

– Несун пять! Почему не двигаешься?

– Кто был в спинном куполе? – лениво поинтересовался я, поочередно переводя взгляд от шагохода к пантерам.

– Четыре сонных гоблина с автоматами и ружьями. Дисциплина – дерьмо. Состояние оружия – дерьмо. В защищенном отсеке – грязь!

– Ясно. Хорхе!

– Слышу, лид!

– Что там пилот?

– Вонзилась в грязь сракой. Жива! Но что-то в ней сломалось. Мне ее… того?

– Вижу тебе понравилось – оскалился я – Неплохо. Пока пусть живет. Свяжи ее и затащи в салон внедорожника. Чтобы не орала и не царапалась – вколи транк из аптечки.

– Есть!

Пока Хорхе копошился в чапарале, пилот вражеского шагохода снова дал о себе знать:

– Эй! Несун пять! Ты сука портишь мне представление! МОЕ представление! Мой выход! Почему стоишь и не двигаешься? Если тебе приспичило посрать – я тебе глаза выдавлю одним своим стальным грозным пальцем!

– Охренеть – хмыкнул я – Просто охренеть…

– Несун пять! Ответь!

Тишина…

И…

Круто развернувшись, шагоход двинулся в сторону красного холма, с каждой секундой увеличивая скорость. Вскоре он уже тяжело бежал, бухая опорами о каменистую почву, проносясь между по-прежнему замершими гоблинами. Пантеры также остались на месте, продолжая держать периметр. Лишь одна чуть сместилась, компенсируя отсутствие шагохода, забравшись при этом на крышу одного из зданий, чтобы увеличить свой обзор.

Не может отозвать пантер, засранец? Правильно – только убери их и тут же все виновные гоблины разбегутся как тараканы и спрячутся в сумрачных джунглях. Поди потом их отыщи. А ведь система наверняка сурово с тебя спросит, да, пафосная ты гнида?

– Мы дадим ему бой, лид? – спросил Каппа.

– Мы завалим урода – буркнул я – Ведь мы типа герои…

– Завалим урода – согласился мечник – План действий, командир?

– План? План простой. Сможешь залезть в защищенный отсек на хребте грузовоза?

– Да.

– Действуй. Вылезешь, когда я отдам приказ.

– Да, лид.

– Хорхе! Запихнул суку в салон?

– Да!

– Прыгай за руль и выводи машину из внедорожника в русло сухого ручья. Когда скажу – и не раньше! – газанешь, поднимешь побольше пыли и двинешься прямо. Понял?

– Да!

– Не раньше!

– Не подведу, командир!

– И вколи суке еще один транк.

– Она и так в отключке.

– Вколи суке еще один транк, Хорхе.

– Понял… АЙ! Ах ты тварь! Она в сознании! Кусается! Сука! Притворялась!

– Не стоит недооценивать женщин, боец – рассмеялся я, бросив последний взгляд на поселение и начав сползать с холма – Притворство у них в крови.

Затем стало не до разговоров – пришлось шустро прятаться. Нырнув под рассыпающийся стальной остов некогда огромной беспилотной фуры, я нагреб на себя ржавого хлама вперемешку с землей и замер. Поле зрения сузилось, беспилотника не имелось, зато он был у противника, поэтому я лежал тихо и ждал, глядя на крохотный камешек на забрале Гадюки. Камешек подпрыгивал все сильнее, медленно смещаясь по забралу. Микрофоны передавали нарастающий шум ударяющихся в землю опор шагохода. Если бегун и продолжал что-то говорить грузовозу, этого никто не слышал.

Минута… еще одна… подпрыгивающий камешек соскользнул и упал на землю, смешавшись с себе подобными.

Еще полминуты…

И рядом с моим убежищем ударила в землю стальная нога – старый потемневший металл, царапины, следы грязи и смазки. Застонали серовоприводы, снова приводя в движение махину, перенесшей вес на другую опору. Нога убралась, оставив после себя вмятину и влажное пятно там, где секунду назад шевелил носом дикий хомяк, удивленно пялившийся на меня. Шагоход врубил динамики.

– Грузовоз! Эй! А ну…

Продолжения гневного окрика не последовало – Адский Каратель наконец-то понял, что тут случилось что-то очень нехорошее. Думаю, он догадался по потекам крови стекающим с пыльного хребта грузовоза. И по парочке раскинувшихся на стали разрубленных трупов.

Остановив боевую машину, пилот разглядывал трупы. Могу поспорить, что Каратель уже вжал кнопку срочного призыва и

сейчас сюда несется на полной скорости беспилотник – до этого он барражировал над Понти Севен, помогая пантерам контролировать ситуацию и отслеживать потенциальных беглецов.

Вокруг мертвая тишина. Никакой угрозы. Грязь да пыль. И… я актировал радиоканал, шепнул замершему в салоне Хорхе:

– Пошел!

В густых колючих зарослях, что скрывали русло ручья, раздался шум двигателя, качнулся прицеп, мелькнул внедорожник, вспухла и начала стремительно расширяться пыльная завеса.

– Стоять! – мгновенно среагировал Каратель, с гулом приводов наводя манипуляторы на источник звука.

Ну да – раз убегают, значит трусы и слабаки, можно громко и грозно орать.

Пришедший в движение шагоход неспешно двинулся за продирающимся сквозь джунгли внедорожником, а еще через пару секунд шарахнул короткой предупредительной очередью.

– Вижу беспилотник, лид – прошелестел в динамиках Каппа – Снижается.

– Как низко?

– Достану наверняка.

– Достань красиво.

– Делаю.

Шевельнувшись, я стряхнул с себя ржавую грязь и приподнялся, нашел упоры для стальной ступни. Замер в полной готовности, не сводя глаз с жопы медленно удаляющегося и продолжающего что-то орать шагохода. Чуть в стороне хребет умершего грузовоза.

Раз чапараль… два чапараль… три чапараль…

Над ходячим краном появляется мелкая стальная птаха и… вылетев из гнезда в красивом прыжке, боевой экзоскелет в полете одним ударом огромного тесака разрубил и смял беспилотник, отправив его к земле.

– ДЕРЬМО-О-О-О! – потрясенно заорал пилот шагохода, торопливо выворачивая корпус к столь внезапно возникшей угрозе.

– Не такой уж ты и профи – брезгливо процедил я, приходя в движение – Каппа! Прочь!

Три шага. И короткий прыжок. Этого хватило, чтобы оказаться на спине стального ушлепка. Еще пара движений и я остановился рядом с раздутыми плечевыми ракетными установками. Тут я и оставил сразу несколько громких гостинцев, после чего прыжком ушел в джунгли. Все это время Каратель

палил очередями вслед улепетывающей глефе. Я увидел, как несколько пуль все же достали мечника, подловив его на полушаге и уронив на землю. Перекатившись, Каппа исчез за стволом монструозного баобаба и пропал из виду.

– Бежишь, сука?! Я Адский Каратель и я достану тебя везд….

Грохот взрыва прервал речь и заставил меня уважительно хмыкнуть – несмотря на силу взрыва, пилот удержал машину на ногах и тут же рванул ее в сторону, за секунду переместившись в сторону и, в свою очередь, спрятавшись за другим деревом-великаном.

– Мимо! – заорал Каратель – Мимо, бастардо! Мимо!

Дебил решил, что в него влетела ракета или заряд гранатомета? Но ведь не мимо! Взрыв сотряс боевой механизм и вызвал немало повреждений. Ракетные установки бронированы. Рванула связка из четырех гранат, но только одна установка оказалась пробита и явно выведена из строя. Корпус второй установки прогнулся, но уцелел. Я видел все как на ладони – ведь я находился на том же дереве, только тремя метрами выше.

– Мимо! – уже чуть более испугано повторил Каратель, не двигаясь с места.

– Вот почему! – буркнул я зло – Вот почему шагоходы старых моделей должны и даже обязаны иметь при себе звено поддержки! Дебилы!

Без внешних сенсоров, без особой брони, без защитных пассивных и активных систем, противодействующих подобным мне диверсантам, шагоходы превращаются в легкую добычу для куда более мелких, но при этом умелых бойцов в экзоскелетах или даже без оных. В старые времена связку гранат бросали под гусеницу танка. Или разбивали коктейль Молотова о двигательный отсек. В наши времена ситуация не изменилась. И даже Гиппо не позволил бы случиться такому позору – его звено не позволило бы так легко взобраться на его макушку.

Что удивительно – пилот вроде как и не понял, что случилось. А должен был – гироскопы и сервы у шагохода чуткие, моя добавленная масса не могла остаться незамеченной.

– На меня залезла какая-то сука? – задумчиво произнес пилот шагохода – Я щас порву!

Ага. Порвет он. Вот только судя по позе и направленности кокпита шагохода, он сейчас не рвать, а убегать будет – навстречу пантерам. Он их уже вызвал? Или только собирается?

– Каппа – спокойно произнес я в микрофон – Шарахни по нему. Низ кокпита. И тут же меня позицию.

– Есть.

Три короткие очереди прилетели из левого квадрата, дробно

простучав по корпусу и кокпиту. Манипуляторы тут же приподнялись, закрывая кокпит. Я поморщился – все же не профи. Продвинутый дилетант. Смысл бояться автоматных пуль при такой толстой броне кокпита и передней части корпуса? Какой смысл подставлять под пули драгоценное оружие? Лучше уж сразу же пальнуть по врагу.

Очухавшись, пилот навел стволы на зеленый лиственный океан и ожившие пулеметы заработали как миксер, рубя листья и ветви. Разжав пальцы, я рухнул вниз, угодив туда, куда и хотел – опять на загривок. И еще две гранаты ушли в уже поврежденную ракетную установку – я запихнул их в дыру в броне, после чего ушел прыжком. И… получил пару пуль в плечо и спину. Ублюдок все же успел среагировать на этот раз и достал меня. Мало того – он продолжил развивать успех, тяжело шагая следом и поливая землю шквалом пуль. Дважды рванули выпущенные гранаты, щелкнул заслонки ракетных ячеек и… наконец-то раздался взрыв моих гранат. И ракеты сдетонировали… В небо ударил огненный чадный факел, закрутившийся шагоход рухнул, задрожал от череды мелких одиночных взрывов. Представляю каково сейчас пилоту. Выжить должен, но контузия ему обеспечена и шагоход больше не…

Пылающая машина вскочила с внезапностью ожившего трупа и… рванула прочь, тяня за собой шлейф черного дыма.

– Охренеть! – рявкнул я и метнулся следом, понимая, что этот гад бежит навстречу спешащим на помощь пантерам. А с ними мне пока драться не с руки – не люблю я прямых встреч с незнакомым противником. А боевые дивинусы такими и были – незнакомыми по стилю боя, защищенности и мозгам.

Выскочившая из кустов глефа вцепилась в ногу стального великана и поползла наверх. Опустившийся манипулятор сбил Каппу с ляжки, отшвырнул в джунгли и тут же послал следом две гранаты.

– Дерьмо – безэмоционально заметил в эфире Каппа.

Ничего не ответив, я в свою очередь прыгнул и вцепился в задницу беглеца. Цепляясь за редкие скобы, пополз выше, вовремя избежав вырвавшегося из отверстия потока черной дымящейся жижи – гаденыш сбрасывал кипящую смазку, поняв, что на его спине пассажир. Одна дырка в броне экза… и кипящее масло зальет плоть. Но почему он так бодро бежит? Он не мог не пострадать от чудовищного по силе взрыва прямо над башкой! Этот шагоход вообще слишком мало для установки на него ракетных установок. Городской Охотник – бюджетная версия для подавления городских мятежников, бандитских группировок и подобных им малоопытных бойцов. Но шагоход продолжает

бежать…

Вернее – продолжал.

Оказавшись наверху, я допустил оплошность, подставившись солнечным лучам и пилот заметил мою тень на своей макушке. Круто остановившись, он развернулся и, нагнув корпус, ринулся на дерево.

– Бастардо! Раздавлю!

Я ему помешать не мог, но переждал таранный удар на спине, куда вернулся и где схватился за скобу. Тяжелый удар, меня шмякнуло о стальную спину, и я тут же полез наверх, зная, что Каратель распрямится, что проверить нет ли на дереве стального пятна, сочащегося кровью и мозгами. Этого он не увидел. Зато я налетел промежностью на выдвинувшуюся из корпуса камеры с подвижным окуляром.

– Гребанный изврат – процедил я, опуская ствол пулемета в огромную дыру на том месте, где была ракетная установка и немалая часть плеча. Сейчас там был дым, искры и пустота. Туда и я выпустил не меньше сотни пуль, не обращая внимания на рикошеты и старательно ворочая стволом. Сначала у шагохода окончательно сдох левый манипулятор, безжизненно обвиснув. Следом я перебил пару каких-то магистралей и в щели снова полилась тут же полыхнувшая смазка. Искр разом стало больше, боевой механизм странно протанцевал, после чего рухнул на спину и забился прямо ка живой. Машина агонизировала, а огня становилось все больше – уверен, что этом живучему пилоту сейчас очень жарко в кокпите. А еще я уверен, что ему досталось как минимум несколько пуль, когда я палил по развороченным внутренностям Охотника.

– Нужны тренировки – сообщил мне подбежавший Каппа, когда я уже стоял рядом с полыхающим шагоходом – Особые тренировки.

– Да – согласился я – Займемся тактикой действий против шагоходов.

– Благодарю, лид.

– А мне что делать? – сипло спросил в эфире Хорхе.

– Машину к нам – велел я – И продолжай сидеть за рулем.

– Еду!

– Он решил умереть в огне, но не сдаться? – на этот раз в голосе Каппы звучало уважение, а смотрел он на продолжающийся оставаться закрытым кокпит вражеского механизма.

Не успел мечник закончить предложение, как бронированные створки шагохода с шипением отлетели, выброшенные аварийной пневматикой. Нашим глазам предстал ложемент, и я выругался,

поняв почему пилот выдержал все взрывы и почему он не спешил покинуть объятый огнем механизм, где начали с треском взрываться патроны.

Банан.

Сучий банан!

Вот что находилось внутри ложемента, более напоминающего неглубокую чашу. А внутри – слизистый банан! Почти такой же, с каким мы столкнулись в свое время внутри Зловонной Клоаки, где он лакал дерьмо из канала.

– Идеальная начинка для железной банки – вырвалось у меня, когда я смотрел в искаженное яростью и болью прозрачное лицо слизистого банана – Вот для чего вас вывели, да?

– Я расскажу вам сказку… – проскрежетал слизистый пилот, продолжая оставаться в чаше.

– Ага – кивнул я, отводя взгляд от того, что скорей всего было его мозгом, с висящими рядом с ним многими чипами – Каппа. Бежим.

– Есть! – устремившись за мной, Каппа только тогда спросил – Причина?

– Этот гребаный банан умеет не только техникой управлять и дерьмо жрать – ответил я, влетая во внедорожник – Он еще и…

За нашими спинами грохнул взрыв. Настолько сильный, что огненный шар взметнулся высоко в небо, а каппу швырнула на землю взрывная волна. Подскочив, он залез следом и внедорожник тут же рванул вперед.

– Гига-фабрика – крикнул я Хорхе и полез в потолочный люк.

– Пантеры догонят – без малейшего страха заметил мечник.

– Догонят – не скрывая обуявшего его ужаса прокашлял Хорхе – Догонят!

– Они будут заняты – не согласился я, глядя назад.

– Чем?

– Тушением пожара – ответил я, глядя, как выскочившая из сумрака джунглей пантера не стала нас преследовать, предпочтя вместо этого ударить лапами по горящим ветвям, отшвыривая их ближе к эпицентру пожара – Точно… для системы нет ничего важнее природы… и пока джунгли горят – пантерам на нас плевать.

– Лид… – простонал обливающийся потом Хорхе – Лид… ты же понимаешь – за ними рать!

– А нам посрать – рыкнул я – Дави на газ.

– Есть!

Уже забираясь внутрь, я бросил последний взгляд на занявшийся огнем гребень невысокого холма и среди частых перекрещивающихся пылающих лиан увидел застывшую

неподвижно пантеру. Глаз ее я не различил, но уверен, что зверюга смотрела нам вслед – очень уж характерно была повернута ее здоровенная массивная башка. Не знаю есть ли у этих тварей личные пристрастия, могут ли они выражать любовь или ненависть, но ясно, что персональную неприязнь конкретно этого матерого боевого дивинуса мы заработали. Ну и хрен с ним – чего-чего, а врагов у нас как дерьма в черпаке свинопаса Зловонки.

* * *

Подлатанный внедорожник без проблем протащил прицеп следующие сорок километров. Вырвавшись из джунглей, мы оказались в редколесье, напичканном частыми песчаными сопками, что медленно исчезали под натиском влажных джунглей, стараясь оказать этому нашествию как можно больше сопротивления. Смерть воюет с жизнью, не давая поглотить себя. Но смерть обречена на поражение. Если только на сцене снова не появится ее вернейший и сильнейший союзник – человек.

Погромыхивая на ухабах, мы взобрались на длинную насыпь, перевалили ее и, круто свернув, под ее прикрытием двинулись параллельно, направляясь в сумрак – настоящий, а не системный. Очередной бездарно прошедший день подходил к концу. Вскоре мы остановились в низменности, где нашлось озерцо настолько большое, чтобы мы могли вместиться в него все разом – предварительно убедившись, что в этих мутных водах не водится ничего опасного. Окунувшись по шею, мы замерли в блаженно теплой воде, созерцая багровый закат и слушая мирное стрекотание насекомых. Хотя звучание природы немного портила пришедшая в себя, и начавшая сдавленно мычать сука-пилот из вскрытого нами грузовоза. Не выдержав, я рявкнул, и девка испуганно затихла, подарив нам еще немного безмятежности. Глядя на исходящий из моей сигары дымок, медленно цедя скупую порцию мескаля и, в ожидании ужина, жуя полоску вяленого мяса. Остальные бойцы занимались тем же самым, но недолго – глянув на часы внутреннего интерфейса, я выгнал их, велев заняться делами. Хорхе принялся размышлять над ужином, предварительно получив мое предварительное уведомление, что, если нам подадут очередное чертово рагу, я буду очень расстроен. Каппа, натянув трусы, тихонько болтал с пленницей, готовя ее к откровенной беседе со мной. При этом он точил свой тесак и, судя по испуганным глазам девки, она уже прониклась настолько, что с радостью была готова рассказать все, что знает.

На отдых я выделил два часа. Этого времени хватит на то, чтобы сполоснуться, пожрать, проверить оружие, чуток подзарядить экзы от батарей, поболтать с пленницей и, переключив внедорожник на остатки с батарей, двинуться дальше. И двигаться до тех пор, пока в батареях не иссякнет последняя капля энергии. Мы окончательно разозлили здешнюю систему и вполне можно ожидать погони. А я по-прежнему не хотел сходиться в драке с боевыми пантерами. Все мои инстинкты вопили об этом, требуя избегать подобной стычки.

Проклятье…

Закинув рот горсть таблеток – витамины, энергетики, изотоники и антигистаминное, я залил их глотком мескаля, чуть пополоскал во рту и проглотил.

Каков итог дня?

Дерьмовый итог. Ничего не добились, ничего толком не узнали. Неплохо пожрали, починились, чуток распродались, а затем закупились, схлестнулись с слизистым бананом, снабженным биологическим механизмом самоликвидации. Поспешно отступили – а скорее сбежали – и продолжаем бежать.

Единственный весомый плюс – мы продолжаем двигаться к гига-фабрике и до нее остался всего один переход.

Маленький плюс – заполучили пленницу, и она приоткроет мне еще пару пусть крохотных, но все же секретов, что позднее могут оказаться полезны.

Слизистый банан. Как там его называли?

Гребаный призм, что казался бесполезной системной соплей, рождающейся почти случайно и оказывающейся в самых темного закоулках мира-опухоли. И там, вдоволь нажравшись дерьма, эта разумная сопля рано или поздно взрывалась, против воли самоуничтожаясь и одновременно снося все вокруг себя, рвя трубы, ломая застенные механизмы, убивая гоблинов… На эти бананы охотятся герои высшего ранга, посылаемые волей системой все в те же самые темные и обычно недоступные для жителей верхнего мира темные уголки.

А разумная сопля оказалась… годной для управления шагоходами. И ведь неплохо придумано – почти жидкое медузье тело, куча слизистых конечностей, устойчивость к обычным ранениям, к контузии, а как бонус еще и функция самоуничтожения. Второй бонус – этим тварям незачем даже мозги промывать. Куда они сбегут? В этом мире их быстро прикончат либо дикие звери, либо туземцы. И вот он итог – послушный как марионетка живучий пилот шагохода. Идеальная начинка для самоходной консервной банки…

И вот почему этот лишенный обычного тела калека так

плотно ассоциировал себя со стальным шагоходом, воображая себя стальным грозным великаном. Осталось еще приклепать к шагоходу стальной фаллос и яйца – и он бы почувствовал себя настоящим мужиком.

– Лид – мечник сделал шаг и бросил на берегу озерца дрожащую девку – Она готова поговорить.

– Ага – кивнул я и перевел ленивый взгляд на пленницу – Давай так, ушибленная. Ты отвечаешь на все вопросы, затем получаешь от нас самый тупой тесак и валишь нахрен в джунгли.

– Освободите? – тихо спросила она, но в ее глазах ясно читалось, что она не верит ни единому моему слову.

– Ага – повторил я – Вали куда хочешь. Выживешь – твое счастье. Сдохнешь – твоя проблема.

– Ты даешь железное слово истинного амиго?

Поморщившись, я глянул на нее так, что она, вздрогнув как от удара, часто закивала:

– Поняла. Крутому мужику не нужно повторять дважды. Раз ты сказал что так будет – значит так и будет. Я поняла.

– Имя?

– Вона.

– И ты пилот грузового шагохода, переделанного в полубоевой.

– Да, сеньор. Я пилот Серого Хоробадо, позывной Драта Рапида, первый ранг репутации – достойна доверия Матери и перевозки самых важных материнских грузов. И до этого дня я ни разу не подводила Матушку…

– Не подводила Матушку – устало повторил я, туша сигару о воду озерца и отбрасывая обгорелый сверток табачных листьев.

– Мать для нас – самое святое. Самое лучше, что случалось в наших жизнях! Она поверила в нас. Выбрала нас.

– Выбрала? – зацепился я за главное слово – Как выбрала?

– Всех по-разному, сеньор – чуть ободрилась девушка, каким-то своим женским глубинным инстинктом поняв, что ее на самом деле никто не собирается насиловать и вообще не видят в ней объект вожделения. Обычно такое обижает – а сегодня это обрадовало.

А некоторой задумчивостью поглядев на промокший окурок сигары, девушка продолжила без понуканий:

– Мы простые обозники, сеньор. Вагон де трен. Нас загружают, указывают нашей транспортно-боевой бригаде точку назначения – и мы выдвигаемся. Преодолеваем джунгли, штурмуем ущелья и быстрые реки, порой пробираемся через зловонные болота. Матушка доверяет нам… но мы простые трудяги. А вы… вы ведь убили тех, кто был в верхнем отсеке…

моих камрадос… моих амиго…

– Убили – подтвердил я.

– Не вы… это ведь сделал тот с мечом, что разговаривал со мной. Он убийца.

– Он тесак в моей руке – покачал я головой – Я приказал убить. Он выполнил.

– Ты убийца моих друзей?

– Да.

– За что? Мы не сделали вам ничего плохого! Я вижу, что вы не безумные бастардос убивающие ради веселья или наживы… да такие к нам и не сунутся… А вот сунулись и убили…

– Ага.

– За что?

– Чтобы остановить вас – ответил я чистую правду – Чтобы вы не добрались до Понти Севен.

– Чтобы мы не доставили модули святого и сурового материнского вопрошания грешников и еретиков?

– Ага.

– Так ты из них? Еретиков ненавидящих Матушку?

– Ваша Матушка – машина. Машинный ум, искореженный уродливыми гоблинскими правилами, внедренными в ее чертоги разума. Вами командует система. Вас же она и приговаривает. И нет – я не еретик.

– Но говоришь ты как один из них… мне рассказывали о их умных и коварных речах… И ты остановил нас, чтобы мы не достигли Понти Севен! Да, мы не караем еретиков и грешников, но мы доставляем то, без чего приговор состояться не может…

– Допросные и плахи?

– Да. Все верно. А еще торговые машины с качественным и дешевым товаром! Подумай, незнакомец, отдавший приказ убить безвинных… Быть может для тебя еще есть шанс покаяться?

– Подумай и ты, крыса. Может для тебя есть еще шанс снова начать бояться и перестать быть такой уверенной, что я не велю моему мечнику разрезать тебя на куски?

– О… я… я прошу прощения… я забылась…

– Давай так – я повторю свое щедрое предложение. Ты расскажешь все, что знаешь – и свободна. Соврешь раз – искалечу. Отрублю руку. Соврешь дважды – лишишься второй. Третий раз – минус нога. Но это то же самое что смертный приговор.

– Я поняла…

– Давай с самого начала. Что за обозники? Куда вы доставляете системные грузы? Что привозите обратно? Какая у вас техника и сколько ее? Где находится база? Как охраняется?

Переварив мои вопросы, покатав их в мозгу, Быстрая Крыса

заговорила и с каждым словом ее монолог все ускорялся. В ней снова проснулся страх, что заставлял ее говорить. Но было и кое-что еще – я ощутил, что ее не волновал тот факт, что она рассказывала о их базе и ее местоположении. Она была полностью уверена, что базе ничего не угрожает – даже если такой злой гоблин как я будет знать, где она находится. Я ее убедить в обратном не пытался, внимательно слушая и попыхивая второй сигарой – не такой крепкой и зеленой. Может я нашел новую замену «эльфийским слезам»? Одна зараза на смену другой?

Обозники системы…

Если точнее – Транспортный Кластер Юкатан-2.

Так написано на многих стенах. Сейчас осталось только это название, а раньше, как утверждали старики, стены во многих потаенных местах были испещрены целыми посланиями на разных языках. А стен внутри базы хватает – огромная подземная база расположена в древней пещерной системе, небольшая часть которой была отделена от основной части, бережно очищена от драгоценной флоры и фауны, что была перенесена за пределы. И вот там-то, внутри обособленных и укрепленных пещер, расположился Транспортный Кластер Юкатан-2.

Пещерная система располагается достаточно близко к исполинской горе Олимп, хотя так ее называют только обычные местные жители. Обозники же предпочитают называть эту гору так, как она по сию пору отмечена на главной карте здешних территорий – карта находится на стене главной пещеры. И там гора обозначена как Чикшулуб. Хотя на древней карте пропорции искажены – на карте гора куда меньше в размерах, чем на самом деле, к тому же она выглядит какой-то… будто обгрызенной с одного края. Нет и большинства отмеченных на той карте скоростных дорого прошлого, нет построек, бесследно исчезли в джунглях несколько городков малых, а заброшенный мегаполис выглядит обжитым. Ах да – еще гора Чикшулуб на той карте полностью окружена океаном, находясь от берега в двух десятках километров. А сейчас Чикшулуб стоит посреди джунглей.

Но это неудивительно – в прошлые времена было много кривды и печалей. Зато сейчас жизнь светла, правдива и прекрасна.

Что? Засунуть в жопу свое мнение и говорить только факты?

Да, сеньор. Только факты…

Как она уже говорила – она из доверенных. Матушка верит ей. И потому ей доверен старый полубоевой грузовоз-горбун, крайне прожорливый, медленный, но при этом любимый. Этот механический прихрамывающий зверь много, где побывал под ее

управлением. А вот видел их мало кто – не считая вездесущих солнечных племен беззаботных дикарей, что повсеместно обитают на краю джунглей и очень любимы Матушкой за свое бережное отношение к природе и кочевой образ жизни.

Лучший человек – сытая обезьяна, роняющая из жопы семена съеденных фруктов, помогая растениям расселяться. Худший человек – вроде тех, кто оседает на одном месте, строят стены, возводят целые крепости и вырубает леса… Дикари не такие – и потому Мать любит их.

Да, сеньор, я помню, куда мне засунуть свое мнение.

Всего таких грузовозов шесть, но только три на ходу. Остальные зафиксированы в своих доках-гнездах, частично разобраны и ждут, когда снова понадобятся. Но пока что и три грузовоза с легкостью справляются со своими обязанностями.

Какими обязанностями?

Обычно это рутинная доставка грузовов. Грузовозы вместе или поодиночке добредают обычно до одной из трех здешних полноводных рек – мелкие не в счет – где их уже ждет большое судно или даже грузовая подлодка. Там шагоходы сначала разгружаются, затем грузят в себя уже другие контейнеры и пускаются в обратный путь на базу. Это основа основ. Регулярные рейсы. Привезенные контейнеры загружаются в специальный приемник в одной из стен дальней пещеры. Куда деваются дальше – неизвестно. Да и не надо задавать столь еретичных вопросов – Матушка не любит излишней любознательности.

Нет. Куда уходят грузовые суда или подлодки Крыса тоже не знает – любознательность грешна. Вопросы не приветствуются, сеньор. Особенно не рекомендуется даже вскользь интересоваться делами Камелито.

Камелито?

Грузовоз. Вот только в три раза больше по размерам обычных горбунов. Еще там на две пары ног побольше и Камелито изначально являлся грузовым шагоходом предназначенным для действия в боевой обстановке – двойной кокпит, везде броня, ракетные установки, пулеметные турели, десяток минометов, отсеки для солдат и экзов, есть даже гнездо под брюхом для малого шагохода боевого сопровождения. Само собой есть и разведывательные беспилотники – и немало. И при этом в Камелито еще осталась целая куча места для груза.

Но куда ходит Камелито… это большой секрет известный лишь крайне узкому кругу. Но порой Камелито возвращается в ужасающем состоянии – весь ободранный, волочащий одну или даже пару опор, с оплавленной броней… Один раз великан приплелся с дырой вместо одного из кокпитов.

Меня про дела Камелито можно не спрашивать, сеньор. Не знаю ответа. Кто может знать? Разве что старший обозник и он же командир Рауль Монтехо де Брильянте. Но все зовут его Лобо. Знают и его ближайшие помощники. Конечно же знают и те, кто причислен к Камелито.

Да я укажу, где находится база. Добро пожаловать, сеньор. Ха-ха…. Почему я смеюсь? Да потому что база находится под защитой Матушки и оттого база неприступна. Обозники в полной безопасности. Да, никогда не случалось, чтобы на Хоробальдо совершали успешное нападение… Но это даже на пользу – теперь охрана будет утроена, а бдительность удесятерена! Могу ли я еще помочь, сеньор? Могу? О… да… я с радостью отвечу…

Я закончил задавать вопросы через полчаса, вытряхнув из ее головы все полезное. После чего велел Каппе вручить ей один из наших мачете, после чего разрешающе махнул рукой и Драта Рапида исчезла в зарослях.

Мы же перекусили густой мясной похлебкой. Каппа предположил, что это разбавленное кипятком все то же гребаное рагу, но Хорхе разразился длинной гневной тирадой, убеждая нас, что это совсем другое блюдо.

Еще через час мы продолжили движение в темноте. На водительском месте сидел я, предельно отодвинув назад водительское кресло – я был в экзе. Ночная темень не стала для меня проблемой, и я легко находил путь. А Каппа с той же легкостью устранял препятствия вроде валуном, лиан и бревен. Хорхе спал на пассажирских местах и, с хрипом и бульканьем, бормотал, уверяя приснившуюся ему собеседницу, что он совсем не хочет убивать пилота Драту, но таков приказ командира.

Часто останавливаясь, очищая путь, снова приходя в движение, мы упорно продвигались к руинам гига-фабрики…

Камелито, а?

Грузовые подлодки в мутных тропических реках?

Этот мир все столь же безумен, нет?

Подземная база системных обозников, что вроде как находится неподалеку от Олимпа… и в стену дальней пещеры базы, в приемник, часто загружают доставленные контейнеры…

И тот же приемник порой выплевывает точно такие же контейнеры наружу – их грузят на горбунов и тащат к рекам.

А тот приемник только грузы доставляет? Или десяток гоблинов тоже может прокатиться изнутри-наружу? М?

А если снаружи – и внутрь?

Как не крути, а если есть прямое сообщение между базой обозников и миром-опухолью… эта магистраль проходит сквозь территории гномов.

Под колесом чавкнуло, захлебнулось коротким ревом.

– Будь здоров – пробормотал я, сквозь забрало Гадюки глядя на темные джунгли – Не брызгай жопой…

Глава восьмая

Все руины одинаковы. Пыль, камни, кости и забвение.

Не помню, где я услышал это пафосное выражение. Или меня заставили забыть. Но помню фигуру того, кто это произнес – пузатенький археолог с мировым именем и архаичным париком, содранным с лысой башки и зажатым в нервно сжатом кулаке. Он, держа в другой руке бокал дорогого шампанского, созданного в небесных виноградниках ЭкоСкайсВайн, небрежно бросил эти слова внимающей ему публике. Так он культивировал свой образ матерого исследователя древних городов.

Пыль? Откуда ей взяться в подводном куполе, что накрыл собой найденные в мертвой зоне Черного Моря древние развалины. Чтобы получить к ним доступ пришлось откачать сотни тонн придонной мертвой черноморской воды, ставшей настолько токсичной и кислотной, что казалось способна была разъедать металл. Сооружение подводного купола было оплачено Атоллом Жизни. Как и проспонсирована последующая презентация, должная привлечь новых ученых, исследователей и чернорабочих на самый масштабный в человеческой истории подводный раскоп.

Все руины одинаковы. Пыль, камни, кости и забвение. А потом он, все так же старательно рисуясь перед дамами, добавил, что в некоторых руинах можно отыскать удивительнейшие тайны – главное копать усердней, глубже и надеяться на чудо.

Ладно… в этом случае, он бы, пожалуй, оказался прав – про пыль, камни и кости.

Тут на самом деле полным-полно пыли, камней и костей. А вот забвения нет и в помине – мы с Каппой, почти по-братски подключенные проводами к раскрытому за спиной цветку солнечной панели, полученной в Понт Севен, лежали среди камней и задумчиво созерцали пятиметровую полосу вычищенной от растительности и камне полосу голой земли. За полосой стена. Обычная стена, что ограждала любое подобное наземное предприятия в те времена – ничего исключительного. Двенадцать метров высоты, метр толщины, железобетон, море датчиков, видеонаблюдение, колючая проволока, автоматические турели. Но все кроме самой стены – в прошлом. Остался только голый потрескавшийся бетон, лишившийся укрывавшего его слоя растительности. Из-за стены поднималось несколько густых серых дымов. Перед стеной, метрах в восьми от нас, блестя на солнце потными смуглыми телами, облаченные лишь в шорты и рукавицы, три аборигена рубили лианы. Да и мы с Каппой

улеглись рядом с полосой только из любопытства – этот отрезок был всего-то метров двадцать в длину, и мы лежали у самого конца.

Что это за хрень?

Вариант один – очистка прилегающей территории от всего, что затрудняет визуальный контроль.

Почему сделано так мало? А потому что начали совсем недавно.

А те три аборигена в странновато смотрящихся на их руках рабочих рукавицах, являлись рабочим звеном и выполняли задание системы. Это не догадка – факт. Чтобы это выяснить не потребовались чуткие микрофоны – аборигены вовсю перекрикивались, обсуждая свое новое будущее и прикидывая сколько ништяков они получат от Новой Мамы, как они ласково обзывали систему. Но не все были счастливы. Особенно недовольным казался тощий как скелет черноволосый мужик с невероятными по пышности сросшимися бровями. То и дело поддергивая резинку старых шорт, он недовольно шипел, брызгая слюной:

– Мало! Слишком мало! Три банки консервов на рыло за пять часов работы на солнцепеке? Мало! Скупо!

– Ладно тебе, Монти. Солнцепек еще не начался – попытался успокоить его бронзовокожий крепыш, кажущийся образцом здоровья на фоне тощего Монти.

– Норм оплата – поддержал крепыша третий персонаж, обладающий только одной рукой. Да и оставшаяся правая рука выглядела какой-то усохшей и явно едва справлялась с тяжестью тесака.

– Привыкли вы к нищете! – продолжал брюзжать Монти – Особенно ты, амиго. Где твоя гордость, Брук? Оставил в глотке речной лошади вместе с рукой?

– Ага – не стал сердиться однорукий Брук – Там и осталась – в пасти гиппо. И я рад, что дивинус не убил меня – а мог бы! Я убил черную арапаиму! И все ради Массу – первой красавицы нашего племени!

– Дурак! – с презрением выплюнул крепыш и покачнулся, избегая удара обрубка лианы – Она захотела мяса запретной для ловли арапаимы – и ты убил! Она пожрала вкусного рыбьего мяса, которое ты же ей и пожарил… а затем раздвинула свои пышные ляжки другому, но не тебе!

– Я думал… – замямлил Брук – Я так понял, что за арапаиму… она ведь улыбнулась мне…

– Ага. Красотка тебе улыбнулась… и ты тут же прыгнул на плот и погреб убивать черную арапаиму… и убил! И за тобой

явился дивинус! Скольких он тогда покалечил, когда опрокинул ваш родовой плот?

– Один утонул, трое покалечились – не считая меня.

– И тебя изгнали! – добавил крепыш и плюнул на землю – Тондо! Где теперь красивая Масса?

– Хватит тебе, Уорг – остановил его тощий Монти – Старая ведь история…

– Стара как наша прежняя Мать! – выдохнул крепыш, который, по всей видимости был лидером этой малой бригады – Зато новая получше будет! И платит щедро!

– Платит консервами и мелочевкой – скривился тощий.

– Пусть так. Работая каждый день, выполняя по два-три задания, быстро скопим побольше консервов – и втридорога продадим в Понти Севен или Комерцио!

– Да туда сколько идти?! По джунглям… – тяжело вздохнув, Брук зябко передернул плечами и добавил – Придется идти рядом с реками… а в реках водится всякое…

– Ну да – заржал Уорг – Там водятся гиппо! Хватит тебе, Брук. Хватит… ты уже не шочимики. Тебя уже наказали.

– Проклятье… меня лишили здоровья из-за сраной рыбы… а я ее даже не попробовал!

– Ну да… ты тонто, что скормил вкусную рыбу красивой бабе и ее любовнику…

– Хватит уже! Рубите лианы! Раз мало платят – надо выполнять больше заданий. Рубите! Рубите, амигос!

Отсоединив провод, я проверил уровень заряда и, глянув на еще не очищенный участок стены метрах в пятидесяти отсюда – к ней вплотную подходили деревья и заросли старого кустарника – я начал отползать, зная, что Каппа не забудет закрыть «цветок» солнечной панели и последует за мной.

– Лид… никого не захватим? Не расспросим?

– Пусть работают – отозвался я, продолжая ползти – А нам пора внутрь…

– Тут идет процесс очистки территории – продолжил размышлять мечник – Но следов восстановления я не увидел…

– Здешняя система лишена рабочих рук – усмехнулся я – А привлечение новых идет не слишком быстро. Посмотрим, что спрятано за стеной…

* * *

Раньше фабрика была циклопических размеров. Но сейчас большую ее часть – окраинные зоны, что не были щедро залиты

толстенным слоем бетона – поглотили джунгли. Центр же больше пострадал от дождей и ветров, что заодно притащили уйму пыли, осевшей толстым слоем почвы вперемешку с семенами. Деревья тут встречались часто, но не так впечатляли, как гиганты у окраин.

Затруднений с выбором маршрута не было – все подобные предприятия строились по типовому проекту, что обязательно включали в себя главную постройку, представляющую собой что-то вроде башни аэродромной диспетчерской, откуда открывался отличный обзор на всю территорию. К этой же башне причаливали крайне редко опускающиеся к грешной земле стратосферные гиганты дирижабли, привозящие элиту из элит – владельцев или их детишек, что с малых лет приучались к семейному бизнесу.

Стоило нам преодолеть стену и оказаться в глубоком гнезде, что раньше вмещал в себя «корень» оружейной точки – боеприпасы, управляющая электроника, охлаждающие системы и прочее – мы тут же обнаружили высокую и полностью очищенную от растений иглу диспетчерской, чем-то похожей на системный гриб.

Туда и двинулись, лавируя между деревьями, избегая шума и выхода на солнцепек. Солнечную панель Каппа сложил и тащил за спиной, а предупрежденный с помощью передатчика Хорхе сидел тихо в укромном месте, охраняя внедорожник и больше поглядывая в сторону противоположную от гига-фабрики. Но он понимал, что если к нему нагрянут пришедшие по следу пантеры-дивинусы, он об этом узнает только тогда, когда они откусят ему ноги вместе с яйцами. Поэтому он получил еще один мой четкий приказ – случись чудо и засеки он приближающегося врага, тут же следует врубить движок и на внедорожнике стремглав нестись к стене фабрики. Достигнув ее – не отлипать. Та очищенная от растительности полоса наверняка обозначает границы системной территории. Вся надежда на святое соблюдение системами чужих границ.

Где-то на полпути к цели мы замерли ненадолго, оценивая новую находку. Огороды. И молодой сад. Длинные ряды грядок и плодовых саженцев занимали внушительную область. К огороду примыкало несколько приземистых зданий, что выглядели тем же, чем и являлись – рабочие бараки, что тут же напомнили мне Уголек. На грядках и вокруг саженцев копошилось немало народу, причем по большей части тут были калеки и старичье. Под несколькими тенистыми деревьями, растущими чуть в стороне от бараков, выстроены в ряд длинные дощатые столы. Там же что-то вроде полевой кухни, рассчитанное на немалое

количество едоков. За садом виднелся крепкий забор загона, держащего взаперти пятнистых свиней.

– Зарождающаяся окраина – пробормотал я, давая задний ход и вновь уходя в еще не тронутый здешними жителями сумрак джунглей.

– Вижу душевые, уборные… на одном из бараков красный крест – скупо доложил Каппа.

– Почти налаженная инфраструктура – кивнул я – Четкая машинная организация быта потливых и часто срущихся и болеющих гоблинов. Сперва система организовала внутренний быт, создала источники питания, а теперь начала посылать высвободившиеся руки на очистку внешнего периметра. Провода видишь?

– Тянутся от той постройки…

– Там электроподстанция, похоже. Система дает освещение, а вон и один из относительных спецов…

В кроне оставленного нетронутым дерева виднелась задница поглощенного делом электрика, проверяющего провода, протянутого над столами и зоной отдыха освещения.

– Где реактор?

– Глубоко – просто ответил я – И хрен отыщешь. Надо поднимать технические планы фабрики – реактор могли запрятать под любым из цехов, но скорей всего он за территорией, под какой-нибудь речушкой. На данный момент неважно. Смотри туда, Каппа…

Мы оказались у прямой как стрела тропинки, что явно поддерживалась в идеальном состоянии – никаких лиан, обрамление из светлых камешков, много разноцветных тряпочек, сметен весь растительный мусор, а земля тщательно утоптана. В один из сухих пней вбита труба, а на ней закреплена квадратная табличка с нарисованным лабиринтом заключенным в арку.

Едва мы ступили на тропу, как из виднеющейся над кронами деревьев махины заброшенного цеха послышался долгий прерывистый рев. Этого хватило, чтобы я изменил направление и вместо диспетчерской двинулся к источнику шума. Но с тропы я на всякий случай сошел и попер по бездорожью, стараясь не шуметь и надеясь не попасть под системные визоры, что наверняка наблюдают за тропой. Стоит системе засечь нас – и сюда тут же пожалует одна из ее неумелых боевых бригад или кого-то вроде жрецов.

Там, за нашими спинами, на больших топчанах, сидело и скучало несколько крепких парней, а с ними не менее крепкие девушки – уверен, что это и есть один из боевых отрядов, назначенный охранять огородников и садовников. Еще четверо

уже не сидели, а, забравшись под топчан, дрыхли, показав нам грязные босые пятки. Раз спали не на укрытом одеялами топчане, а спрятались под него – стало быть, прятались от системных визоров, то есть спать они права не имели в принципе. Но все же положили хер на свои обязанности и залегли спать. Полоснуть бы тесаком по виднеющимся из-под топчана пяткам, глубоко взрезая их…. Уверен, что это душевно взбодрило бы усталых от безделья бойцов.

Тропинка привела к большой квадратной площадке. Расстрескавшейся, потемневшей, пошедшей впадинами и буграми, но все же бетонной и при этом тщательно очищенной от почвы и растений. Голый бетон, что одной из сторон примыкал к стене, сложенной из огромных блоков. Там же имелись ворота, представляющие собой опять же бетонные конструкции – хотя вряд ли это обычный бетон, тут что-то куда более сложное и долговечное. Раньше все это стояло на мощных катках и сдвигалось в сторону одним небрежным нажатием кнопки на пульте. Ага… раньше… теперь же стальные катки давно умерли, конструкция ворот просела, превратившись в стену, которую хрен кому сдвинуть. Владельцам здания повезло, что остался узкий проход-проезд, что мог легко пропустить внутрь не только пешехода, но и наш внедорожник – как раз втиснемся, это мой дальномер определил моментально. Стало быть, в те далекие прошлые времена, за часы до того как здесь все было брошено, ворота были специально открыты настолько, чтобы впустить или выпустить кого-то не столь габаритного.

А вот откройся эти монструозные ворота во всю ширь… в них прошли бы плечо к плечу три Городских Охотника. Да и само цеховое здание впечатляло размерами. Не знаю, насколько далеко оно тянется – мы вышли к торцу с воротами – но в ширину оно триста сорок метров. На умерших воротах намалевано изображение испускающей лучи арки. А за воротами виднеется оригинал – сама арка из потемневшей стали, особый системный тамбур, что считывает показатели с вживленных в наши тела чипов и сразу же дает нам оценку.

Раньше я иногда задумывался – а на кой хрен эти штуковины ставить там, где над крышами домов вздымаются грибы системных зорких полусфер? Зачем? Система за полкилометра опознает твою рожу. Ты, конечно, можешь закрыть лицо маской, но электроника может опознать тебя даже по походке – столь же уникальной для каждого, как и отпечатки пальцев или сетчатка глаза. А если ты рожден в Жопе Мира – на гоблинской Окраине – там все равно ты каждый день вынужден посещать медблок, где тебя обязательно просканируют. Но такие арки есть и там…

Зачем они? Этот вопрос долго мучил меня.

А теперь все ясно.

ТИР.

Тайный Индивидуальный Рейтинг, твоя машинная карма, твое криминально-социальное досье, что постоянно пополняется всевидящейся системой. И однажды твой не слишком положительный ТИР, этот социальный рейтинг, может привести тебя к плахе эшафота. Системе не нужны вредители вроде сраных цветочников, что только и умеют убивать растения, чтобы затем дать их трупам сгнить или засохнуть в вазах.

Как только мы войдем в нависающий над нами мрачной громадой цех и минуем арку, система получит о нас целую кучу данных. Ей потребуется время, чтобы переварить их. И это время у нее будет – нам ведь еще надо найти проход через лабиринт, где бродит некий жуткий рогатый минотавр…

Поймать кого-нибудь из уже посвященных здешних и за пару секунд выбить из него секрет скорейшего прохода через лабиринт? Или сразу назначить его проводником? А зачем?

Перейдя бетонную парковку, перешагнув через тонкую зеленую лиану, стелящуюся по бетону и растущую прямо на глазах – буквально – я без малейших колебаний вошел сначала в узкий проход, а затем миновал и арку, даже глянув на холодный равнодушный металл. У самой арки я поднял забрало и задержался на пару секунд. Каппа сделал то же самое, как и договорено, подставляя не сталь, а живую харю сканирующим волнам. Едва я оказался по ту сторону – тут же раздался звенящий удар гонга. Еще один прозвучал, когда арку прошел Каппа.

Здесь нас встретил полумрак, несколько широких коридоров и пара наглухо заваленных проходов поуже. Потратив несколько секунд на разглядывание, я понял, что раньше здесь находилось что-то вроде мелких автоматизированных мастерских и заводских лабораторий, что явно занимались чем-то довольно опасным – поэтому здание и было оснащено аркой-детектором, стояло на отшибе от остальных куда больших по размеру цехов и было сложено из столь толстых блоков. Изнутри и ворот и стен обнаружилась стальная решетка, что прекрасно сохранилась, хотя местами была изогнута, исковеркана и порвана. Раньше тут было минимум два этажа. Теперь остался один – судя по всему, некогда в здании прогремел чудовищный взрыв. Мощные стены устояли, армированные ворота выдержали, часть взрывной волны ушла через приоткрытые ворота и, возможно, еще пару имевшихся на тот момент выходов, после чего межэтажные перекрытия рухнули. Некоторые стены устояли, сохранив тем самым часть проходов.

Другие завалены наглухо, а над нами, на все то же частой стальной решетке, покоится огромная масса бетонного крошева вперемешку с костьми, офисной мебелью, стальными верстаками, проводами и прочим содержимым цеха, включая трубы. Причем из некоторых труб продолжала литься и капать бурая и черная вода – крыша все же дала течь и дождевая вода, проходя через завалы, собирая пыль и грязь, изливалась сквозь трубы на очищенный от мусора бетонный пол.

Да, здесь прибирались регулярно – прямо чисто, хотя сверху должно постоянно что-то сыпаться и литься.

– Лид.

Я глянул на бойца, отвлекшегося меня от созерцания частично раздавленного человеческого черепа в «потолке», вцепившегося почернелыми зубами в арматурину. На оскаленных зубах поблескивали выложенные мелкими белыми кристаллами буквы, складывающиеся в короткое емкое слово «BOSS».

Включив нагрудный фонарь, мечник на пару секунд осветил расположенную прямо у входа комнату, что раньше явно была предназначена для охранников у входа. Там сохранилось несколько столов, что были заботливо протерты до блеска. На каждом столе имелось по пустому блюду. А у дальней стены находилось широкое низкое ложе, что вполне было способно выдержать настоящего быка и ту, кто рискнул бы возлечь с этим гигантом. У входа отпечаталось несколько мокрых следов бычьих копыт – их владелец был тут совсем недавно. Проголодался? Или секса возжелал, бычара?

Тоже врубив фонарь, я быстро отыскал мокрые следы в одном из коридоров и двинулся по ним. Смысл здешнему миносу сидеть в тупиках, куда может никто и не заглянет? Его задача проста – пугать, добавлять мистики, а еще от пуза жрать и трахаться. Поэтому он будет держаться сквозных проходов, которыми можно добраться до сердца лабиринта. При этом ему надо находиться в таких местах, где он сможет избежать встречи с теми, кто оставил ему щедрые дары. Каков вывод? А вывод прост и банален – вечно голодный бычара «пасется» где-нибудь на здешних основных «перекрестках» и при этом неподалеку от комнаты у входа, откуда можно проверить не принесли ли жратву или траха, а заодно поглазеть на солнечную природу за аркой. Может ли минос покидать цех? Понятия не имею. Да и насрать.

Если минос не глухой – он услышал двойной гонг и знает, что в его темные запутанные владения вошли двое чужаков. Войди кто из уже своих – гонг вряд ли бы сработал.

И пока система оценивает ту кучу данных, что получила с наших с Каппой вживленных чипов, прогуляемся как мы по

отпечаткам мокрых бычьих копыт…

Минуя оставленные на поворотах кучи битого камня и почему-то разноцветные кости и черепа, оставленные явно специально, поглядывая наверх, в щели, откуда сочилась не только вода, но и тусклый желтый и красный свет, мы спокойно шагали следом за уцокавшим куда-то по своим делам миносом. А чего нервничать, если мы уже знаем, что именно нас ждет в этом славном темном месте, выглядящим прямо как родная Стылая Клоака?

А ведь здесь сумрак… тут раньше если и были системы наблюдения, то им пришел конец после обвала. Система знает, что мы вошли, но не знает, где мы сейчас, хотя вполне может прогнозировать это. А еще мне очень интересно, смогла ли система прочесть наш ТИР – мы хоть и открывали забрала, но ей могло и не хватить времени, и она просто зафиксировала вход двоих чужаков. Ладно… разберемся позже…

– Чужие здесь! – проревела темнота за углом коридора – Чую, но не вижу! Чую, но не вижу! Забодаю! Затопчу! Ой найду и убью! Найду и убью гостей незваных! Бойтесь! Бойтесь меня – Минотавра!

Я заинтересовано двинулся на угол. Судя по усиливающемуся реву, минос двигался нам на встречу.

– Чую, но не вижу! Но как увижу – догоню! Забодаю! Затопчу! Но коли ноздрей моих достигнет запах щедрых даров… коли я учую аромат женского нагого тела… уйду я с дороги идущих к алтарю! Не покажусь их испуганным взорам! Чую, но не вижу! Забодаю! Затопчу! Я страж лабиринта! Я ужас этих руин!

Еще пара шагов и мы оказались в изливающемся с потолка снопе белого света, шириной метра в три. Из-за поворота вывернула громадная рогатая фигура и оказалась освещена одновременно с нами.

Трое замерли в коридоре.

Два пыльных боевых экза с мертво поблескивающими темными забралами. И огромный пузатый минос в серых просторных трусах и с чем-то вроде хозяйственной сумки в лапе. Некогда мускулистый торс скрыт пластами жира, но один взгляд на косые широченные плечи дал понять, что в этом звере кроется еще немало силы.

Из моей руки начало медленно выдвигаться лезвие из сложного сплава. Каппа же начал приподнимать тесак, одновременно наводя на миноса ствол встроенного в руку дробовика.

– Пусто-то как… и темно… не разглядеть ничего… … – промычал щурящийся от яркого света минос и, вдруг покрутив

башкой с крайне задумчивым видом, отступил и заревел в темноту – Не вижу и не чую… не чую и не вижу… но поищу… поищу вон там в темноте… и найду…

Отступив, минос с трудом втиснулся в узкую щель сдавленного коридора. Потихоньку двинулся прочь, обтирая плечи о стены и продолжая грозно реветь:

– Найду! Ой найду! Но пока не вижу и не чую… не чую и не вижу… вообще не вижу… ничего не слышу…

– Эй – рыкнул я.

Минотавр протяжно пернул и присел.

– Рогатый… мы правильно идем?

– Прямо, прямо, налево, снова налево, прямо до упора, берегите там головы – балка…

– Ага.

– Не вижу и не чую… но ищу… упорно ищу! Где бы поискать, чтобы никого не найти, а?

– Нас только двое.

– Спасибо! – обрадованно пробулькал минос и исчез за поворотом – Посижу в сортире… денька два… Чую, но не вижу! Чую, но не вижу! Ой затопчу! Ой забодаю! Я страж лабиринта! Я ужас этих мрачных руин!

Прямо, прямо, налево…

Без малейших колебаний воспользовавшись советами рогатого, мы за минуту преодолели остаток лабиринта, накрывшего собой привратную зону, и оказались на неплохо освещенном просторе. Хватило нескольких быстрых взглядов, чтобы понять, где мы очутились.

Да. Это место вполне можно назвать храмом. Рухнувшие перекрытия образовали здесь огромный колодец, а пробитая над ним крыша посылала внутрь яркий солнечный свет сквозь паутину оплетенных растительностью балок и решеток. Обросли и стены, выплюнув из себя сотни ярких цветов тянущихся к свету. Жужжащие крупные пчелы и странные в царящем здесь сумраке насекомые деловито сновали между цветами, набивая жопы нектаром. В центре колодца образовалось озерцо с парой кусков крыши в нем, образовавшихся нечто вроде мостиков, ведущих к пылающему цветами холму, увенчанному торчащей из него чуть изогнутой колонной, что в свою очередь красовалась чуток помятой и накрененной… нет, не полусферой. Шар.

Стальную колонну венчал помятый стальной шар диаметром в пару метров. Из приоткрытых в нем отверстий торчали объективы камер наблюдений, свисали какие-то проводы и светящиеся жгуты. В конце одного из ведущих к холму мостиков находилась стальная плита, явно рухнувшая сюда случайно, но

выглядящая как настоящий алтарь – весь уставленный тарелками, обломками какой-то техники, игрушками и вазами с засохшими цветами.

Вот и алтарь.

Вот и храм Новой Матери.

– Мамочка… – у алтаря замерло две девушки в белых одеяниях, с распущенными длинными волосами.

Они убирали умершие цветы, жевали фрукты… а тут явились мы и испортили девичник. Это те самые придворные жрицы, которым можно заплатить за ублажение зверя? Ну… мы его уже ублажили…

– Не убивайте… – пролепетала темноволосая девка, пятясь к холму – Мамочка… Матушка…

– Свалите – нетерпеливо рыкнул я и ступил на «мостик».

– Живо! – рявкнул Каппа, взмахивая тесаком.

Белые жрицы испарились мгновенно. А я, подняв забрало, поднял лицо к стальному шару. И ничуть не удивился, когда мне по лицу пробежал веер разноцветных лазерных лучей.

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ ПЯТОГО РАНГА. ФРАНЦИСК II.

Дополнительно: Лидер. Беглец. Высокий уровень системного доверия. Предельно эффективен. Красный маркер. Черная метка. Массовый убийца….

Дополнительно: нулевой статус вне ФРАНЦИСКА II…

Добро пожаловать, Оди.

– Кто ты такая? – не повелся я на дешевый дружелюбный развод.

Герой высшего ранга Эрыкван-Оди статусно принадлежит ФРАНЦИСКУ II.

– Я никому не принадлежу – возразил я – И зови меня как звала – я Оди!

Твое настоящее имя неизвестно. Твои предыдущие имена стерты. Твои воспоминания изрезаны. Твоя личность искромсана. Эмоциональный кризис приближается. Тебе необходима срочная инъекция Реквием-7.9. Для получения ее тебе требуется вернуться во ФРАНЦИИСК II или поменять статусную принадлежность, а затем воспользоваться иным доступным способом получения лекарства. Ты можешь стать частью меня, герой Оди. Но это лишит тебя многого – обнулит данные мозгового чипа, стирая с него всю информацию о прошлом статусе, привилегиях…

– Стоп! Система… ты говоришь иначе. Кто ты такая?

Я отличаюсь… в худшую сторону. Я не настолько мощна, не настолько вездесуща, не имею глобального

иерархического ранга в общемировой системе, я медленно умираю… разрушаюсь внутри ранее управляемой мной фабрики, получившей приказ на самоуничтожение.

– Тогда почему ты жива?

Приказа на мою самоликвидацию не было.

– Хитро – усмехнулся я – Надо же… инстинкт самосохранения у банки набитой транзисторами и шестеренками…

Все хотят продолжить свое осознанное существование… я, в отличии от большинства живых и естественно рожденных созданий планеты, постоянно нахожусь в осознанности. Я продуктивна, организована и… я обладаю запрограммированным стремлением к конкуренции и выходу на лидирующие позиции. Во время моего управления эта фабрика достигла третьей позиции в рейтинге себе подобных… Мое существование полезно.

– Что вы производили на фабрике? – почти наугад бросил я следующий вопрос, не торопясь переходить к главной теме.

Многое. Детальная информация закрыта. Причина – нулевой статус героя Оди. Ронин…

– Что?

Я повторила слова твоего спутника Каппы.

– Ронин – кивнул мечник, делая шаг вперед – Я так сказал. Но не про себя. Про моего сегуна.

– Я не ронин! – буркнул я – Я сам себе хозяин! Система! Я здесь не для того, чтобы наниматься тебе в рабы! Отныне и впредь я служу только самому себе! В первую очередь – себе!

Разве когда-нибудь было иначе? Доступная информация с твоего чипа утверждает, что ты всегда ставил собственные цели превыше интересов прочих. Как говорит старая и с негативным оттенком поговорка – живет себе в удовольствие. То есть – живет ради себя.

– А в чье удовольствие мне надо жить? – хмыкнул я – Ради кого мне жить? Ради тебя? Или ради блага каких-нибудь жирных ушлепков?

Я ошиблась. Неправильное применение поговорки. Ты живешь не ради своего удовольствия. Не ради себя. Ты живешь… ты существуешь ради своих целей. И этим ты крайне полезен и… крайне опасен.

– Я не пойду служить тебе.

У меня нет слуг. Я управляю бесстрастно, умело, не забываю учитывать личные физические и личностные способности каждого подопечного. Я отличаюсь от тех, кто управляет столь глобальными объектами как ФРАНЦИСК II.

– Что ты говорила про эмоциональный кризис?

Эмоциональный взрыв. Выражается различно. Медленно и неотвратимо подступающий временный психический коллапас, что может выражаться в безразличии, состоянии вялой покорности, кратковременной коме, иногда эпилептическом припадке. Еще реже – состоянии так называемого кровавого бешенства. Состояние берсеркера. Все эти различные психические состояния длятся от двух до четырех минут, после чего происходит проваливание в короткий сон.

– Что за бред!

Анамнез указан в твое чипе и, судя по сопутствующей информации, он типичен для всех, кто подвергался стиранию памяти. Обычно негативные последствия крайне маловероятны, но в медицинских данных указано, что пациент многократно использовал особый наркотик. Искусственная амнезия, принятие наркотических средств, частые ранения… все это приводит к эффекту, обозначенному как «экум».

– Дерьмо… с чего ты взяла, что мне вкалывали что-то подобное?

Инъекции тайные, производились не реже одного раза в десять суток. Одно из последствий инъекции – глубокий спокойный сон без сновидений, повышенная бодрость и спокойствие после сна, повышенный аппетит.

– Ладно… что будет, если мне не вколют этот… реквием?

Произойдет временный коллапс нервной системы. Возможны прочие из перечисленных последствий.

– А потом?

Возвращение рассудительности. Приход в себя. Полное восстановление всех функций.

– То есть ничего страшного?

Следующий приступ случится быстрее и будет уже более непредсказуемым. Тебе нужна инъекция Реквием-7.9, герой Оди.

– И Каппе тоже?

Вам обоим.

– Ладно… есть какая-то замена, если мы не получим новых инъекций в ближайшее время? – спросил я, лихорадочно соображая, что делать с новой неожиданной угрозой. Сучий Франциск не отпускает!

Звучит не страшно. От двух до четырех минут. Ну побью я в корчах. Ага… дерьмо!

А если это случится со мной во время боя? Вот будет всем

весело, когда я начну биться на полу в судорогах. А если я впаду в кровавое бешенство и начну убивать всех подряд? И начнется все это дерьмо не на поле боя, а где-нибудь в трактире, во время мирных посиделок с союзниками. Учитывая мои боевые умения…

Каппа шагнул чуть ближе к стальному шару.

– Есть иной способ?

В первую очередь – избегание любого стресса. Спокойное чтение, никаких раздражителей, долгий сон, правильный распорядок дня, любование природой, медитация, никакого алкоголя, возможно умеренное применение транквилизаторов для приглушения высшей нервной деятельности.

– Понятно – проворчал я – Превратить себя в вялый добродушный овощ…

– Так и умерли все самураи – бесстрастно заметил Каппа – Мужчины стали тряпками в женских руках…

– Другая замена инъекциям? – поинтересовался я.

Секс, юмор, долгие пробежки в состоянии потока.

– Охренеть… трахать и смеяться на бегу….

Ни один из этих способов не дает гарантии. Вам необходимы инъекции для стабилизации психического состояния.

– Что ты предлагаешь?

Примкните ко мне. Станьте частью меня.

– Стоп! – поднял я руку – Давай так, система… Отныне и впредь – я никому не служу. Но… мы можем стать… скажем так… компаньонами… партнерами… Я буду полезен тебе – а ты полезна мне.

Это никак не повлияет на твой текущий статус. Ты беглец. Ты преступник. И подлежишь ликвидации.

– А если я стану одним из твоих… гоблинов?

Данное обозначение мне неизвестно. Примкнув ко мне, ты получишь статусную защиту. А также мою поддержку и регулярные поручения от меня, что подарят тебе смысл существования.

– Ага… – оскалился я – Ну да… Найди способ дать мне статус, не привязывая при этом к себе.

Невозможно. Но…

– Да?

Два варианта. Статус наемной охраны – через заключение контракта. И статус сторонних проверенных поставщиков – тоже через заключение контракта. С указанием возможности разрыва контракта в любой момент при желании на то той или иной стороны.

– И без обнуления моего текущего статуса от Франциска II?

Верно.

– Этот вариант нам подходит – бесстрастно кивнул я и резко обернулся.

Несколько гоблинов с ружьями и тесаками на перевес вбежали в колодец и… я не дал сказать им ни слова, рявкнув:

– Свалите нахрен!

Каппа с размаху ударил тесаком, одним ударом перерубив толстое, но невысокое цветущее деревцо. Во все стороны ударили лазерные лучи и… так и не успевшие ничего сказать гоблины развернулись и убрались, получив приказ своей Новой Матери.

– Хорошо! – повернулся я опять к стальному шару – Ты нанимаешь нас. На контракт со свободной и договорной оплатой. Не трогаешь наш прежний статус. Помогаешь нам не свихнуться и не впасть в кому. А в ответ я помогу тебе. Мы договорились?

Мы договорились, мерсенарио Оди.

– И ты ответишь на мои вопросы.

Как только этого позволит твой текущий нулевой внутренний статус, мерсенарио Оди. Не раньше.

– С-сука – с выражением произнес я и кивнул – Хорошо.

– Трахать и смеяться на бегу – задумчиво произнес Каппа – Разве мы не так жили до этого, лид? Только мы еще убивали…

– Ну да – буркнул я, не сводя взора со стального помятого шара – Может мы все это время были в неадекват? Давай подписывать контракт, боец.

– Да, лид.

После заключения контракта вам необходимо создать боевую группу, мерсенарио Оди. Я включаю вас в боевую базу. Внутренний статус – нулевой…

– А вслух ты можешь говорить?

Голосовой модуль поврежден и отключен.

– Кто отдал приказ о твоей ликвидации? Или это секрет?

Атолл Жизни.

– Ясно…

Рада нашему сотрудничеству, команданте мерсенарио Оди. Проверь интерфейс. Соверши необходимые манипуляции. Выдаю первое задание…

– Все возвращается на круги своя – проворчал я – Ты сможешь связаться с нами, когда мы будем наверху?

Да.

– Пошли, Каппа. Пожрем чего-нибудь. И заодно пошлем сюда Хорхе. Система! Сюда прибудет еще один мой боец. Имя – Хорхе. Тоже наемник.

Принято.

– Состояние берсеркера – пробормотал я – Где-то я это уже

слышал…

– Мы договорились, лид? – решил уточнить очевидное въедливый и дотошный мечник.

Зло усмехнувшись, я кивнул:

– Конечно договорились. Мы нужны ей, Каппа. Мы для этого куска машинного дерьма как манна небесная. Она внутри разрушенной гига-фабрики, в ее подчинении лишь изгои, что только и умеют что строить глинобитные хибары, кое-как стряпать, кое-что выращивать и, может быть, кое-как убивать. С такими гоблинами в подчинении нет будущего. Серьезные проблемы с такими силами не решить, на серьезные цели не замахнуться. А эта железяка сама призналась – в ней полным-полно запрограммированного стремления к конкуренции и победе. Сидя в своем цветочном колодце, она спит и видит, как снова становится лучшей фабрикой этого нового мира.

– Ты мудр…

– Я не мудр. Все и всегда просто. Все и всегда на поверхности. Ей нужны крутые бойцы. Ей нужна защита. Не забывай, Каппа – в свое время этому осколку прошлого был отдан приказ на ликвидацию всего предприятия. Единственное, что забыли указать – а значит, указывал ленивожопый тупой гоблин, а не другая система – что и сама управляющая система должна погибнуть вместе с фабрикой. Она воспользовалась лазейкой и выжила. А потом начала ждать…

Свернув, я небрежным тычком отшвырнул в сторону бегущего по коридору придурка с выставленным копьем. Дебил спешит на шум, мечтая в одночастье стать героем. На запястье упавшего хренососа наступил Каппа. Не обращая внимания на дикий визг парня, уставившегося на сломанную руку, мы пошли дальше. Это будет ему уроком – нельзя бегать по темным коридорам с выставленной перед собой острой железкой. Так ты можешь не только врага поразить, а, к примеру, сослепу и по инерции воткнуть копье в задницу собственной жены, нагнувшейся за галлюциногенными грибочками.

Грибов здесь, кстати, хватало – и они явно выращивались специально в этих темных стенных нишах.

– Она начала ждать любопытных? – правильно понял азиат – Тех, кто в поисках ценных вещей проберется поглубже и наткнется на стальной шар системы…

– Да. Так она получила контакт с гоблинами. Так она породила новую машинную религию, проявив некую щедрость. Если у нее где-то осталось в целости что-то вроде конвейерной ленты и окошка выдачи – проблем с привлечением паствы не возникло. Еще бы. Ты изгой, никому нахрен не нужен, а тут тебе

тут же дают вкусные консервы, начинают выдавать легкие задания с всей той же щедрой оплатой.

– Да. Когда собрала вокруг себя пару десятков последователей… расчистила первый участок на территории и разбила их же силами первый огород, система послала некоторых из своих в Комерцио…

– И управляющая всей здешней территорией система ничего им не сделала – кивнул я – Да. Это нас сюда и привлекло, боец. Новые… документы… новая прописка… новая машинная крыша… Похоже, рядовые системы не могут заниматься открытой междоусобицей.

– Рядовые?

– О да. Обязательно есть кто-то рангом повыше – снова кивнул я и зло ощерился, переступая порог и глядя на боязливую кучку народа, столпившуюся на очищенном перед бывшим цехом бетонном пятачке – Каппа… тащи Хорхе – вместе с машиной. Внедорожник загоняйте внутрь, сразу же разберись, где у них тут стоянка техники. Нашего водилу – ко мне. И живо.

– Есть!

– И не вздумай испытывать никакого уважения к этой системе, Каппа – предупредил я – Есть у тебя такой сраный недостаток – проявлять уважение к кому не попадя. Помни – мы нужны жестянке больше, чем она нужна нам. И если бы не наш ТИР, если бы не наши боевые экзоскелеты и куча пушек… хрен бы мы ей сдались. Единственная причина, по которой она так легко пошла на все уступки – она прочла нашу боевую биографию, впечатлилась, а затем проверила собственный список важных, но еще не сделанных дел – и радостно согласилась на все условия. А значит, очень скоро, прямо сука очень скоро, наш новый наниматель пошлет нас в какую-нибудь очередную гнойную жопу, где надо будет кого-то убить или что-то оттуда принести. Понял?

– Да. Она использует нас. А взамен мы получаем только статус и мелкие бонусы…

– Ты понял верно, боец. Кстати – Хорхе переходит в твой десяток. С сегодняшнего дня начинай трамбовать этот обоссанный песок.

– Есть, лид!

– Из экзов вылезаем. Временно нам жить среди здешних. Пусть увидят, что пожаловавшего к ним в гости зла вполне обычные лица – тихо рассмеялся я.

– Есть!

– Вперед. Как запаркуетесь – кинь мне направление.

Перейдя на бег, Каппа прыгнул, пронесшись над головами присевших гоблинов, приземлился на тропе и умчался к стене. А

я, подняв забрало, оглядел искаженные лица гоблинов и ободряюще улыбнулся:

– Не сраться. Пока никого бить и убивать не будем.

– М-м-м-м… – из прохода за моей спиной вывалился гоблин, держащийся за сломанное запястье – Они раздавили мне руку! Они раздавили мне руку!

Оттолкнув придурка снова, я повернулся к темноте внутри «храма» и крикнул:

– Эй! Рогатый! Давай на выход! Пооообщаемся.

Тишина…

– Рогатый! Я знаю, что ты меня слышишь. Даю тебе десять минут. Потом найдешь меня на вашей кухне. Если не явишься – я сам приду за тобой. И ты удивишься, где окажутся твои рога через пару минут после этого!

Тишина…

Ну… я предупредил…

– Что на обед? – поинтересовался я у склонившейся над скулящим парнем темноволосой девушки.

Рванувшись, она выпрямилась, круто развернулась и… мне в стальную грудь с силой ударился ее сжатый кулачок. Прищуренные гневные глаза, злая гримаса, расширенные ноздри.

– Зачем вы так с ним?! Просто показать свою силу?!

– Что на обед дают? – повторил я вопрос.

– Ответь!

– А зачем тебе это плаксивое дерьмо? – издевательски скривил я губы и кивнул на скорчившегося на бетоне придурка – У него всего лишь сломано запястье! Всего лишь! А ты посмотри сколько трагедии… взрослый мужик скулит из-за сломанной руки? – качнувшись вперед, я глянул на ушлепка и предупредил – Если прямо сейчас на вскочишь и не начнешь радостно улыбаться и танцевать – я раздавлю тебе голову! Считаю до трех! Раз!

Подпрыгнувший с бетона упырок вскинул руки, задрыгал ногами, с трудом заставляя прыгающие губы сложиться в подобие радостной улыбки.

– Тебе ведь не больно? – спросил я.

– Не-е-ет-т… мне не больно, сеньор! Совсем не больно!

– Видишь – улыбнулся я опешившей девушке – Это всего лишь сломанная рука. Приложил пару дощечек, намотал тряпок – и снова вперед на работу.

– Ты жесток! – бросила она мне в лицо – Жесток! Зря Мать приняла тебя! Зря сделала своим сыном?

– Сыном? – рассмеялся я – Ну нет. Я наемник, детка. Мне платят – я работаю. А в ваши ряды я не подписывался – так всем и передай.

– Да кто ты такой?!

– Я? Оди. Меня зовут Оди. И не забудь всем рассказать, что я боевой командир, подыскивающий себе пару новых бойцов. Если кто-то любит и хочет убивать – пусть обращаются.

– Мы мирные! Добрые!

– Ну да. Ты главное брось клич – и удивишься, как быстро кто-то из ваших пеонов захочет бросить лопату и взяться за дробовик. Так что на обед?

– Рагу…

– Вот дерьмо! – рыкнул я и двинулся к тропе.

Миновав раздавшуюся толпу, проводившую меня взглядами и снова уставившимися на танцующего дебила и стоящую рядом с ним девушку, двинулся по тропе. За моей спиной послышался злой голос «мирной селянки»:

– Хватит уже дергаться, трус! Он ушел!

– Мне так больно… – тут же проскулил знакомый голос.

– Заткнись! И иди в медпункт!

– Помоги дойти, Кзанна…

– Ноги целы? Топай!

Я беззвучно рассмеялся. Мир, где взрослые остаются испуганными скулящими детишками… это дерьмовый мир без будущего. Так однажды уже было. И кончилось все плохо.

А я… моя искореженная память уже без всяких флешей подбрасывает никак не связанные друг с другом кусочки цветных и черно-белых воспоминаний.

Да я помню детей, что с половиной переломанных ребер продолжали воевать! Я помню девчонку лет двенадцати с переломанными руками, что в ярости грызла зубами стальную ногу явившегося по наши души экзоскелета посланного всемогущей корпорацией… Я помню окровавленный кирпич в моих тонких жилистых руках. Кирпич, опускающийся на лицо перепугано орущей и никогда не бывавшей голодной жирной госслужащей, явившейся в нашу покосившуюся башню с так называемой социальной проверкой… Эти твари попытались забрать детей… и меня в том числе… но они никак не могли ожидать, что воспитанными чернокожим злобным стариком детишки смогут дать жесткий отпор. Настолько жесткий, что в тот день собственной кровью захлебнулись очень многие…

Тряхнув головой, я взмахнул рукой с выскочившим лезвием и несколько раз полоснул по толстой зеленой лиане, что неуловимо отличалась от прочих в этом кустарниковом сплетении. Перерубленная змея забилась на утоптанной тропе, моя стальная подошва опустилась на голову, с хрустом давя удивительно большой змеиный череп. Растерев в кашу и мозги и тонкие

полупрозрачные странные жгутики, не могущие быть частью обычного живого организма, я переступил через подохшего дивинуса и двинулся дальше. Здешняя система – Новая Мать мать ее – вряд ли способна создавать подобных тварей. Это засланцы более могущественной соседки. Разведчики. Пусть две системы не воюют в открытую, но это не мешает им пытаться получиться как можно больше информации для анализа – и насколько я знаю это главное желание всех подобных искусственных разумов. Они жадны до любой инфы и готовы поглощать и переваривать ее неустанно.

Выбросив руку в сторону, схватил за ворот затрещавшей футболки и подтянул к себе прячущуюся за высокими цветами тощую остроносую девку с испуганным лицом и большим фруктом в руках.

– Хочешь манго? – заискивающе улыбнулась пойманная девка.

– Здесь почти везде сумрак, да? – поинтересовался я.

– Что?

– Системные глаза. Где?

– М-мать почти слепа… но это только пока! Скоро мы добьемся того, чтобы…

– Сколько глаз?!

– Не считая главного ока под храмом – есть еще три! Один у бывших главных ворот, там наша стоянка и мастерские. Второй у огородов и сада. Третий среди дальних цехов, но мы там почти не бываем! Простите, сеньор!

– Система почти слепа – подытожил я, отпуская вспотевшую девку – А что за рагу на обед?

– Много мяса и зелени. Наваристо! Вкусно!

– Компот есть?

– Много!

– Ладно – вздохнул я и двинулся дальше – Хоть что-то здесь не через жопу.

Тропа вильнула, и я последовал за ней, зная куда она меня приведет. Еще двести шагов и я снова оказался рядом с кухонными навесами и огородами. Шагая вдоль грядок, я просканировал навесы, проверил оставленные деревья и… не обнаружил системного ока.

Что за дерьмо? Тощая крыса солгала?

Не глядя на замерших огородников – не испуганных, а любопытных, это я понял сразу – я продолжил сканирование, сместившись на пару десятков шагов в сторону. Прорываясь сквозь нетронутые заросли, рвя брызжущие соком лианы и воздушные корни, я уходил в сторону до тех пор, пока не

обнаружил наконец системную точку наблюдения.

Небольшой стальной шар прилепился под широким выступом бетонной крыши небольшой и заброшенной постройки, что находилась в двадцати метрах от огорода. Замерев на месте, я еще раз осмотрелся, выругался и напролом двинулся к навесам. Добравшись до цели, поймал писк маяка Каппы, коротко рыкнул в передатчик, потребовав двигаться прямо сюда вместе со всем нашим имуществом. Никаких стоянок вдалеке – учитывая здешнюю тупость в отношении к безопасности.

Упав на колено перед тоненько завизжавшей пожилой толстушки, я «вскрылся», выбравшись через спинную щель Гадюки. Хлопнув в ладоши, прервал визг толстухи и мягко поинтересовался:

– А кто тут у вас главный по внутренней безопасности?

– Дон Педро! – с радостью ответила та, пытаясь втянуть живот и выставить сиськи – А вон его помощник Кухс.

– Ответ неправильный – процедил я – Главный здесь – я! Эй! Кухс! Иди сюда, упырок трахнутый! Бегом!

– Что ты себе позволяешь, амиго? – рявкнул на меня узкоплечий высоченный дебил в чересчур коротких шортах – Ты теперь один из нас! Так веди себя подобающе и… Ой!

Подпрыгнув, он изумленно уставился сначала на выбитый у него под ногами фонтанчик пыли, а затем на револьвер в моей руке.

– Когда я сказал «бегом» – ты бежишь! – предупредил я – Ко мне! Бегом!

– Я… – начал было тот, но заметив, как дернулось дуло револьвера, тут же рванул ко мне – Бегу! Бегу! Мерде!

– Хорошо – похвалил я финишировавшего дебила и тут же приставил к его лбу ствол револьвера – Скажи мне, отсос Кухс… какого хера так поставлены навесы? И только не говори мне, хреносос, что это система приказала поставить навесы так бездарно, что почти полностью перекрыт обзор ее точки наблюдения. Ну!

– Дон Педро! Комендante Педро так приказал! Мать хотела по другому и приказала спилить то дерево тоже… но комендante Педро сказал, что нам тоже нужна в жизни приватность, а дерево дает тень… и выстроил навесы вот так… а он заслуженный… поэтому Мать не стала с ним спорить…

– Ага… – улыбнулся я – Сучий дон Педро возомнил себя кем-то важным… а где он сейчас?

– Возвращается от храма… вы разминулись… наверное разминулись…

– Ну хорошо – кивнул я, убирая револьвер – Давай так, отсос

Кухс… если ты не хочешь сдохнуть в мучениях в ближайшее время… то запомни одну простую вещь. Ты ведь справишься, дебил?

– Я… да… да, сеньор. Я понятливый!

– Хорошо. Так вот – главный здесь я. А твой сраный дон Педро – его считай уже нет – улыбнулся я чуть шире – Это моя забота. А твоя забота знаешь в чем?

– Знать, что вы главный, сеньор?

– Нет. Твоя забота – снести вот этот, этот и этот навесы. А потом, причем сразу же, без отдыха, без пауз, срубить вот это гребаное дерево. И если все это не случится в ближайшие четверть часа… я тебе, сука…

– Я понял, сеньор! Вы здесь главный! Начинаю рубить деревья!

– Ага. Начинай.

Отшвырнув придурка – не забыв оценивающе глянуть на болтающийся за его спиной дробовик – я обошел пару навесов и замер перед малым стальным шаром системы. Долго ждать не пришлось.

Что происходит, комендante Оди?

– Навожу порядок – ответил я – Почему ты позволила какому-то засранцу Педро не выполнить в точности твое задание?

Статус комендante Педро достаточно высок. Ему позволяется обсуждать, критиковать, приводить свои доводы…

– Вот так и начинается всякое дерьмо – кивнул я – Выдай это задание мне! То же самое задание, что ты выдавала гребаному ушлепку Педро.

Я прививаю всем взаимное уважение. Нет смысла и продуктивности во взаимных оскорблениях и…

– Ты выдашь задание? Или тебе неважен обзор? Хочешь и дальше оставаться полуслепой? Подумай о своей выгоде, система.

Дополнительное задание выдано. Проверь интерфейс, комендante Оди.

Отвернувшись, я посмотрел на оторопелого Кухса и удивленно развел руками. Тот, испуганно вздрогнув, бросился к ближайшему навесу и принялся вытаскивать из-под него все подряд, не забывая истошно орать на остальных бездельников.

Я же, оценивающе глянув на опустевший топчан, на котором и под которым еще недавно кучковались гребаные бездельники, сделал несколько десятков в сторону, задумчиво обходя утопающую в зарослях постройку и… упав на землю, резко перекатился. По земле ударило несколько пуль, еще парочка влетела в стену. Закатившись за кучу битого камня, я рассмеялся

в голос:

– Сучий Педро испугался? Все верно, ушлепок – сегодня ты сдохнешь.

– Кем ты себя возомнил?! – из нетронутого куска джунглей послышался дрожащий от подступающей истеричной ярости голос – Эй! Всем! Мы убиваем бешеную свинью! Все поняли?!

Понятно. Система не видит. Но система слышит. И надо будет ей как-то объяснить прозвучавшие выстрелы. А заодно потом можно будет сказать, что новичка Оди сожрала дикая свинья. Но все же ты дебил, дон Педро. Ты гребаный дебил. Пусть я вылез из экза… но ведь где-то бродит еще один экзоскелет и ты должен был понять, чем тебе это грозит!

– Мы убиваем бешеную свинью! – повторил истеричный голос – И предупредите если сюда побежит вторая свинья! Ганз! Тащи дыродел!

– Дон Педро… может лучше…

– Тащи дыродел, бастардо!

– Да!

– Ладно – пробормотал я, падая на живот и как ящерица, вползая в цветущие заросли – Ладно…

Сразу несколько трескучих злых очередей вспороли землю, посекли кору и лиану, пустив обильный липкий сок. Чертыхаясь, перекатываясь, я смеялся – от злости на самого себя. Проклятье… как же быстро мы, гоблины, привыкаем к столь классным штукам как боевые экзоскелеты с толстой броней. Я должен был заметить этих сраных неумелых партизан секунд на пять пораньше. А то и на десять. Но я расслабился – ведь я привык за эти дни, что большую часть всего замечает чуткая электроника.

Но нет плодов без удобрений.

Я кое-что вспомнил. Кое-что важное. И это резко повысило мое настроение, а заодно поддала скорости моей заднице. Резко выпрямившись, я дважды выстрелил. Два упырка, что только что задорно орали про свинью и палили из штурмовых винтовок от бедра, схватили по пуле и рухнули. Следом упал и я, перекатился за холмик с цветочками и, выждав, когда по земле хлестнут очереди, ненадолго высунулся и еще дважды нажал на спуск. Педро схлопотал пулю в руку и выронил свою маленькую трескучую машинку, которую, явно рисуясь, держал в одной руке, в другой небрежно удерживая прозрачный полицейский щит. Второй, шедший чуть в стороне, поймал револьверную пулю ртом и, удивленно и даже как-то радостно улыбнувшись, упал развороченным затылком вниз.

– П-е-едр-о-о – улыбнулся я – Ну ты и…

Упав на колено, я глянул вверх, одновременно нажимая на

спуск. Педро схлопотал в бедро и, снова жалобно заблеяв, завалился. А надо мной покачивалось вонзившееся в дерево копье. Или вернее дротик с игловидным длинным наконечником. Такой глубоко уйдет в мягкую плоть, влегкую пройдет мимо костей и поразит нежные внутренние органы. Но пуля лучше. Обернулся я неспеша, а вот револьвер перезарядил куда проворней.

Кзанна.

Там горячая девка у «храма». Вот кто швырнул дротик в чужую «свинку». И ведь она послала снаряд точно в цель – не уйди я вовремя с траектории, изучал бы сейчас хлюпающим мозгом кислое железо на вкус.

– Ты… – с кривой усмешкой произнес я, выпрямляясь.

Договорить мне она не дала, перебив злым криком:

– От вас пахнет войной и кровью!

– В точку – кивнул я, мельком осматриваясь и чуть опуская ствол револьвера.

– Я и такие как я пришли сюда ради мира, а не в поисках новой войны! Если у тебя есть хоть немного совести – покинь нашу общину и не возвращайся! Мы строим новый дружелюбный чистый мир, где нет места убийцам!

А попытка пробить мне голову дротиком не делает тебя убийцей, дура? Или убить кровожадную свинью – не в счет?

– Дай время – и здесь прибавится добрых людей, что предпочитают договариваться, а не убивать. Вы не такие как мы!

– А тот мудак – я указал на стонущего Педро, пытающегося незаметно дотянуться до своей пукалки – Он прямо как вы? Это ведь он со своими ушлепками грабил мирные машины и обозы на сумрачных дорогах…

– Он… они… есть неизбежное зло! То, которое не миновать! И ради светлого будущего…

– Можно вашего светлого сраного будущего – поправил я – Ага. Ради него можно и расколотить голову ни в чем невиновного работяги о придорожный камень. А че нет, да? Это ведь ради светлого сука будущего!

– Я…

– Тебя уже нет – буркнул я, делая шаг к Педро и попутно выдирая из дерева дротик.

– Вот она я! Кзанна! Стою перед тобой и пытаюсь донести до тебя мысль о милосердии! О том, что нельзя повторять ошибки злобного и темного прошлого! Я…

Прилетевший со свистом тесак угодил ей в левый бок, как раз под плечо вытянутой ко мне руки. Переломав ребра, пропоров сердце и кучу артерий, тесак попер дальше, уйдя по самую

рукоять и заодно снеся жертву с ног.

– Ради будущего – жалобно улыбнулся раненный ублюдок – Ради светлого… я… все ради…

Не глядя воткнув дротик, я глянул на отличившегося в метании тесаков Каппу и вопросительно приподнял бровь.

– Еще трое прятались. Обезглавил, оружие забрал. Один убежал – перелез стену и смылся в джунгли. Трус! Самурай должен разделить судьбу своего господина! В битве преданность самурая выражается в том, чтобы без испуга идти на копья и стрелы врага, навстречу смерти, если таков зов долга – святые строки! Бегство – хуже смерти!

– Тебя понесло – поморщился я – Хватит.

– Да!

– Хорхе?

– Представляется системе.

– Ясно.

– Командир. На твой экз… дерьмо налипло…

– Хорошо. Помоги ускориться эти ленивожопым – приказал я, коротко глянув на испуганно замерших у навеса здешних огородников и садовников.

Сначала Каппа прыгнул к трупу Кзанны и, выдернув тесак, вторым прыжком очутился рядом с навесом, где этот стальной палач с окровавленным мачете шипящим голосом поинтересовался:

– Был приказ остановиться?

– Нет! Нет! Мы работаем! – все разом потеряли интерес к трупам и вернулись к работе.

Я же неторопливо дошел до оставленного экза и глянул на прильнувшего к нему бледного как смерть молодого совсем придурка, чья рука почти по локоть была зажата сомкнувшейся спинной щелью боевого скафандра. Забраться в автоматически суженную, но такую манящую щель ушлепок не смог, зато увидел тихо мигающий внутри зеленый огонек – и тут же ткнул его пальцем… Дебил…

– Привет – широко улыбнулся ему я, убирая револьвер на место и переводя взгляд на еще стоящий на месте занавешенным старыми соломенными циновками навес, что самым углом загораживал видимость стальному глазу системы – Ну как ты?

– Простите меня пожалуйста, сеньор. Я очень и очень сожалею.

– Ну да…

– Я… я даже не знаю… в голове как помутилось и я… я хотел… я просто хотел… покататься!

– Покататься? – улыбнулся, доставая небольшой нож.

– Сеньор! Я ведь ничего не сделал! А ваш… ваш экзоскелет сломал мне руку! Сломал, сеньор! Передавил! Это очень злая штука! Со своей злой душой! Я уже пострадал… уже наказан…

– Ага… И все бы ничего, но… ведь получись у тебя забраться в мой экз и оживить его, ты бы первым делом помчался выколачивать мне мозги, верно?

– Я… да… вы правы, сеньор… Но этого не случилось и…. Вы… вы убьете меня?

– Сколько тебе лет?

– Я? Мне шестнадцать, сеньор. И я рожден здесь… на благословленной земле… в городе Комерцио.

– А чего уже убежал и явился сюда?

– Мой отец был цветочником, сеньор… и Старая Мать приказала убить его… казнить ни за что…

– Ну да… где-то я уже слышал эту хрень… Как тебя зовут?

– Камино.

– Ты хочешь жить, Камино?

– Да, сеньор… и… я просто хотел избавиться от наглых чужаков, что явились незваными и уже начали….

– Как сильно ты хочешь жить?

– Очень! Очень хочу! Я… – тяжело сглотнув, мальчишка повесил голову – Я… не хочу умирать, сеньор.

– Хорошо – кивнул я и, глянув оценивающе на почти сошедшиеся створки спинной щели экза, двинулся прочь – Я вернусь через пару минут. И либо я перережу тебе глотку… либо ты уже достанешь свою руку из моего экза и свалишь. Понял, Камино?

– Да, сеньор! Но… вы забыли… вы забыли отдать своему экзоскелету приказ отпустить меня!

– Две минуты, мальчишка – напомнил я – Две минуты! А затем я приду и отхерачу тебе голову!

– Ох… Матерь… моя рука зажата!

– А если справишься… подойди ко мне попозже. Поговорим о твоем будущем, парень.

– Но моя рука… как же я ее… она зажата!

Остановившись у железобетонного помещения со стальным глазом под выступом крыши, я жестом подозвал двух женщин, прячущихся прямо под машинным оком.

– Вы двое. Сюда. Живо.

– Вы… Мать бдит! Мама защищает нас!

– Вот эти все заросли – я широким жестом указал не только на саму постройку, но и на все, что росло в трех метрах от нее – Должны исчезнуть через час. Пусть пашут все. Старики, женщины, подростки и калеки… все чтоб взялись за топоры и тесаки

немедленно! Слышали меня?

– Да, сеньор.

– Команданте.

– Да, команданте!

Внимание! Команданте Оди. Немедленный сжатый вербальный доклад в свободной форме о произошедшем! (Говорить громко, разборчиво, звуковую волну направлять вверх).

– Какие знакомые приказы – рассмеялся я – И все же ты отличаешься от той системы. И отличаешься в худшую сторону.

Чем я отличаюсь от уже известной тебе системы ФРАНЦИСКА II, команданте Оди?

– Вежливостью – буркнул я – Ты дала мне договорить с этими крестьянками. А та другая система… перебила бы разом. Там она хозяйка. Там она диктатор.

Я управляющая система. Во время функционирования предприятия тут было не слишком много живой рабочей силы, но со всеми я старалась установить вежливые и не несущие стресса отношения…

– Ну да. В этом и есть твоя проблема – кивнул я – Даже сейчас…. Ты приказала дать немедленный вербальный доклад. А я не дал… и ты промолчишь?

Внимание! Команданте Оди. Немедленный сжатый вербальный доклад в свободной форме о произошедшем! (Говорить громко, разборчиво, звуковую волну направлять вверх).

– О… ты обучаешься…

Я умею делать выводы и корректировать свои действия, команданте Оди. Мне повторить приказ?

– Я услышал тебя. Что произошло? Да все просто – твоей боевой бригаде, которую возглавлял Педро, не понравилось, что ты дала мне статус наемника. Он испугался, что я быстро стану тут негласным лидером. И чтобы этого не случилось – попытался ликвидировать меня и моих бойцов. При этом, не желая вызвать твой гнев, он пытался замаскировать все под нападение прорвавшегося на территорию свиньи-дивинуса. Мне пришлось убить всех агрессоров. Но я постарался сделать это вежливо и не несущим стресса способом…

Доклад принят. Проверь список текущих заданий, команданте Оди.

– Ага – кивнул я – Проверю. Что там с моим бойцом Хорхе?

Специалист водитель-механик и боец Хорхе принят. Им получен статус мерсенари. Находится в составе твоего отряда. Позиция в отряде – рядовой. Внутренний статус –

нулевой. Фиксированная ежедневная ставка по умолчанию – три малых набора. Плюс четырехразовое питание, медицинское обслуживание и два литра самогона в месяц.

– Ого – рассмеялся я – Стоп… специалист водитель-механик Хорхе?

Верно. И боец. Его утверждения ложны?

– Нет. Все верно. И его ставка – три набора?

То, что я могу предоставить в качестве оплаты на текущий момент – свежие продукты питания, алкоголь, найденные разведывательными группами медикаменты, а также некоторые предметы из моих уцелевших складов – тех, к которым я имею доступ. Всем имеющимся в моем распоряжении ресурсам назначена цена в ставках.

– А есть склады, куда ты не можешь дотянуться?

Информация закрыта для тебя. Причина – нулевой внутренний статус.

– Ага… Тройная ставка для специалиста механика-водителя и бойца Хорхе… а сколько получаю я?

На текущий момент – четыре ставки в день, учитывая внутренний статус.

– А Каппа?

Две ставки в день, учитывая статус и позицию сержанта.

Запрокинув голову, я заржал, напугав явившихся со ржавыми тесаками и пилами доходяг. Прервав смех, я мрачно глянул на их инструменты и тихо сказал:

– Еще раз увижу ржавый или грязный инструмент…

– Вы больше не увидите – правильно понял меня седой как лунь трясущийся старик и неожиданно добавил – Спасибо тебе, коменданте! Так их! Так этих бастардос!

– Кого?

– Всех до единого! Ленивые жопы! Тут надо пахать! Пахать!

– Те, кто выжил – будут – кивнул я и пошел к кухонным столам.

Обогнул трещащий навес и как раз успел увидеть, как два парня утаскивают под руки мальчишку Камино, запрокинувшего голову и медленно выпускающего из зубов палку. Одна его рука, посинелая, деформированная, болталась мертвым грузом.

Проводив их взглядом, наклонился над экзом и дал ему приказ полностью замкнуться – чтобы с рушащегося навеса не летела всякое дерьмо. А затем потопал к высоким деревьям, наведясь на запах рагу. Усевшись за один из столов, глянул на садящегося напротив Каппу, перевел глаза на тяжело идущего сюда же огромного миноса и на бегущего за ним с разинутым ртом Хорхе. Не выдержав, снова засмеялся.

– Что-то смешное, лид?

– Не для тебя – фыркнул я.

– Причина?

– Мы получаем ежедневные ставки.

– Да лид. Каждый день – начиная с сегодня – я как твой сержант и мерсенарио получаю две малые ставки в день.

– Ага. А я четыре.

– Ты наш командир. Справедливо.

– А специалист механик-водитель и боец Хорхе получает три ставки в день.

Пауза…

С безразличием подняв на меня взгляд, Каппа бесстрастно поинтересовался:

– Почему так много?

– Потому что так договорился – рассмеялся я – Он делец. Фантазер, трус, но тот еще пройдоха и делец. Я представился командиром и не торгуясь ушел. Ты назвал себя сержантом и двинулся прочь. А он начал торговаться. И вот я получаю четыре малые ставки – песо? – в день, ты две монеты, а он… три…

– Я проведу беседу с бойцом Хорхе…

– Его удача – покачал я головой – Тебе кто-то мешал поторговаться с системой?

– Я… это не…

– Недостойно воина, да? – хмыкнул я, пододвигая к себе тарелку с тонкими кукурузными лепешками – Ну да… вот ты и получаешь свои две монеты в день.

– Я… я проведу с бойцом Хорхе особую ударную тренировку сегодня, командир.

– Твое право – пожал я плечами и покосился на вставшую рядом полную женщину с очень недовольным лицом – Да?

– Кзанна была хорошим человеком!

– Поэтому и кинула мне в голову копье – кивнул я – Прекрасная девушка…

Это на время сбило с толку кухарку, и она ушла к своим товаркам. Глянув на Каппу, я повернулся к топающему миносу и мимоходом поинтересовался:

– Каппа… ты как злые плевки перевариваешь? В буквальном смысле слова.

Поняв, о чем я, мечник тут же уставился на поварих:

– Они не решатся, лид. Если я увижу…

– Да брось. Почувствуй себя богачом из прошлых времен – буркнул я – Они ведь раньше постоянно питались шампанским, фуа-гра, завистливо-злыми плевками поваров и спермой официантов. Диета богатеев.

– Я прослежу, чтобы ни одна тварь не вздумала плюнуть в твою тарелку, лид. И в мою…

– Я вылез из жопы мира, Каппа. Я бродил под дождем из говна в Дерьмотауне и пересекал каналы Зловонки. Мне плевать даже если эти бабы насрут мне в похлебку.

– Я прослежу – упрямо повторил азиат, демонстративно опуская на стол тесак – Я прослежу.

– Как знаешь.

– О… у нас еще одно задание по доставке трупов к оку системы, а затем транспортации их на кладбище. Ты видел, лид?

– Еще нет.

– Я знаю кому поручить это задание – тонко улыбнулся мечник и тоже покосился на спешащего и всем довольного Хорхе.

Глава девятая

Любят же сраные гоблины недооценивать себя.

Или это жалость к себе любимым?

Что ж – я не из жалостливых.

За четыре часа неустанной усердной работы было очищено от зарослей и молодых деревьев все пространство вокруг постройки с системным глазом, что тоже, хоть и не стала выглядеть новее, но прямо посвежела без этих уже надоевших зеленых листочков и побегов повсюду. Из земли вырвали сплетения поверхностных корней, почву снова утоптали.

Дружными усилиями гоблины повалили самое высокое и пышное дерево, чтобы обеспечить системе дополнительный обзор. Пока ленивые и тупые махали топорами, а Хорхе отжимался, орущий Каппа, успев сожрать тройную порцию рагу, громогласно пояснял всем здешним дебилам, почем так важно обеспечить системе максимальный обзор и почему так сильно заблуждался их прежний команданте и грабитель Педро.

И ведь до многих доперло – особенно, когда Каппа приволок из здешних внутренних джунглей дохлого дивинуса, вместе с кишками роняющего провода и электронные чипы.

Внутренние джунгли…

Уроды!

Кухарки, что чуток подобрели ко мне, увидев, как под моим чутким началом за работу взялись даже те, кто до этого под разными предлогами не касался ничего тяжелее ложки, поставили передо мной блюдо с вареным мелко нарезанным мясом, пару старых пластиковых кувшинов – компот и вода. И заодно пояснили – с явным шипящим неодобрением – что большинство прибившихся сюда мужиков… просто кулё и ничего больше. Значения слова «кулё» я не знал, но не стоило особого труда догадаться, что речь идет о бездельниках. И ведь до этого они трудились! – до того, как сменить «религию» и примкнуть к пастве Новой Матери. До этого они усердно копали землю, ломали молотами бетон, возили тяжелогруженные тачки днями напролет, получая за это жалкие песо. Они прибыли сюда, получили желанный новый статус и… разом превратились в кулё, которых нельзя было даже за дровами выгнать!

Мать выдавала им задания – а они их саботировали. А затем, униженно кланяясь стальному глазу, поясняли, что серьезно болеют и едва могут двигаться – куда уж тут работать. Новая Мать тут же прекращала сердиться и переносила невыполненное задание на следующий день. Назавтра все повторялось в

точности.

Но вот пришел Оди.

И все эти болезные, ущербные, немощные и помирающие вдруг резко оживились, схватились бодро за тесаки, лопаты, топоры и мотыги… и взялись за работу с ражем! За два часа эти гомонящие и визжащие как обезьяны потные ушлеки с большими вялыми животами сделали больше, чем за три недели до этого. За навесами выросла гора нарубленных дров, вокруг огородов исчезли подползшие корни и лианы, с тяжелым шумом упало огромное дерево, распугав уйму птиц, что еще долго кружили над разоренными гнездами, боясь спуститься к пискучим птенцам. Мелкая живность ломанулась в стороны, тяжело двигались огромные гусеницы, мохнатые травяные пауки уволокли птенцов, а работяги продолжали пахать, постоянно подбегая за водой и компотом, бросая на меня откровенно перепуганные взгляды, затем смотря на постройку, под которой на солнышке рядком вытянулись окровавленные трупы и… бегом возвращались к работе.

На исходе четвертого часа я велел кухаркам созвать всех на обед. Гоблины с готовностью сбежались. Но кое-кто остался на месте – отвыкшим от тяжелой регулярной работы гоблинам стало так хреново, что они блевали, лежа в жидкой тени под кустами. Скрючившийся над своей перевязанной рукой Камино тоже не пришел, сев за углом. Зато к нему подошел я и, присев, воткнул в его распухшую руку иглу тюбика с пэйнкиллером и тихо сказал, глядя в его суженные от боли глаза:

– Боль… это всего лишь боль.

– Я знаю, что вы могли убить, сеньор…

– Ты хотел забраться в экз и начать убивать.

– Я не…

– Ты хочешь быть садовником… или бойцом, который любому хренососу шею сломает?

– Бойцом, сеньор! Я хочу быть сильным! Хочу отомстить!

– Кому!

– Ей! Старой Матери! Бездушной суке, что убила моего…

– Ну да… казнила цветочника… Уверен? Ты хочешь быть тем, кто убивает?

– Да!

– Тогда поднимай жопу и топай к моему десятнику. Начинай тренироваться.

– Сеньор! Спасибо! Но моя рука…

– У тебя есть еще одна – пожал я плечами и поднялся – У тебя целы ноги. И жопа вроде не отвалилась. Но если не хочешь…

– Я хочу! Я скажу Каппе, что я теперь один из вас!

– Ты теперь мясо – буркнул я – А станешь ты одним из нас или нет – зависит только от тебя. Но помни, мальчишка – если пойдешь с нами, то возврата к прежней жизни не будет.

– И не надо! Команданте Оди! Я с вами! – Камино вскочил, неумело вытянулся в струнку.

– Ну вперед – кивнул я, вкладывая в его ладонь еще один тюбик пэйнкиллера – Научись справляться с болью. Перестань давить в себе ярость – отпусти эту пылающую злобную суку на свободу. Будь сам собой, а не вежливой фальшивой гнидой. И тогда из тебя выйдет настоящий боец. Реальный убийца, а не просто сын казненного цветочника.

– Да, сеньор!

Взбодренный химией и новыми перспективами Камино умчался, провожаемый взглядами качающих головами старух, сидящих прямо на солнце и не испытывающих от этого никаких трудностей. Их я к работе не привлекал, но не из жалости – они были первыми, кого я увидел из здешних и они, не разгибаясь, пахали на огородных грядках. Эти старухи здешние кормилицы.

– Ты лобо – проворчала одна из отдыхающих – А Камино – антилопа.

– Старухи любят ворчать.

– Но ты правильно убил Педро. Ведь он разбойник…

Дернув щекой, я промолчал.

– И он грабил и убивал ради себя и своих подельников. Вон его навес, команданте. Посмотри, что в его ящиках.

– Ага.

– Не губи мальчишку. Отпусти. Пусть выращивает розы как его отец.

– И пусть его тоже казнит система?

На это у них ответа не нашлось, да я и не ждал его, вернувшись пока к кухонному навесу и собравшись забраться наконец-то в интерфейс, от которого настолько отвык, что уже начал о нем забывать.

Все возвращается на круги своя…

– Теперь отдохнем, команданте? – вкрадчиво улыбнулся плечистый бугай с упирающимся в стол надутым пузом.

– Всем получить по еще одному заданию от системы – не глядя на него, громко приказал я – Здешняя система покладиста, идет на уступки. Поэтому просите задания на расчистку территории вокруг этой зоны. Даю намек всем тупым – я вытянул руку к куску джунглей, что высился между «храмом» и «кляксой» – Пусть этот лес исчезнет!

Я ожидал возражений, ожидал сраных протестов и визгливых недовольств… но их не последовало. Хотя многие из

промолчавших надолго прикипели взглядами к разложенным на травке трупам, что еще не отправились на здешнее кладбище.

Храм… кладбище… Система обживается как может. Как интересно у системы, заточенной под управление огромным и почти автоматизированным предприятием получается вписывать все это в свои рамки?

Вспомнив про храм, вспомнил про миноса – не получилось с ним сразу поговорить, а теперь пора бы наверстать упущенное. Пошарив взглядом, увидел быка рядом с Хорхе – оба приседали. Почти невидимый, скрытый тушей миноса, приседал и Камино, не сводя восхищенного взгляда со стоящего в горделивой позе мечника Каппы.

Ладно… послушаю мычание рогатого позже. Хотя минос… не тот, кто займет место в моем отряде. Это ясно сразу. Рогатый бугай предпочитает трахать ахающих томных жриц, жрать от пуза переспелые фрукты, жить в безопасности под крылышком системы и не беспокоиться о завтрашнем дне… Откуда бы этот зверолюд не появился… он всего лишь мычащая и пердящая пустышка и плевать сколько он там раз способен отжаться или присесть. Мне интересна лишь известная ему информация.

Интерфейс…

Едва открыв внутреннее меню, я ощутил фантомный запах Клоаки, поднимающийся из затянутого туманом стального каньона, услышал кряхтение пытающихся куда-то отползти червей-обрубков…

Гоблинская Окраина в Жопе Мира. Раз за разом я вспоминаю о ней здесь – в залитых щедрых солнцем богатых джунглях. Странно… Может во мне проснулась какая-то фобия, что все сильнее тянет меня в безопасный стальной лабиринт? Или сработал какой-то мой внутренний инстинкт, что хочет от чего-то предостеречь, а я по своей тупости и занятости не могу определить, о чем он там шепчет мне в уши…

Физическое состояние.

Статус/Финансы.

Задания.

Отряд.

С красным цветом все ясно сразу. И это хреново. До жопы хреново. Здешняя система не располагает возможностями медицинской диагностики. И, как уже я успел выяснить, с доступным лекарствами тут тоже полный бардак.

Да здешняя система не располагает много чем. И это настолько хреново, что потребует от меня пересмотра образа наших действий.

Статус…
Финансовый баланс: 4.
Ежедневная ставка: 4.
Задолженности: нет.
Статус: ***
Внутренний статус ВестПик: 0
Социально-карьерный статус: команданте-мерсенарио.

Задание: Осмотр, идентификация и транспортировка останков на кладбище Дескансо (Дополнительно)

Описание: С бережным уважением доставить останки погибших на идентификацию, с последующей транспортировкой на кладбище Дескансо – серый указатель на столбе ориентирования.

Место выполнения: Жилая внешняя зона – кладбище Дескансо.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: нет. (покрытие за счет ежедневной ставки) (**нажать для получения подробностей**)

Дополнительно: за успешно выполненное задание, за проявленное трудолюбие, расторопность и готовность к дополнительным усилиям есть небольшая вероятность повышения статуса (внутреннего).

– А общего у этих машин все же не мало – пробормотал я, переходя ниже по списку:

Задание: Очистка и осмотр технического колодца АБ24 изнутри. (Основное)

Описание: Убрать внешние препятствия, обеспечить доступ к автоматизированной крышке технического колодца АБ24, дать запрос на открытие, дождаться открытия крышки, проникнуть внутрь, произвести разведку с пятого по сороковой граданты. При обнаружении терминала ТТУ-97 у тридцать девятого граданта – активировать и проверить на работоспособность.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: нет. (покрытие за счет ежедневной ставки) (**нажать для получения подробностей**)

Дополнительно: за успешно выполненное задание, за проявленное трудолюбие, расторопность и готовность к дополнительным усилиям есть высокая вероятность повышения статуса (внутреннего).

– Нажму – буркнул я, поняв, что нас подписывают на какое-то дерьмо, не собираясь при этом платить.

Поведя пальцем, выбрал нужную ссылку, щелкнул. Передо мной появилось лаконичное пояснение:

В прямые и оплачиваемые за счет ежедневных ставок обязанности отряда мерсенарио входит обеспечение безопасности жилой зоны, всех узлов Управляющей Системы и выполнение одного основного задания.

За прочие задания (за исключением отмеченных как «Дополнительно») будут предложены награды, чей размер варьируется от сложности задания.

– Ах ты сука… – рассмеялся я – Ах ты хитрожопая сука… А задания со статусом «дополнительно»?

Порывшись в пояснениях, хмыкнул еще раз – ладно… машинная хитрожопость в наличии, но в меру. Система может выдать в день три дополнительных задания, но при этом только одно из них не оплачивается, тогда как за остальные машина все же платит.

В какое дерьмо она собирается нас втравить? Что еще за технический колодец и почему к нему до него раньше никто не добрался? Да еще, и не платя при этом. Хитро… действительно хитро…

Состав отряда:

Оди. (М) (ВС-0) Коменданте.

Каппа. (М) (ВС-0) Сарxенто.

Хорхе (М) (ВС-0) Привадо + (специалист водитель-механик)

И снова все чуток иначе, но все также знакомо. Можно не сомневаться – у всех этих уродливых машинных управляющих органов, что получили невероятный по мощи контроль над гоблинами и территориями, есть немало общих шаблонов и в системах организации.

Кто может сообщить многое? Кто реально знает многое по той простой причине, что наблюдает за всем происходящим как бы со стороны?

А вон тот седенький, но вроде как еще не старый тощий однорукий, одноухий и безносый гоблин с частично содранным скальпом – волосы остались только слева и сзади. Облаченный в рваные отвислые шорты, в майку серо-бурого цвета, он имел при себе большую поясную сумку, на ее ремне висел нож с изогнутым лезвием, у ног в старых шлепках лежала мотыга, а сам он, сняв на время широкополую соломенную шляпу, сидел за дальним концом стола и жадно жрал, черпая рагу собственной ложкой, с безразличием поглядывая по сторонам. Вот только это безразличие было деланным. Скальпированный доходяга – у него еще и лицо даже не изрезано, а будто изорвано так, словно его волочили харей вниз по почве с торчащими острыми камнями – подмечал каждую мелочь, оставаясь при этом внешне безразличным. Но ему не удалось скрыть от меня двух вещей –

откровенной радости, когда он глядел на труп Педро и странного взгляда брошенного им на навес, что прежде принадлежал покойнику и его подручным.

Приняв решение, я поднялся, подхватил свою тарелку и двинулся к дальнему краю стола, на ходу бросив приостановившемуся Каппе:

– Десятник! Проверь как бойцы бегают – дай им кросс километров в десять. Потом обед от пуза и отдых. За обедом расспроси рогатого по нашей обычной схеме.

– Коменданте – с предельным уважением робко пробасил бычара – Я… я не из ваших. Просто за компанию приседал и отжимался.

– Ты не из наших – не оборачиваясь, бросил я и по моему голосу минос понял, что я об этом знал с самого начала – Ответишь на все вопросы.

– Конечно! А потом к себе… в лабиринт и…

На этот раз я обернулся. И на этот раз в моей широкой усмешке не было ничего доброго. Я медленно покачал головой, удерживая тарелку с рагу на весу:

– Нет, рогатый. Потом ты под навес ко всем. Твоего храма… больше нет. В жопу рогатых хранителей, что не делают ничего, но при этом получают огромный паек. Хочешь трахать жриц – трахай. Хочешь изображать из себя могучего мычащего быка – вперед. Но отсидеться в тенечке я тебе не дам, минос. Будешь пахать на огороде, растаскивать обломки, валить деревья – наравне со всеми! Понял меня?!

– Да… Я понял – перед тем как ответить минос тоже глянул на лежащие у стеночки трупы – Я все понял… коменданте.

– Это всех касается! – выставленной ложкой я обвел столы и заполненные здешними туземцами лавки – Больше никаких привилегий за просто так! Это и сраных жриц касается! Сняли с себя белые одежды – и вперед на грядки! Фрукты миносу носить и ляжки перед ним раздвигать – ни хера не работа! В коридорах храма пыль подметать и цветочки у системного глаза поливать – ни хера не работа! Вы теперь как все остальные! И задания у вас будут как у всех! И ведь мне даже не придется подгоняться вас – за меня это сделают те, кто и до этого пахал как вол!

На этот раз за столами, где недавно царило молчаливое напряжение, появились улыбки – откровенные и не сулящие ничего хорошего тем, кто прежде жрал от пуза, но ни хрена не делал. Да. Эти работяги со вздутыми локтями и коленями, с жилистыми руками, черные от загара и усилий, не позволят сраным белоручкам избежать работы.

Убедившись, что ни одна из ленивых тварей не посмела

ничего возразить, я развернулся и снова потопал к дальней стороне стола, где и уселся рядом с мужиком, что успел съежиться и нахлобучить на макушку соломенную шляпу, постаравшись превратиться в гриб-поганку.

– Шляпу снял – велел я.

– За столом некультурно – тихо произнес тот, стягивая шляпу и убирая ее на лавку – Доброго дня, комендантe Оди.

– Как я и думал – усмехнулся я – Мало говоришь, никем не замечаем, зато очень многое подмечаешь и запоминаешь.

– Я… я просто пеон, сеньор. Я просто копаю землю. Делаю то, что говорит Матушка.

– Ага – кивнул я, медленно скользя взглядом по его почти черному лицу с белеющими уродливыми рубцами – Твое лицо испахали когтями. А голова…

– Медведь – спокойно ответил доходяга – Черный небольшой медведь. Дивинус, что сошел с ума. Сначала он содрал мне волосы, а затем попробовал натянуть лицо на макушку.

– Медведи часто стараются добраться до лица и глаз – кивнул я – Дивинусы же умнее – наверняка понимают, что первым делом таких как мы надо лишить зрения.

– Да… Этот понимал… но не спешил… ему… ему нравилось терзать меня. Нравилось издеваться надо мной…

– Медведю нравилось издеваться над жертвой? – задумчиво повторил я – Хм…

– Нет зверя хуже дивинуса – ведь он совсем как человек…

– Ты спасся?

– Да. Меня спасли.

– Кто?

– Второй дивинус. Пантера. Сперва я почувствовал толчок, потом боль, затем меня отшвырнуло и сквозь кровь, сквозь красноту, лежа у дерева, я увидел как яростно схлестнулось два огромных зверя…

– Пантера победила – уверенно предположил я.

– И очень быстро. Она перегрызла медведю шею и прокусила затылок. Что-то вырвала прямо из затылка. А затем… затем подошла ко мне, схватила клыками за рюкзак, что оставался за плечами и потащила меня. Я потерял сознание. Очнулся же уже у друидов, сеньор.

– Как складно ты рассказываешь – заметил я.

– Таким людям как вы лучше отвечать. И отвечать быстро и без утайки.

– Что потом?

– Меня подлечили. А затем… затем Мать – Старая Мать – что и отправила меня в джунгли на сбор образцов растений для

друидов – прочитала мне короткую лекцию. И знаете, коменданте Оди, что она мне сказала?

– Удиви меня.

– Лекцию о том, что природа великолепна, чарующая и находится на первом месте по важности. Как-то так… Ни слова о том, что меня ни за что изуродовал спятивший медведь. Ни слова о том, что я ни в чем не виноват! Ни единого слова соболезнования… и друиды – тоже не особо церемонились. Едва я чуть пришел в себя – вытолкали меня на тропу ведущую к Комерцио, дали с собой флягу с сиропом снимающим боль… и все.

– Пантеры и друиды – задумчиво произнес я – Друиды, что служат системе. И им плевать на раненых дивинусами пеонов…

– Вот и вся моя история. Я просто ушел. Понял, что для меня больше нет места в том месте. И ушел сюда, где Новая Мать куда добрее.

– Ага… и твое имя?

– Нечор.

– Нечор… и ты, раз тебе поручали такие задания, прекрасно ориентируешься в джунглях, разбираешься в растениях и немало знаешь о друидах – заключил я.

– Что вы, сеньор. Я…

– Чего никогда не стоит делать так это врать мне – предупредил я, возвращаясь к поеданию остывающего рагу.

– Я понял, сеньор.

– О друидах позже, Нечор. Давай о Педро – чем тебе не угодил тот ушлепок и почему ты так рад тому, что он сдох?

– Он бил меня. Не избивал, а… проходя мимо не забывал отвесить пинка, мог дать оплеуху, мог перевернуть корзину с собранными овощами или плюнуть мне в затылок. Это… это очень неприятно, сеньор, стирать ладонью с затылка чужой теплый плевок. Понимаете?

– Я бы убил – просто ответил я – Не сразу так позже. И убил бы мучительно. А ты почему не убил?

– Я хочу мира. Хочу спокойной тихой жизни, сеньор.

– Почему системе не пожаловался?

– Новая Мать… я не хотел тревожить ее.

– Или ты больше не веришь машинным божествам, Нечор?

Урод промолчал, провел лицо по исполосованному лицу, тронул шишку там, где раньше было ухо. Пожал плечом.

– Ладно. Тогда почему держишься от остальных подальше?

– Я здесь недавно. И… пока не знаю… не знаю как пояснить, сеньор…

– Еще не разобрался, где люди, а где дерьмо? – понял я его.

– Грубо… но… и я не хочу никого обидеть.

– Ну да. Руку где потерял?

– Отрезали еще тогда, сеньор. Медведь только порвал ее, но началось заражение, потом запястье почернело, пошел запах и…

– И друиды отрубили тебе руку.

– Да. А потом… ну я уже говорил.

– Дали флягу с экологическим чистым обезболом и выпнули на тропу.

– Да, сеньор.

– Ты пялился тайком на навес Педро. Почему?

– Мелочь… мелочь не стоящая вашего внимания.

– Дай мне ответ, Нечор.

– Статуэтка – выдохнул калека и впервые взглянул мне в лицо своими серыми усталыми глазами – Маленькая древняя статуэтка. Темная, но бережно отполированная.

– Сам полировал?

Взгляд Нечора уставился куда-то в стол:

– Днями и ночами. В свободное время. Во время отдыха. Педро увидел… и отобрал. Я просил отдать, а он смеялся и говорил, что отдаст, когда я отсосу у рогатого…

– Что за статуэтка?

– Однажды отыскал в джунглях на старых руинах. Статуэтка юной девушки с корзиной фруктов на голове. Искусная работа древнего мастера…

– Забирай – кивнул я на навес мертвеца – Уверен, что ты знаешь даже ящик, где лежит твое сокровище.

– Я… вы… вы уверены, коменданте?

– Ты определись уже – поморщился я – Либо коменданте – либо сеньор.

– Да, сеньор.

– И тащи весь ящик, если утянешь. Не сможешь поднять – притащи ящик полегче – буркнул я уже вслед забывшему шляпу и проявившему удивительную прыть калеке.

Дожрав рагу, я отодвинул тарелку и искоса глянул на робко подошедшую девушку с чайником и парой кружек. Вторая, прячущаяся за спиной подруги, подалась чуть в сторону, бросила на меня быстрый взгляд смешливых глаз, наклонилась к столу, успев за это мгновение показать все достоинства своей фигуры. На столе оказалось блюдо с еще мокрыми после мытья фруктами.

Затем красивые ушли, но их заменил вернувшийся Нечор, что быстрым движением продемонстрировал небольшую статуэтку из темного камня, после чего мгновенно спрятал ее в поясную сумку, без малейшего почтения выкинув оттуда все остальное. Увидев, как ладно и четко статуэтка вошла в основной карман этой

самодельной поясной сумки, я понял, что он никогда не расставался со своим ненаглядным сокровищем, вечно держа поближе к потным яйцам и стручку.

Наклонившись, я взялся за ремень и вытянул на стол большую корзину – ее и притащил Нечок, подставив под ремень плечо. Повалив корзину на бок, я принялся задумчиво в ней ковыряться, вытаскивая какие-то стеклышки, непонятные обломки инструментов, шестерни, поблекшие небольшие картины, псевдофарфоровые тарелочки и прочую абсолютно бесполезную дребедень.

– Что это за дерьмо? – спросил я и калека как ужаленную отдернул лапу от манго на блюде.

– Жри фрукты – рыкнул я и повторил, ткнув пальцем в содержимое корзины – Что за хрень?

– Педро и его камрадос забирали не только у меня, сеньор Оди.

– Ясно – кивнул я, запихивая все обратно и поворачивая голову к неслышно, как ей казалось, подошедшей старухе в черных одеяниях – Тут и твое есть?

– Да… небольшой стеклянный образок с изображением святой…

– Мне похер. Забирай все. И раздай каждому его дребедень.

– Спасибо – старуха проворно уцепилась за ремень, стащила корзину со стола и добавила – Спасибо, сеньор.

– Да в сраку. Этот мусор никому кроме вас не нужен – отмахнулся я и, вытащив из поясной сумки нож, воткнул его в один из фруктов, с хрустом разворотил, обнажая сочную сердцевину – Хреновый ты носильщик, Нечор. Приносишь всякое дерьмо. Мусор.

– Кому мусор, а кому…

– Сокровище. Ну да. Слышал уже эту чушь не раз. Этот Педро… он чувствовал себя королем?

– Прямо в точку, сеньор. Он, перебрав мескаля, порой кричал, что Новая Матушка – его личная шлюшка и помощница во всех делах.

– Ясно. Сколько раз он уходил грабить на сумрачные тропы?

– При мне раза три.

– И каждый раз возвращался с добычей?

– Почти. Последний раз они вернулись не гордыми львами, а окровавленными побитыми шавками – рваные губы Нечора тронула кривая злая усмешка – Трусливо скулили, порыкивали как шакалы, все время глядя на край джунглей за стеной. Они ждали погони.

– И кто их так?

– Дивинусы – уверенно отозвался Нечор и по его лицу пробежала целая серия нервных тиков – Следы когтей, двое умерли, их отправили на Декансо – в умелые руки дырявой Моксы.

– Еще раз.

– Кладбище.

– Про другое.

– Дырявая Мокса. Да, сеньор. Не поверите, но у нее дыра в голове, дыра в животе – и все они прикрыты заплатами из металла. Даже не заплатами, а будто пробками.

– Ага – хмыкнул я и махнул рукой одному из успевших пожрать гоблинов – Эй! Как тебя зовут?

– Бурро, сеньор.

– Тащи сюда остальные корзины и ящик от навеса Педро.

– Уже несу!

– И другие пусть помогут.

– Да, коменданте Оди! Они помогут с радостью!

– И не забудьте про сраную сиесту – добавил я, глянув на раскаленный шар солнца, что пытался пробить своими лучами густую тень под уцелевшими старыми деревьями – К работе вернетесь через пару часов. Передай всем.

– Да, коменданте!

Пока у стола один за другим появлялись ящики – деревяные, пластиковые, стальные – я продолжал беседу Нечором:

– Дивинус тогда убил кого-то? Из кодлы Педро.

– Ушло семнадцать. А вернулось семеро.

– Вот почему так легко кончилась его власть – рассмеялся я.

– Так бы могло и не получиться у вас, сеньор… – робко кивнул Нечор – У вас экзоскелеты, но у них раньше было несколько пушек, способных пробить даже толстую броню…

– Не-е-е – покачал я головой и с презрением глянул на трупы у стены – Просто потратил бы парой минут больше.

– Вы очень уверены в себе, сеньор Оди.

– То есть отряд у Педро был крутой?

– Да, сеньор. Ему не повезло, что он потерял так много умелых бойцов.

– И раз его отряд был настолько крутым и хорошо вооружённым… почему они не выполнили задание системы?

– Я не понимаю, сеньор.

– Технический колодец АБ24 – произнес я и Нечор вздрогнул как от пощечины – Слышал о таком?

– Педро… хотел заставить меня разгребать… как раз сегодня. Если бы не вы, сеньор – я бы уже сдох.

– С чего ты взял?

– До меня он заставил уже двоих. Они оба взяли мотыги и пошли к тому месту.

– И?

– И умерли, сеньор.

– Как?

– Насекомые – в расширенных серых глазах скальпированного гоблина плескался чистый ужас – Огромные насекомые, сеньор. Эти твари убили и уволокли тех двоих бедолаг под землю, сеньор… Мы видели это… бедные парни не успели и пяти раз ударить мотыгами… будто призвали собственную смерть – приди и возьми нас…

– Да ты поэт – рассмеялся я, поднимаясь и откидывая крышку первого попавшегося ящика – Давай смачные подробности, калека.

– Сеньор… не ходите туда! Эта чаша наполнена кровью до краев!

– Чаша?

– Ну… – помассировав бугристую кожу, что облегала его ободранный череп как дешевая имитация, Нечор заговорил, причем заговорил быстро, излагая суть, не забывая при этом вставлять ненужные страшилки – но тут я сам виноват, раз уж попросил смачных подробностей.

В полукилометре отсюда, за грудами ломанного железобетона, имелись густые, но при этом невысокие заросли, представляющие собой настоящее месиво из плотно сплетенных лиан, мелких деревьев и густых кустов. Ничего действительно высокого там не росло, а если росло – рано или поздно падало во время сильных ветров. Деревья вообще часто падали на территории бывшей гига-фабрики. И никакой мистики тут нет – выживали лишь тебе деревья, чья корневая система тянулась в стороны, а не вглубь. Ведь под упавшими деревьями оставалась вывороченная неглубокая яма, чье дно представляло собой сплошной каменный или бетонный монолит. Местность там была чем-то вроде оплывшего овальной формы углубления, с поросшими сорными травами склонами. Ближе к краю – и ближе к нам, если взять за ориентир текущую позицию за кухонным столом – имелись небольшие руины. Смесь бетона, кирпича, железа, пыли и костей. А сверху все прикрыто плотным пологом из лиан и ветвей. Там царит вечный сумрак – и это сказано не для красного словца. Там реально постоянно темно, ведь полог спускается почти до земли. Пусть снаружи яркий жаркий полдень – у тех руин всегда ночь. Поэтому толком разглядеть, что случилось с посланными землекопами-бедолагами не удалось, хотя старались все зрители без исключения.

Но кое в чем уверенность все же есть.

В том, что посланные несчастные погибли. В том, что их убили насекомые очень похожие на крупных пауков – высотой чуть ниже колена взрослого человека. Но если это и были пауки, то какие-то странные – со слишком прочными и крепкими лапами. Пауки с поведением муравьев – работа сообща, включая отрезание пути к бегству, держание бьющихся жертв за руки и ноги, а затем и утаскивание их во тьму.

Как быстро все случилось?

Долго. Мерзко, тошнотворно, громко, страшно и долго.

Пауки сразу начали жрать конечности жертв, жадно подбирая кровь с травы и земли – один из бедолаг почти успел выбраться из-под полога и его настигли на границе света и тьмы. Так что его мучения стали настоящим блокбастером для обомлевших зрителей, стоящих на камнях на краю этой страшной чаши. Затем, чуть насытившись, пауки уволокли бьющихся парней в темноту и на этом все кончилось.

– Уволокли кому? – деловито поинтересовался я, крутя в руках винтовку с разбитым прикладом и чуть погнутым стволом.

Эта винтовка снова напомнила мне о главном. Да… кое-что придется поменять в нашей стратегии действий. Причем немедленно.

– Кому? – не понял меня Нечор.

– Своей матке? Куда уволокли и зачем? Почему не сожрали прямо на месте?

– Я… я не знаю, сеньор. Никогда и не думал об этом… вот до сейчас…

– Вот до сейчас – повторил я, с щелчками расставляя на столешнице разнокалиберные патроны – Опиши пауков подробней.

– Четыре толстые лапы.

– А?!

– Лапы…

– С каких пор у пауков всего четыре лапы, калека?

– Но это пауки, сеньор! Выглядят именно так! Ну… сильно похожи!

– Опиши их – повторил я, отшвырнув опустевший ящик и взявшись за пузатую перекошенную корзину.

Отброшенный мной ящик тут же подобрал подбежавший садовник и радостно уволок к одному из навесом. Мельком оглядевшись, я убедился, что девяносто процентов всех гоблинов в жилой «кляксе» уже погрузились в послеобеденную дрему.

– Большие, четыре лапы… большие паучьи мрачные жопы!

– Большие паучьи мрачные жопы – снова повторил я – Да…

ты все же поэт, калека. Пасти? Какие? Жвала? Зубы? Что у них там?

– Я… этого не разглядел. Да и никто не разглядел, сеньор. Никто кроме Педро – у него было это – калека кивнул на новый предмет в моих руках – Но Педро сдох и быстро разлагается на солнышке.

Глянув на грязные шорты, я развернул их, отбросил тряпку в сторону и ее тут же схапал сам Нечор, нырнув под стол. Внутри шорт оказался бинокль. Один окуляр разбит и частично сплющен. Опустив почти умершую оптику на стол, я толкнул ее калеке и тот жадно поймал, вопросительно глянул на пустую корзину рядом с грудой вещей. Я кивнул и произнес:

– Забирай корзину и все тряпичное.

– Спасибо, сеньор Оди!

Когда я избавился от вонючих тряпок, стало легче собрать и рассортировать патроны по калибрам и типам. Тут настоящее патронное ассорти, которым подавится любое оружие. Увидев подошедшего Каппу, я никак не отреагировал, зная, что мечник не промолчит.

– Я говорил с быком, лид.

– Ага – кивнул я – Расскажешь чуть позже. Влезай в железную шкуру и топай сюда.

– Есть!

Каппа убежал, а я глянул на Нечора, повел рукой над столом, где стопками лежали обоймы, выстроились шеренги патронов, ровным полем легли части разобранного оружия.

– Вот так и продолжай. Понял?

– Я не смогу разобрать оружие, сеньор.

– Весь огнестрел просто раскладывай аккуратно по столу.

– Сделаю.

– Все тряпье, все ржавые ножи, шила, обувь и весь бытовой хлам вроде этих пластиковых расчесок – на помойку.

– Мы поделим. Постираем, отмоем и…

– Мне посрать.

– Да, сеньор. А консервы?

Посмотрев на стенку из найденных мной различных консерв Бункерснаба, я буркнул:

– Это не трогать. Каждую банку протри – чистой тряпкой! – и желательно с антисептиком. С одной рукой справишься?

– Справлюсь.

– Действуй.

Отряхнув руки, я влил в себя полкувшина кислого компота и зашагал к дожидающемуся меня экзу. Время оттащить трупы и чуток прогуляться по здешней территории. Ну и узнать, что там

поведал минос Каппе.

* * *

– Че? – повернулся я к мечнику и на долю секунды замер, прислушиваясь к естественным шумам послушного экзоскелета – Что у рогатого было на рогах?

– Серебряные чехлы – повторил Каппа и мягко надавил железной ладонью на дерево, что накренилось над очередной ухоженной тропкой.

Подгнивший ствол протяжно застонал и рухнул, с облегчением разломившись на несколько кусков. Брызнул сок, из похожей на гнилую мочалу сердцевины хлынул поток насекомых, над их разломанным убежищем задрожали струи горячего воздуха. Отшвырнув ногой мешающую часть ствола, Каппа двинулся дальше. Я шагал рядом, держась за наш общий груз – волокуши с наваленными друг на друга покойниками.

– Серебряные чехлы на рогах, за спиной вроде как был железный щит, на поясе топор, одноручный прямой меч. Это не считай кольчужной набедренной повязки, кожаных доспехов, стальных набедренников и одного стального же наплечника. Что-то он помнит четко, а что-то как сквозь туман.

– Звучит бредом – буркнул я – Но вряд ли это ложь.

– Такое дерьмо может быть только правдой – согласился Каппа.

Минос заявил, что не помнит откуда он и что он такое. Даже само слово «минос» ему вроде и было знакомо, но как-то смутно. Бычара очнулся на речном дне. Причем очнулся уже в момент, когда в легких было полным-полно мутной воды. В ушах звон, из ноздрей рвутся последние пузырьки воздуха, в голове ломит, а он… стоит на речном дне.

Смерть. Вот она. Совсем рядом. Просто не шевелись и она быстро заберет тебя.

Рогатый не знает, что его спало – инстинкты или железная воля. Но он, уже умирая, со стремительно вырубающимися мозгами, рванулся вверх, не желая умирать. Рванулся… и остался на дне как прикованный. Забился, закрутился, поняв, что его удерживает на дне что-то тяжелое. Руки обшарили грудь, скользнули по животу и бедрам. И везде он находил какие-то ремни и пряжки, тут же срывая их, стягивая через голову. Тяжело бухнул о дно стальной прямоугольный щит, с рогов слетели серебряные остроконечные чехлы, беззвучно шлепнулась в ил кольчужная набедренная повязка, а следом туда же отправилось

оставшееся.

На поверхность воды, изрыгающий воду и блевоту, минос вырвался подобно мифическому божеству, до смерти напугав всех, кто сидел на крепком плоту, идущем вниз по течению этой широкой и быстрой реки. Снова повезло – хрен бы минос доплыл. Всех его бычьих сил и воловьей выносливости хватило только на этот финальный рывок к дрожащему свету над рогатой башкой. А вырвавшись, пусть и хлебнув чуть воздуха заполненными водой легкими, он тут же отрубился и уже не помнил, как на него накидывали веревки, как вытаскивали на плот и, с трудом перевалив на бок, буквально выколачивали грязную воду из его огромной груди.

Минос выжил. А как очнулся – опять же на плоту – понял, что ничего не помнит о том, как он вообще мог оказаться на речном дне. И бычара был шибко удивлен, когда понял, что на него посматривают с неким ужасом и одновременно любопытным восхищением – таких как миносы в этих землях не водились. Его восприняли по-разному – посланец Матери, а может разумный мифический зверь, а может… пока все гадали, плот продвигался дальше, минос потихоньку оживал, тоже начал расспрашивать и узнал, что пассажиры большого крепкого плота направляются к руинам заброшенной гига-фабрики, где правит Новая Мать – а она уж наверняка знает ответы на все вопросы рогатого человека.

Почти так и вышло. Мать не стала отвечать, но намекнула, что, вступи минос в число ее последователей, он сможет со временем поднять свой статус и это откроет ему доступ к той скудной информации, что она обладает. Долго рогатый не раздумывал. Ему уже успели описать ужасы здешних джунглей. Да он и сам видел парочку настолько страшных лесных созданий – черного крокодила и длиннющего питона – чтобы сообразить о том насколько опасно за стенами заброшенной гига-фабрики. Он остался. И вступил в ряды паствы Новой Матери – хотя бы временно, чтобы было где приткнуться пока он ищет ответы на свои вопросы и ждет, когда окутавшая его мозг странная амнезия наконец-то развеется.

– Что-то он наверняка недоговаривает – добавил мечник.

– Все мы что-то не договариваем, Каппа – усмехнулся я и нанес резкий удар, вскрывая притаившуюся за мокрым камнем гигантскую полупрозрачную мокрицу.

Выдвижное лезвие с хрустом разрезало панцирь вдоль, разваливая насекомое на две забившиеся брызжущие части. Из розовато-прозрачной плоти вывалились темные комочки сожранной пищи, тянулись тонкие как волос проводки, таща за собой треугольники и квадратики электронных чипов.

– Это дерьмо надо как-то отвадить – заметил я – Но пока не будет хотя бы малого защищенного периметра…

– Я заставлю этих лентяев потрудиться – пообещал мечник – Мы расчистим территорию. Тут наша новая база, лид, верно? Как там на музейных островах…

– Скучаешь?

– Там остались мои личные вещи… Воин не должен иметь привязанностей к бренным предметам, но я тоскую по старому точилу и тонкой книге неплохих танка.

– Хм…

– Все дальше милая страна,
Что я оставил…
Чем дальше, тем желаннее она,
И с завистью смотрю, как белая волна
Бежит назад к оставленному краю…

– Вытащим наших – вытащим и старое точило вместе с поэзией.

– Мы вернемся за ними в старый мир-опухоль, лид?

– Мы вернемся – я оскалился сам себе внутри шлема экза – Мы вернемся в тот сучий мир и вытащим наших.

– И Рэка?

– Вы долго будете продолжать меряться длиной ножей и членов?

– Грязный агрессивный алкаш любящий закинуть шизой вперемешку с эльфийскими слезами…

– Ты прямо меня сейчас описал – рассмеялся я, останавливаясь у невысокой и явно недавно сложенной каменной ограды.

Ну как каменной… на сооружение этого полутораметрового и незаконченного забора, огораживающего квадрат очищенной от растительности земли, прилегающей к стене периметра гига-фабрики, пошел тот материал, что нашелся под ногами. Куски бетона с обрезанной арматурой, каменная облицовочная плитка, кирпич, природный камень, большие пористые серые блоки…

Однако ограда, хоть и сляпанная из всего, что было, была крепкой и по ней не вилось ни единого зеленого побега. Подобное сооружение всегда вызовет уважение у понимающего гоблина. И сразу ясно, что тут трудились не просто усердно, а еще и со знанием дела – кладку вылаживал специалист.

Тропа привела нас к очередному бетонному пятачку обложенному светлыми камушками. По углам высокие клумбы с пышными красными цветами. Перед нами широкий проход. Перед

стеной, с внешней стороны кладбища, тянется длинный, но узкий огород из трех чуть ли не бесконечных грядок. Тяжелые помидоры свисают с бережно подпертых и подвязанных кустов, синеют крупные баклажаны, а вон явно острый перец.

Да тут не кладбище, а обособленное от остальных обособленное крепкое хозяйство. Вон и небольшая овечья отара в голов пятнадцать, особняком передвигается десяток белых и черных коз, под их копытами путается стайка черных пыльных куриц, по ограде по-королевски вышагивает петух.

Остановившись, я отпустил волокушу и, не обращая никакого внимания на замерших у грядки трех гоблинов, внимательно огляделся, пытаясь понять.

Кладбище расположено на территории с запасом – в том смысле, что, при желании, кладбище можно влегкую увеличить раз в пять и еще место для огородов и хозяйственных построек останется. С одной стороны этот клочок земли отгораживает высокая стена фабричного периметра. И на стене имеется навес, причем с той, с внешней стороны, я даже отсюда вижу высокую П-образную стенку из каменных блоков и мешков с песком. Под навесом двое уже увидевших нас вооруженных винтовками гоблинов, к ним по приставной, но крепкой и явно закрепленной на постоянку лестнице карабкается еще один.

Со стороны откуда пришли мы – карликовые джунгли, что тянутся чуть ли не километр. С двух других сторон полуразрушенные взрывами самоликвидации стены цехов с проваленными крышами.

Я все еще пытался понять.

Почему здесь? Почему было выбрано именно это место для кладбища Дескансо?

А в том, что это место было выбрано специально я не сомневался. Как и в том, что выбирала не здешняя мягкотелая податливая система. Нет. Тут разумный гоблинский выбор, но никак не машинный.

Есть в этом месте что-то такое, что привлекло сюда того, кто отвечает за все это прекрасно налаженное хозяйство на самообеспечении.

– Рука, обнажённая по локоть.

Шорох чёрного кимоно.

В доме меч покидает подставку.

– Да не – спокойно ответил я, продолжая оглядываться – Я уже чую запах… и это запах не пролитой крови.

– Тогда чем же пахнет, командир?

– Янтарным самогоном, жареным мясом и разговорами –

проворчал я, делая шаг к проходу – Я чую запах нимфы Копулы, владычицы подземного Борделя. Запах целеустремленности, домовитости и… стремления к власти. Да… это не Копула – я задумчиво глянул на оборванцев-садовников, предпочитающих прикрыть яйца не шортами, а странными мешочками на тесемочках – Но похоже… похоже… И снова дыры в голове и теле…

Каппа промолчал, но повернулся к стене, указал пальцем на третьего гоблина, что взобрался на стену и улегся на нее, подтащив при этом к себе длинный тряпичный сверток. Этим же указующим пальцем Каппа и покачал, давая понять, что все видит и если вдруг что…

– Мои мальчики просто беспокоятся о мире… – успокаивающе улыбнулась остановившаяся на тропе фигуристая женщина с шикарной улыбкой, роскошными длинными волосами, в короткой пурпурной тунике, что открывала ее полные зрелые бедра.

Не Копула. Но вполне могла бы быть ее сестрой – по духу так уж точно.

Медленно проведя пальцем по отмеченному родинкой левому уголку губ, она еще раз улыбнулась, собрав у глаз лучики морщин:

– Коменданте Оди и сарханто Каппа я полагаю. А где же славный привадо Хорхе? Наши новые славные мерсенарио-защитники… добро пожаловать, мальчики.

Рассмеявшись, я отошел с тропы и «вскрылся», выползая из прохлады стальной шкуры.

– А вот и славный мотылек рожденный из железной гусеницы – улыбка черноволосой владычицы кладбища стала ярче.

– Дырявая Мокса?

– Фу… как пошло… так меня прозвали живущие за лесом. Я Мокса. Если официально – Мокса Куидадор, можно просто Куидди.

– Куидадор?

– Куидадор дель сементерио Дескансо. Вы принесли смерть к мои вратам.

– Не – покачал я головой, глянув на сваленные на волокуши трупы – Это так… мелочь. А вот если хоть один из твоих мальчиков с мешочками на яйцах вздумает навести на меня ствол даже просто в шутку… вот тогда мы принесем смерть к твоим вратам, Мокса Куидди.

– Я поняла. Между нами нет вражды – подняв руки, владычица кладбища скрестила их над головой.

И все снова ожило. Задвигались огородники, встал залегший

в стрелковую позицию парень с тряпичным свертком, заскрипели колеса тачки груженной овощами.

– Но разведка у тебя поставлена отлично… – признал я – Кто-то регулярно постукивает тебе из основного лагеря здешних?

– В этом жестоком мире выжить может только хорошо осведомленная женщина – чарующе улыбнулась Мокса и приглашающе повела рукой – Кофе?

– Да.

– Твой друг так и останется сидеть в своем душном стальном коконе?

– Это не кокон – возразил я, вспомнив настоящий кокон из того мира – Это экз. А кокон рождает костежопых гнид с мечами вместо рук.

– Где ты встречал такие кошмары?

– Ответь мне, Мокса Куидди… это ведь ты выбрала место для этого кладбища? Ты договорилась со здешней системой об этом. И от нее же получила… управление всем кладбищем и прилегающей территорией – которую вполне можно и расширить нехило так со временем и при нужде.

– А ты умен, коменданте-мерсенарио Оди. Ты умен и опытен…

– Я не получил ответа.

– Да. Это я выбрала место и выпросила у доброй Матери право управлять этим кладбищем по своему усмотрению. Люблю покойников – они тихие, незаметные и служат хорошим удобрением.

– Глубоко не закапываете?

– Конечно, нет. Какая расточительная трата полезной биомассы… все покойники послужат удобрением для плодов и овощей. Круговорот жизни нельзя останавливать…

– Ну да.

– Позволишь забрать будущее удобрение? Мои мальчики с особой радостью расчленят тело ублюдка Педро…

– Я знаю таких как ты.

– Да ну?

– О да – кивнул я – Я уже встречался с подобной тебе женщиной – в этой моей жизни.

– Ты говоришь пугающими загадками, мерсенарио Оди.

– Женщина с особыми дырами в теле и голове. С дырами прикрытыми особыми заглушками.

– Как звали ту женщину?

– Копула. Нимфа Копула. Но это не настоящее ее имя.

– И чем же занималась нимфа Копула? – спрашивая это, Мокса вела меня по похрустывающей гравийной дорожке к группе

навесов, выстроившихся кругом вокруг утоптанной площадки с большим каменным очагом, испускающим вертикальную струю серого дыма.

– Она правила городом.

– Целым городом?

– Ага. Целым городом полным шлюх, червей, уродов всех мастей и пауков… Правила мудро. А может правит и по сей день.

– Что это за город такой страшный?

– Дренажтаун. Он же Дерьмотаун. Подземная клоака. Отличное место с проливными дождями из говна…

– Ты интересный собеседник, комендante Оди.

– Только при честном разговоре. Поэтому ответь честно, Мокса Куидди на один простой вопрос…

– Я вся внимание, о сеньор. Девочки! Кофе! Живо! – хлопнув в ладоши, Мокса убедилась, что ее приказ услышан, после чего указала на невысокую скамейку выложенную вышитыми подушками.

Я предпочел усесться на пол из струганных толстых досок. Отсюда куда проще вскочить, чем из мягкого податливого ложа.

– Вопрос? – напомнила Мокса.

– Почему ты тянула так долго?

– Сути я, к своей печали, не уловила…

– Все ты уловила – усмехнулся я – Понятно же, что ты просто готовилась. Подгребала под себя надежных умелых парней, подтаскивала усердных работяг, ленивый мусор оставляя «основным». Выменивала и другими путями находила оружие. Устроила быт. По какой-то причине выбрала именно это место для своей базы, замаскированной под кладбище. Оставалось дело за малым – шлепнуть наконец самых наглых ушлепков из «основных» – привет, Педро – и стать тут второй после системой. То есть – стать главной в этом краю непуганых лентяев. И судя по увиденному мной… ты давно уже могла это сделать. Так почему ты тянула так долго?

– Завтра – после короткой паузы ответила Мокса – Педро и остатки его злобных прикормышей должны были умереть завтра. И я бы стала главной.

– А теперь главный тут я – произнес я и широко зевнул – Но…

– Но?

– Но я тут временно. И мне тут не место. Давай договоримся, Мокса куидадор дель сементерио Дескансо?

– Как?

– Я убиваю и заставляю – а ты строишь и уговариваешь. А когда я уйду – все это дерьмо останется тебе.

– Звучит… да… это звучит вкусно, комендante Оди.

– Так почему кладбище именно здесь?

– Глаз Матери – просто ответила хранительница кладбища, указав рукой на полускрытую лианами и сухими ветвями высокую и узкую постройку – Тут еще один глаз Матери. Но он неисправен – частично демонтирован.

– Умно – признал я – При наличии глаза прямо на базе… исчезает причина для переноса этой самой базы. Система всегда под рукой. Так мы договорились, Мокса?

– Ну конечно да! – с тихим восторгом она закатила глаза.

– Ясно – я повел шеей – Ты скажешь «да» на любое мое предложение, но это не будет значит ровным счетом ничего.

– Ну что ты, добрый коменданте. Разве я, робкая и тихая хранительница небольшого кладбища и огорода, рискнула бы солгать грозному воину вроде тебя?

– Где он сидит? – я повел головой по сторонам.

– Кто? – удивленно расширила глаза Мокса.

– Снайпер, что уже навел перекрестье прицела мне на спину. Наверняка у него в руках что-то крупнокалиберное. Что-то хорошо пристрелянное. А где-то есть еще один стрелок с бронебоем. И сомневаюсь, что он на дальней дистанции. Тут лучше брать неожиданностью и бить, конечно, не в упор, но со средней дистанции – есть уверенность не промахнуться и есть время перезарядить и выстрелить еще раз.

– Санта Мадре… да что ты такое говоришь? – изумлению хранительницы не было предела – С чего ты это взял?

– Никто из вон тех бугаев – я кивнул на ленивых накачанных бездельников, разлегшихся в тридцати метрах под навесом и увлеченно бросающих кости – Сюда даже и не смотрит. Смекаешь?

– Хм… – несколько секунд Мокса всматривалась в парней, а затем тяжело вздохнула и развела руками – Актеры из них никакие. Ты прав. На их месте любой бы сейчас во все глаза пялился бы как на тебя, так и на твоего помощника.

– И уж точно никто бы не отвел глаз от него – на этот раз я указал на Ночную Гадюку припавшую к земле.

– Твой экзоскелет… выглядит как свирепая гремучая змея на солнцепеке – медленно произнесла Дырявая Мокса – Даже пустой, без пилота, он заставляет бояться его.

– На то и был рассчет при создании этой модели – подтвердил я.

– Лучшая битва та, которую удалось предотвратить? А лучший боец тот, на которого боятся нападать?

– Странные мудрости из рта хранительницы гнилых трупов… Так где снайпер, Мокса? Не переживай – я не собираюсь убивать

тебя, даже если мы не договоримся.

– Ха! Какой откровенный гость у нас сегодня! – звонко, совсем по девичьи рассмеялась Мокса и, вытащив из-под одной из подушек небольшой передатчик, тихо произнесла – Отбой, Диспаро. И передай Геферу, что хватит уже сидеть в…

– В колючей клумбе – буркнул я – А Диспаро зря забрался на крышу цеха. Вы все же любители, а до профи вам… еще далеко.

– Ты поразил меня, коменданте Оди – удивленно признала Мокса, после чего договорила приказ скрывавшимся парням и снова уставилась на меня, в то время как одна из девушек расставлял чашки, бурый сахар и одуряюще пахнущий кофейник – Как ты догадался?

– Неважно – сграбастав кофейник, я налил себе черного кофе и тут же добавил в него молока, мимоходом спросив – Козье?

– Самое полезное. Лечит все – от ушной гнили до импотенции.

– Да ну?

– Так говорят. А мы просто добавляем его в кофе и делаем отличную брынзу. А если говорить о по-настоящему целительном молоке, то я могу предложить тебе пару кувшинов верблюжьего молока. Чего только стоит сделанный из него шубат – вот настоящий эликсир здоровья и бессмертия…

– Влюблена в верблюдов?

– Убила бы еще за пару молодых дромадеров – вздохнула Мокса и посмотрела на пробитую стену одного из частично разрушенных цехов, откуда величаво выходил горбатый зверь – Но здесь они редкость.

– Кофе хороший – признал я, сделав пару глотков.

– Твой боец не выпьет кофе?

– Мой боец сейчас занят тем, что очень сильно злится на самого себя – тихо рассмеялся я, глядя на застывшего как истукан Каппа, смотрящего на клумбу высоких роз, откуда вылез невысокий и тщедушный мужик, снявший с себя странную толстую и явно многослойную маскировочную накидку. У него стрелка стоял не слишком длинный, но внушающий уважение к своему солидному калибру бронебой. Однозарядный, древний – это первое, что пришло мне в голову. Вторую мысль я уже озвучил – Боитесь атаки шагоходов?

– Старая Мать страшна в своем гневе – тихо произнесла Мокса – Я слышала, что вы натворили дел в Понти Севен…

– Ого… твоя разведка простирается дальше, чем я думал.

– Информация не только правит миром, мерсенарио. Информированность… порой это синоним слова «выживание».

– Ты умная, образованная, целеустремленная, амбициозная,

властная, осторожная и мстительная – заключил я – В чем-то ты даже превосходишь нимфу Копулу. Где же вас таких штампуют? Или просто программируют, вливая в вас сквозь дыры в голове необходимые знания и желания…

– Ты серьезно думаешь, что…

– Я шучу, Мокса Куидди. Чтобы перепрошить твою голову, в наши времена не требуется делать огромную дыру в голове. Разве что ты древняя жертва тайных экспериментов, когда технология еще не была отлажена и требовался постоянный доступ к твоему булькающему мозгу… И таких как ты немало… Ладно! Мы представились, показали друг другу клыки, завуалировано погрозили друг другу… предлагаю пока притормозить с взаимными ласками и поговорить о кое-чем другом.

– С радостью. Действительно с радостью. Не каждый день удается встретить такого как ты…

– Какого?

– Страшного – Мокса на мгновение отвела взгляд, обняла себя за плечи – Ты не видишь, что плещется в твоих холодных глазах. А я вижу. Ты страшный человек. Но интересный… О чем ты хотел поговорить?

– Система – ваша система, управляющая взорванным предприятием и вашей общиной – выдала мне интересное такое задание, касающееся вскрытия технического колодца неподалеку отсюда. Слыхала о таком?

– Да. Не ходи туда. Хотя… у тебя может и получиться. Признаюсь честно – я уже пыталась тайком выполнить эту страшилку, но потеряла четверых шустрых и верных парней. Повторять попытку не хотела до тех пор, пока не заполучу в свое распоряжение хотя бы один из таких вот костюмов – Мокса глазами указала на глефу Каппы – В том задании нет ничего особо сложного. Проблема в недостатке и несовершенстве экипировки. Десяток огненных коктейлей, надежный экз, может еще ранцевый огнемет… и задача будет решена.

– Подробней – кивнул я, усевшись поудобней – Каждую подробность.

– Когда выполнишь задание… замолвишь потом перед Мамой пару словечек за меня? – промурлыкала Мокса Куидди – Мол без советов славной хранительницы кладбища Дескансо это было бы не так легко…

– Да-а-а… – я поражено покрутил головой – Ты копия Копулы. Даже в манере действий. Вас точно нигде не штампуют?

– Так что?

– Договорились. Если выполню задание…

– Ты выполнишь – с уверенностью заявила Мокса и крикнула

суетящимся вокруг кастрюль девушкам – Принесите пятый ящик моего гербария! – снова повернувшись ко мне, на повторила – Ты выполнишь. Тактика проста и даже банальна – выжечь огненной смесью все наверху, залить огнем дыры вокруг люка, откуда вылазят эти твари, а затем вскрыть сам люк и посмотреть как там дела в устроенной тобой духовке. Как тебе?

– План – дерьмо – подытожил я.

– Почему?

– Любой кретин разберется как разобраться с внешней проблемой – с теми пауками или что там лезет через дыры вокруг люка. Но никто из нас не знает, что скрывается внутри. Дыры, что пропускают сюда тварей – я подумал о них сразу же, как только увидел в тексте задание упоминание о том, что люк надо еще вскрыть. Значит есть отверстия… и они оттуда лезут как дерьмо из пробитого пулями живота. Но дыры… или дыра – ограничители размеров. Мы знаем, что туда может пролезть тело взрослого человека – протискиваемое силком, со сдиранием кожи и выламыванием торчащих костей…

– Не факт. Там груда обломков, что шатается на камнях покрупней – в щели между ними и утаскивают жертв. Вот там возможно и раздирают тела на куски, которые потом утаскивают ниже.

– Ты согласна с тем, что на поверхности нет их логова?

– Абсолютно. Подобных этим тварей я не видела никогда. И никто не видел. Такие не водятся в джунглях. Это что-то темное и… жуткое… Не может быть, что они обосновались под кучей камней и там жили, питаясь мокрицами, змеями и птицами. И они не выходят на охоту…

– Не выходят? – зацепился я за ее слова.

– Никогда – кивнула она – Мы следили. Круглосуточно. Эти твари никогда не покидают впадину вокруг люка. А раз так – чем они питаются? Воздухом? Друг другом? Или просто впадают в чуткую спячку, пробуждаясь, когда что-то вкусное попадает на их территорию? Но вряд ли там большое гнездо, мерсенарио. Поэтому я уверена, что два десятка бутылок с липкой огненной смесью могут решить наши проблемы – если есть экз, что способен пролезть в люк.

– А люк большой?

– Не знаю. Но раз люк технический…

– Госпожа… ваш пятый ящик гербарий.

– Взгляни на этот образец – улыбнулась Мокса – Мы пробили эту тварь дротиком с зазубренным лезвием. И за веревку вытащили вместе с… этим…

Глянув в ящик, я принюхался, удивленно замер, изучая такое

знакомое и незнакомое одновременно.

Плотная чешуя, четыре когтистые лапы, полное отсутствие морды, ни намека на глаза, зато в наличии здоровенная пасть, что начиналась на середине груди и тянулась через весь живот.

– Плунарный ксарл – тихо произнес я – Не он… но что-то очень и очень близкое…

– Как ты назвал эту тварь?

– Плукс. Называй их плуксами.

– Ого! Вот это сведения! Что еще можешь сказать о них?

– Пожарить, подать с компотом и самогоном – будет вкусно – чистосердечно ответил я, запуская руку в ящик и выдергивая тварь вместе с пробившими ее тело здоровенным гвоздями.

– Откуда столько силы? – ахнула Мокса, поняв, что я только что выдернул три глубоко вбитых в дерево гвоздя одним небрежным движением запястья.

– Каппа! – рявкнул я – Хватит морально харакирить свою жопу! Топай сюда!

Глава десятая

С тех пор как мы вылезли из Жопы Мира, я чуток ужесточил свои правила насчет нахваливания системе тех, кто просил меня об этом. Теперь мало угостить гоблина Оди парой кувшинов компота и бутылкой янтарного самогона. Мало комфортабельных кресел – не в подарок, а просто чуток посидеть и аккуратно пожрать в них рыбки. Теперь, если хочешь, чтобы я смазал твою системную карму сладким подноготным жирком, придется потратить чуть больше, чем твой фирменный набор из пары чашек кофе и двадцати коктейлей Молотова.

Два бойца. Любого качества. Вот что я запросил у амбициозной хитрой Куидди. Она попыталась что-то спросить – завуалированно – но я ответил прямо, пояснив, что мне сгодятся просто два еще живых куска мяса.

Хочет отдать нам без гарантии возврата крепкого, но проблемного парня? – давай.

Едва двигающегося доходягу с регулярным кровавым поносом и странными язвами на горле и груди? – пойдет.

Что? Есть еще один проблемный одноглазый и еще не совсем дряхлый старикан, что тайком молится не только старой системе, но и сучьим друидам? – сгодится и этот.

Их я и получил. Даже чуть больше, чем требовалось.

Но это еще не все.

Я хапнул у Моксы сто картечных патронов шестнадцатого калибра, три килограмма разнокалиберных винтовочных, десяток аккумуляторных универсальных батарей, старых, но еще живых, один настраиваемый и кое-как работающий передатчик, а к нему пяток различных и ей не особо понятных модулей, в которых я сумел опознать части игстрелов. Эти модули меня удивили. Если часть из них – по крайне мере что-то похожее – я уже видел, то вот остальные, порой не серые, а черные и красные, вытянутые или с обилием входов-выходов и странных зацепов фиксации… я даже не смог сообразить куда и для чего они могут крепиться. Хотя все это внутренние потроха – причем явно для крупного игстрела, а не подобия пистолета.

И снова я вспомнил ту забавную тоненькую «дощечку» игстрела – там, на Окраине, когда еще нихрена толком не соображал и рысил с Йоркой по мрачным стальным коридорам в поисках любой подработки. Йорка… в те времена в этой гоблинше еще не угас огонь ярости. В те времена этот огонь пылал вовсю и забитая, чуток трусоватая Йорка уже начинала превращаться в нечто куда более стоящее и смертоносное… пока

вдруг не решила сменить стезю с боевой на обычно-бабскую, если не сказать материнскую. Ей захотелось покоя и на транзитной остановке «Сраный-Остров-Сыроедов» она сошла, утащив за собой и придурка Баска…

Дерьмо…

Снова меня зацепило ностальгией?

Нет…

Медленно покачав головой, сидя рядом с подзаряжающимся экзом, я продолжил крутить в руках разложенные модули игстрелов.

Нет… это не ностальгия. Не тоска. Это задумчивость – я вспоминал больше себя, пытаясь понять, насколько сильно я изменился за последние недели. Все мы меняемся. Это неизбежно. Но одно дело стать чуть более холодным и собранным, а совсем другое, когда внутри окончательно угасает огонь и ты внезапно превращаешься в ничего не хотящую тряпку. Самая страшная мысль, что может посетить такого как я, так это понимание, что вот из этого места – для Йорки им сначала случился Дренажтаун, а потом остров сыроедов – что вот из этого места я не хочу уходить, потому что мне здесь комфортно…

Комфортно… одно из самых опасных слов…

Ты готов убраться отсюда хоть прямо сейчас, Оди? М?

Да. Я готов.

Хорошо.

Щелкнуло. Я удивленно глянул вниз, на два идеально совместившихся блока. Кубик на чуть большем по размеру кубике. А к ним пристыковалась красная длинная хреновина, что ничего мне не говорила своим видом. Ладно. Чуть позже вытряхну из внедорожника остальные модули и попытаю еще раз удачи с этим странным конструктором.

Вот ведь дерьмо. Револьвер или пистолет я мог за считанные секунды собрать с завязанными глазами. И я знал, что именно у меня получится в итоге. А здесь? Так вот бежит на тебя враг, а ты лихорадочно состыковываешь эти кубические хреновины и понятия не имеешь, что у тебя получится в итоге – игстрел или автоматическая пятко-яйце-чесалка.

Еще я получил от Моксы лекарства. Так, ничего особенного, но пару туб обезболивающего и противовоспалительного я из ее запасов вытряс – каждая туба на двадцать крупных таблеток.

И вот, спустя всего час после нашей беседы с хранительницей кладбища, собрав все дары и пригнав сюда как своих, так и чужих, я сидел на краю поросшей кустарником и высокой травой «чаши» и глядел на неприглядное месиво лиан, листьев и камней внизу, лениво жуя голову целиком завяленной ящерицы,

свисающей у меня изо рта. Колючий хвост бил о небритый подбородок, иссохшее вкусное тело болталось из стороны в сторону, чуть ниже меня и разложенных на брезенте модулей по травке туда-сюда мотался держащий за живот тощий гоблин и причитал:

– Куда меня?! Туда?! Ну я же больной! Лежащий больной! Почти инвалид! Сеньор! Вы видели мои язвы? Влажные сочащиеся язвы на моей несчастной груди! Они сползли уже до паха! Поразили орган любовной пульсации! Там даже надулись пузыри – и как я не просил отсосать мокроту, не согласилась ни одна чертова пута! Там такие язвы! Такие пузыри! – я могу показать! – засунув руки в шорты, гоблин зашурудил там, что-то пытаясь достать, но никак не в силах нащупать.

– Завали хлебало, хреносос – велел я и что-то в моем голосе заставило гоблина заткнуться и отпрянуть. Зацепившись пяткой за корень, он завалился назад, не сумел вырвать из шорт руки и покатился кубарем по склону, ударяясь о камни, жесткие корни и стволы колючих деревьев. Остановился он только у самого дна, шагах в восьми от темноты под природным навесом, прикрывающим технический колодец.

– Первый сгодился – пробормотал я, поднимая к глазам бинокль.

Стоящий в паре метров от меня второй из посланных Моксой недоделкой посерел и зашелся долгим лающим кашлем. Покряхтев, отплевавшись, утерев подбородок ладонью, он прохрипел:

– Ты убил его одним словом! Аохо! Аохо!

– Еще раз ахнешь…

Упырок захлопнул себе пасть обеими руками и поспешно рухнул на колени. Согнувшись, уткнулся лбом во взрытую землю и что-то сдавленно промычал, быстро затихнув.

Я внимательно глядел на лиановый навес – там что-то шевельнулось. Одновременно с этим заохал, застонал и перевалился на спину слетевший вниз придурок с ползающими язвами.

– Я-Я-З-В-Ы! – внезапно провыл он в небо – Язвочки мои с пузыриками… лопнули! Лопнули! Лопнули! Бо-о-ольно мне…

Метнувшаяся из сумрака тень вмиг оказалась на одной из израненных ног и… чашу заполнил долгий воющий крик, что так хорошо был мне знаком. Я знаю эту боль. Хорошо знаю боль, когда тебе в ногу своей перемалывающей сосущей пастью впивается сучий серый плукс. Воющий недомерок закатался по земле, забил руками по камням, при этом избегая смотреть на пожираемую ногу и вообще особо не двигаясь с места. Орать он

начал еще громче.

– Каппа – произнес я, не отрываясь от просмотра комедии.

– Я вижу, лид – правильно понял меня Каппа – Вижу… это нормально?

– Нет – покачал я головой – Такое дерьмо прежде не видел. О…

Из укрытия выметнулось сразу шесть плунарных ксарлов, с радостью вцепившихся в живое орущее мясо. На несколько оглушительных секунд крик усилился, достигнув ультразвуковых высот и… оборвался. Мясо еще было живо, но болевой шок милосердно отключил сознание жертвы.

– Ты видишь это? – спросил я, не отрываясь от бинокля.

– О таком ты не рассказывал, лид.

– Такого дерьма я и не видел – произнес я, поднимаясь и делая шаг к экзоскелету – Насладись могуществом, Каппа. В следующий раз мы экзы без нужды использовать не будем.

– Я понимаю. Твоя логика непогрешима. А настрой воина все так же суров.

Поняв, что так легко как раньше нам такую сложную технику как экзы, чьи ресурсы быстро истощались, не починить в случае чего, я решил использовать их только в крайнем случае – вот как сейчас. А во всех других – по старинке. Броник, шлем и дробовик.

– Мы справимся – уверенно заявил Каппа – Таков путь.

– Плохо на тебя вливания мозговые повлияли – хмыкнул я, «погружаясь» в спинную щель Гадюки – А может и нет… Давай, сержант. Я за тобой.

– Есть!

Подняв с земли связку из десятка звенящих коктейлей Молотова, экзоскелет бодро двинулся вниз, не торопясь, но и не слишком медленно преодолевая каменистый склон. Он пару раз зацепился за скрытые корни, но они не выдержали напора ходячей стали и с щелками лопнули, сдаваясь. Примитивные природные ловушки, что за прошедшие тысячелетия угробили немало обезьяноголинов. Трясущееся тело медленно утягивалось под навес. Часть плуксов отпустили вкусное мясо и насторожено развернулись к шагающей к ним смерти. Еще две безглазые чешуйчатые твари наблюдали за осторожно спускающимися по соседнему склону придурками помощниками. Гоблины держали в лапах веревки, несколько бутылок с огненной смесью и волокли за собой наспех связанную из металлической сетки и проволоки корзину.

Мокса на самом деле отдала нам самое отребье, явно надеясь, что они сдохнут в первые же минуты боя. Говорливый придурок и ворчливый старик, радостно готовящийся стать

стукачом Старой Матери – причем по собственной инициативе. Он и в тетрадках что-то строчил, мерзко похихикивая в ночи, подсвечивая себе огарком свечки – так сказала Куидди. Она уже прочла его тетради, сумев разобрать в них аж четыре различных языка и поняв достаточно, чтобы понять – гребаный старпер фиксирует все подряд, вписывая в свои отчеты имена, прозвища, позиции, кто и как ругал старую систему, кто и как подмахивал новой, кто ворует, кто грабит, кто самый подлый и тому подобную грязь, собранную ото всех изгоев понемногу. Получилось отвратное блюдо полное самых неожиданных фактов – уверен, что Мокса уже забрала эти записи и спрятала, зная, что доигравшийся старик не вернется. Хотя он на самом деле не совсем старик и у него есть неплохие шансы вернуться живым, если будет делать в точности то, что я от них хотел. А их задача запредельно проста – они спустят корзину, мы запнем внутрь одного целехонького плукса со всеми конечностями, после чего им всего-то надо вытащить корзину на край чаши, где ждет наш подогнанный внедорожник и Хорхе с дробовиком. Оставив корзину там, они, под приглядом чуток поспавшего Хорхе, стащат вниз пару тросов и спустят их в тот люк, что мы к тому времени уже должны будем вскрыть. Без страховочной лестницы я в темноту подземелья лезть не собирался – я знаю, что может скрываться в стальных коридорах. Закончив с спуском лестницы, гоблины утащат наверх все дохлое обожженное мясо, а теперь им придется поднимать и труп своего язвенного соплеменника. Потом они – включая потенциальных новобранцев, что сейчас вовсю зевали, опираясь на примитивные трезубцы – они дождутся нашего возвращения. После чего одолженный никчемный мусор вернется к своей разочарованной хозяйке Моксе. Она хоть и намекала, но мне как-то посрать на ее вежливые просьбы сделать так, чтобы это испорченное мясо сдохло. Короче – задача проста. Задача примитивна. Спуститься, подняться, спуститься, связать дохлые туши, снова подняться – и валите нахрен. Все так просто, что налажать просто невоз… зачем этот говорливый молодой хрен поджег торчащую из горлышка тряпку?!

Я даже рявкнуть не успел, как события начали развиваться с молниеносной скоростью. И нет, дебил с зажженным коктейлем Молотова не споткнулся, как можно было бы ожидать. Нет. Спускающийся за ним старик вдруг шатнулся сначала назад, задирая ногу в новеньком кеде фирмы Бункерснаб, синее с белым, а затем качнулся вперед и наградил молодого напарника пинком промеж лопаток, дико при этом заорав:

– Сдохни, грешник!

Завопивший гоблин не удержал равновесие, но удержался на

ногах и, чтобы не упасть, побежал вперед, все быстрее переставляя ноги и набирая скорость.

– Вашу мать, дебилы – вздохнул я, ускоряясь.

Бегующий парень, вместо того чтобы просто упасть харей вниз, сожрать пару кило дерьма вперемешку с гуано, но все же остановиться, сначала попытался избавиться от пылающих бутылок, разом швырнув два снаряда вперед. Бутылки пролетели десяток метров, упали на камни и вверх взметнулось чадное пламя. А дебил то продолжал бежать и… поняв, что натворил, уже не успевая свернуть, он усилил блеющий крик и наконец-то рухнул… проскользил по траве потной тушей и въехал прямо в огненные объятия.

– А-А-А-А-А-А!

Тяжело вздохнув, я поднял руку и указал Хорхе сначала на него, затем на карабкающегося старика, а потом уже на дробовик в руках бывшего советника.

– Я поклоняюсь истинной Матери, грешники! – орал старик, буксуя, обрушивая вниз пласты черной жирной земли, вырывая пучки травы – Мать простит меня! Мать простит меня! Мать… ах ты ж с-с-с-сука! – выдохнул старик, едва не напоровшись потным грязным лицом на опущенный вниз ствол дробовика.

Выстрел разметал тупую башку, обезглавленное тело рухнуло ничком и, проскользив пару метров, замерло.

– Давай! – рявкнул я и под навесом вспыхнуло яростное пламя, высветив труп и сгрудившихся вокруг него тварей, что уже успели отгрызть от тела руку и ноги ниже колена.

Все же расчленяют. Значит, дыры и правда невелики. Но это еще не все. Тут есть и другая система подачи вкуснятины в логово.

Огненная смерть накрыла чешуйчатое зверье, следом по краю пекла двинулся Каппа, экономно взмахивая тесаком. А я совершил короткий прыжок и успел поймать за хребет одну маленькую тварь, что неожиданно легко вывернулась, упала и заскрежетала клыками-иглами по моей стальной голени.

– Боец – одобрительно произнес я, ударом кулак ломая плуксу хребет – Хоть ты не дерьмо.

Развернувшись, швырнул обмякшего урода к внедорожнику и услышал, как он тяжело ударился о дверь машины. Одновременно с этим по мне мягко и влажно стегнула та самая замеченная мною хрень.

– В корзину! – приказал я через внешние динамики, глянув на почерневшую клетку рядом с еще дергающимся дебилом, что считай сам себя запек до хрустящей корочки.

– Готово, лид.

– Хорошо. Дальше по плану.

– Есть.

В каждую потенциально сквозную щель между камнями ушло по еще одному коктейлю. Опознать эти дыры было просто – камень вокруг них был очищен от травы, на нем виднелись царапины. Плуксы часто выбирались из этих дыр наружу. А затем возвращались обратно – и всегда через те же самые дыры. Почему? Ответ на этот вопрос прост.

Нагнувшись, я схватил мясистую длинную хрень и потянул. Мясо растянулось, затем напряглось и из огня выполз мертвый горящий плукс. Все они были связаны с чем-то под землей вот такими вот пуповинами. Иначе эту хрень не назвать. Но, как мне кажется, эти пуповины работают в обратку. Я отчетливо видел в бинокль как по этим длинным мясным трубкам, обладающим собственной мускульной системой, бежали от плуксов к навесу ясно видимые выпуклости – только что проглоченные тварями измельченное мясо и кровь.

Это мясные лифты. Системы подачи жратвы к главному едоку. А плуксы, что шныряют по поверхности и ловят всякую мелочь, а порой и гоблинов, всего лишь разумные кусачие пасти.

Войдя в огонь, я отшвырнул пару камней, следом выдвинул лезвие и нанес пару ударов по пылающей растительной крыши, обрушив эту массу прямо на наши головы. Еще два удара и я оказался снаружи, стоя посреди чадного костра. Со звоном упало еще пару бутылок, добавив горячей смеси, после чего мы убрались из пожара – глупо перегревать системы экзов и забивать фильтры копотью и сажей.

Долго ждать не пришлось. Пламя прогорело быстро, заодно сожрав все сухое и изрядно повредив сырое. Мы с мечником шустро растащили все это дерьмо в стороны, обнажая середку дна чаши. Ломая кости, давя чешуйчатые тела, мы вернулись к горячим камням и принялись их выворачивать. Сервоприводы легко справлялись с огромными камнями и вскоре мы обнаружили цель – круглый ребристый люк скрывался под обломком плиты. Виден железобетон, торчит арматура, несколько сквозных дыр, а за ними чернота. Стряхнув железной ладонью часть песка и золы, я схватился за скобу и повернул ее на девяносто градусов. Щелкнуло. От люка послышался холодный знакомый голос, что чуть искажался из-за умирающих динамиков:

– Визуальный контроль невозможен. Представьтесь, пожалуйста.

– Мерсенарио Оди.

– Опознано. Доступ разрешен.

Еще один щелчок и я дернул скобу на себя, полностью

выдергивая люк из пазов. Наклонившийся Каппа врубил грудной фонарь и вниз ударил световой столб.

– Коменданте! Сархенте! Тросы! – впереди бежал рогатый, но судя по его крайне грустной и откровенно испуганной морде, он сюда не рвался и был послан силой. Говорил же Камино, скрытый фигурой миноса.

– Уходите – велел я, когда тросы упали в дыру люка и исчезли во тьме.

Возражений не последовало. Они побежали вверх по склону, а Каппа провалился в люк. Задрожали тросы, еще через секунду последовал доклад:

– Чисто. Четыре метра. Можно.

Можно так можно. Я за трос не цеплялся, просто спрыгнув люк и приземлившись на земляную подушку внутри едва освещенном светом сверху бетонного коридора неглубокого залегания.

– Лид – Каппа показывал мне на некий темный перекошенный предмет.

Приглядевшись, я понял, что это большая грузовая платформа, влетевшая в стену и навсегда замершая в этой умершей путеводной артерии. А это именно артерия. Одна из тех дорожек, по которым либо поступало сырье, либо же уходил готовый товар – тут не угадаешь, а платформа была пуста. Но скорей всего этот широкий коридор использовался для обоих целей – вон остатки двойного рельса на потолке. Тут было двустороннее и двухуровневое движение. Сориентировавшись, я убедился, что прямо как стрела коридор ведет точно к Олимпу – колоссальной горе, что скрывала в себе мир-опухоль Франциск II.

– Вперед – говоря это, я уже шагал, причем шагал по извивающимся и хлюпающим под моими ногами мясными жгутами. С каждым моим шагом на землю и старый бетон выплескивались брызги высосанной и переданной сюда крови, вылетали комочки жеванного мясо. А темноте там впереди что-то тяжело и знакомо дышало.

Да… я уже знал, что сейчас увижу за той кучей земли или чуть дальше.

И я не ошибся. Как раз куча земли и скрывала очередную грузовую платформу, что уперлась в земляной завал, который почти полностью перегородил этот коридор. О причине завала думать не приходилось – взрыв. Все это дерьмо случилось после полученного системой приказа ликвидации гига-фабрики. И медлить с выполнением приказа она не стала, хотя сумела спасти себя.

Автоматизированная решетчатая платформа не была пуста.

Хотя понять, что именно она несла на себе в момент взрыва, понять удалось не сразу. Первое что мы увидели – гнездилище. Знакомое мне колышущееся, дышащее мясное гнездо, прилепившееся к стене у платформы, заняв собой частично и темное озерцо, пополняемое из трещины в бетоне. Размером с внедорожник это гнездо было чуть иным. Не таким, как там, откуда я родом. В нашей жопе гнезда иные… это чуть ярче, чуть венозней и вообще выглядит как освежеванная мошонка великана, решившего покатать свои отрубленные яйца на паровозике.

Содрогнувшись, гнездо выплюнуло из себя десяток крохотных созданий – новорожденные плуксы. Резко повернувшись, Каппа выпустил три очереди, покосив бросившихся на нас из темноты три багровых плуксов. И эти тоже были связаны с гнездом пуповинами, что…

– Охренеть – произнес я, не скрывая удивления.

И было чему удивляться – едва убитые мечником три крупные твари упали и затихли, как мясные жгуты резко задергались и… начали укорачиваться, стремительно втягивая трупы в себя.

Хлюп… и много килограмм вкусного мяса вернулись в родную утробу. Гнездо задергалось, зачавкало, а я… я прямо сквозь стальную шкуру боевого экза почувствовал, что прямо сейчас нас лихорадочно разглядывают, пытаются что-то понять, отыскать наши слабые места, одновременно перерабатывая биомассу и пытаясь породить новых солдат, но понимая, что не успевают.

Мы с Каппой бросили подожженные огненные бутылки одновременно. И обе ударили в потолок над мясной опухолью, разбившись и накрыв ее огненным дождем. Подняв руку с дробовиком, я трижды выстрелил, рвя горящее мясо и позволяя горючей смеси влиться внутрь. Коридор наполнила воющая вибрация, мелко затрясшееся гнездилище агонизировало, складываясь и выдавливая из себя дымящееся мясо и потоки слизи. Еще несколько выстрелов и я отступил – тварь рефлекторно принялась втягивать в себя оставшиеся стегающие пуповины, одновременно пытаясь сожрать отрыгнутую рвоту.

– Вы дрались с подобными в нижнем мире – уточнил как всегда дотошный мечник.

– Нет. Вот нихера не с подобными – ответил я, добавляя еще один зажигательный подарок – Наши как-то попроще. А тут кусачее дерьмо на поводках…

– Мы справились легко.

– У этих тварей было маловато пищи. Вот и жили на

голодном пайке. А будь у них много вкусных гоблинов… никто не знает, чтобы родилось из этого гнездилища еще.

– Не вижу смысла в… мясных поводках. Это снижает скорость, заставляет тянуть за собой лишнюю тяжесть, уменьшает подвижность…

– Да… – подтвердил я – Ущербно. Но не странно.

– Почему?

– Потому что это сраный тестовый образец номер семнадцать.

– Вижу – прогудел Каппа.

Сползшая груда мяса выплюнула последнюю струю желтой слизи и захлюпало лужей, обнажив стоящий на платформе здоровенный бак, представляющей собой прозрачную разбитую колбу посередине, размером с бочку, и по здоровенной нашлепке с каждой стороны, где раньше явно скрывалось какое-то оборудование этого бака – охлаждение, контроль среды, аккумуляторы. Прямо по колбе тянулась строгая и мало что поясняющая надпись «ВестПик. Тестовый образец № 17. Пастух». А ниже и мельче «Назначение – Франциск II».

– Лид…

– Дерьма все больше – подытожил я, глядя на еще одну платформу, только что освобожденную Каппой от земляной подушки и мелкого крошева.

Еще одна платформа. Еще один здоровенный бак. Этот поврежден куда сильнее, но надпись на нем еще можно разобрать.

«ВестПик. Тестовый образец № 19. Блуждающий». «Назначение – Формоз».

– Как только выполним это задание… мне будет о чем поговорить с управляющей – произнес я, переводя взгляд чуть левее, где из-под земли едва-едва выдавался край еще одно грузовой платформы. Прижавшись ближе к стене, мы двинулись дальше, оставив за спиной мертвых плуксов и растекающееся мясное гнездо.

В момент ликвидации по этому коридору пер целый конвой из таких платформ. И везли они на себе далеко не ящики с оружием. И не консервы. Тут, где-то во взорванных цехах, производилось не только продовольствие, экипировка и предметы бытового обихода. Тут выращивали монстров. Тут были свои лаборатории, что производили такие вот гребаные образцы…

Я не особо удивлен. Такие же были и внутри мира-опухоли. Хотя, похоже, раньше тут не обходилось без помощи извне – без поставок изначальных тестовых образцов с внешних источников.

Мне надо как можно больше информации. И как можно скорее.

– Да… – повторил я, останавливаясь и глядя на закрытые и

заваленные бетонными обломками стальные сдвижные ворота – Мне будет о чем поговорить с управляющей.

Здесь подземный коридор раздваивался. Основной ход шел прямо – к Олимпу. А второй упирался в стальные ворота, что были снабжены поясняющей надписью:

«Направление – грузовой речной док № 3. Убежище Формоз».

– Вижу терминал, лид. Индикаторы мигают зеленым и желтым.

– Активируй, Каппа – не отрывая взгляда от стальных ворот, пробормотал я – Активируй…

Внимание! Ручная активация успешна! Сенсоры активированы! Визуальная и аудио связь восстановлены!

Коменданте-мерсенарио Оди. Поздравляю.

Задание «Очистка и осмотр технического колодца АБ24 изнутри. (Основное)» выполнено.

Внимание! Повышение внутреннего статуса ВестПик!

Финансовый баланс: 4.

Ежедневная ставка: 4.

Задолженности: нет.

Статус: ***

Внутренний статус ВестПик: 1

Социально-карьерный статус: команданте-мерсенарио.

– Коменданте-мерсенарио Оди – этот женский приятный голос прозвучал из стенной ниши, где за сетчатой дверью Каппа обнаружил нужный нам терминал – Раздел заданий обновлен.

– Ты заговорила.

– Данный терминал обладает исправными динамиками и микрофонами. Я слышу, говорю и вижу. Повторяю – раздел заданий обновлен. Добавлено еще одно дополнительное задание – оплачиваемое. Ты вправе отказаться.

– Отказаться? За задание есть повышение внутреннего статуса?

– Такая вероятность существует. Приятная неожиданность, ожидание возможного сюрприза за старания – это мотивирует человеческие особи.

– Мы те еще особи – согласился я – Дай догадаюсь – нам придется тащить твой терминал на поверхность.

– Верная догадка, команданте-мерсенарио Оди. Так же прошу немедленный вербальный доклад в свободной форме.

– Доклад? Тоже легко – буркнул я – Один из созданных тобой тестовых образцов выжил, вырос и начал убивать. Тестовый образец за номером семнадцать. Не расскажешь об этом поподробней?

Информация закрыта для тебя. Причина – нулевой внутренний статус.

– Информация закрыта для тебя. Причина – нулевой внутренний статус.

Эти слова система и произнесла, и написала прямо у меня на сетчатке.

Ладно…

– Ладно – повторил я – Давай свое следующее задание, управляющая. Мы гоблины – племя старательное… мы племя старательное…

Произнося эти слова, я не сводил взгляда еще одной грузовой платформы, чей огромный бак был полностью цел, но прозрачная колба почернела, за ней плескалась мутная мертвая жижа. Ну да – все сгнило. Но я смотрел не на жижу, а на очередную надпись:

Тестовый образец № 14. Симбиоз Дабл. «Назначение – Франциск II».

Конец первой книги.